

ПРОТИВ ШЕРСТИ

СТЕФАН СЕРВАН

Перевод Юлии Пугаченковой

МИО

Young Adult Novel. Дикие тайны

Стефан Серван

ПРОТИВ ШЕРСТИ

Перевод с французского
Юлии Пугаченковой

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2022

УДК 82-312.9(133.1)
ББК 84(4Фра)6-445.1
С32

Оригинальное название:
Félines

На русском языке публикуется впервые

Издание осуществлено в рамках программы
содействия издательскому делу «Пушкин»
при поддержке Французского института в России

Cet ouvrage, publié dans le cadre
du Programme d'aide à la publication Pouchkine,
a bénéficié du soutien de l'Institut français de Russie

Programme

Серван, Стефан

С32 Против шерсти / Стефан Серван ; пер. с франц. Ю. Пугаченковой. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. — 352 с. — (Young Adult Novel. Дикие тайны).

ISBN 978-5-00195-288-6

Никто точно не знает, как это началось.

Семнадцатилетняя Луиза — одна из первых девушек, подвергшихся мутации. Ее чувства обострились, в теле и движениях все отчетливее стали проглядывать кошачьи черты. Но она не единственная, с кем это случилось. Списки в социальных сетях пополняются с каждым днем, вспыхивают беспорядки, и власти начинают преследовать девушек-кошек.

Вскоре Луиза оказывается перед выбором: пытаться замаскировать новые способности, чтобы жить как прежде, или отстаивать свои права и присоединиться к мятежу?

УДК 82-312.9(133.1)
ББК 84(4Фра)6-445.1

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-288-6

Félines © Rouergue, France, 2019
© Перевод на русский язык, издание
на русском языке, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

Предостережение от автора

Текст, который вы собираетесь прочесть, не вымысел. Это расшифровка рассказанного Луизой Р, которой было семнадцать на момент нашей встречи.

Беседа состоялась в месте, которое я не стану раскрывать по вполне понятным соображениям безопасности, и длилась она несколько часов без комментариев с моей стороны.

Все имена и фамилии реальны, а события происходили именно в тех локациях, которые описаны в истории, и достоверность этих событий в большинстве случаев легко поддается проверке.

Чтобы облегчить чтение, в том числе из-за неточности воспоминаний, я был вынужден отредактировать некоторые диалоги и части повествования, заботясь о том, чтобы как можно более верно описать произошедшее в жизни Луизы Р.

Должен также добавить, что я отнюдь не стремлюсь отразить в этом тексте какую-либо позицию по поводу обстоятельств, которые потрясают нашу страну и весь мир в течение последних месяцев.

Я всего лишь записал рассказ.

И если сегодня я вверяю его вам, то делаю это потому, что в нем содержится повествование о необыкновенных вещах, повествование, которое,

я надеюсь, прольет свет на все, что происходит в наше беспокойное время.

Мне хотелось бы поблагодарить моего издателя за смелость.

Один только факт публикации этого произведения является нарушением множества статей закона и подвергает нас — и его, и меня — риску общественного порицания, а также уголовного преследования по нескольким пунктам.

И я, и мой издатель несем полную ответственность за последствия публикации этого произведения.

Наконец, я хотел бы выразить признательность книготорговцам, которые отважатся предложить эту книгу своим читательницам и читателям. Мы рассчитываем на вас, как никогда прежде.

Думать — значит перестать подчиняться.

Читать — значит готовиться к бою.

*Эта книга посвящается Камий,
моей дочери*

Ну что, вы готовы?

Я вам расскажу, что произошло, хотя знаю, что рассказанное мной вряд ли изменит облик мира, по этому поводу я особо не строю себе иллюзий.

Облик мира не менялся со времен его сотворения, и по сей день он не отличается красотой. Кто-то может даже сказать, что у мира гнусная наружность.

Ну что же, в этом есть доля истины.

Вот только человек мало что смыслит в красоте.

Кстати, не больше, чем в правде.

Я прочла однажды, что правда всегда в руках сильнейших.

Это не так. Правда принадлежит тем, кто может заставить других замолчать.

Именно поэтому я вам и расскажу о том, что произошло, — я верю в силу слова и силу историй. Конечно, это всего лишь моя версия правды о случившемся, но она ничем не хуже остальных версий, по крайней мере я так считаю. Знаю, что многие со мной не согласятся. Особенно те, кто сомневаются в моей способности мыслить и даже отказывают мне в самом праве мыслить. Но факт остается фактом: я мыслю, чувствую, смеюсь и плачу. А еще я умею любить.

Признайте, если я смертна, значит, и любить могу. Сегодня говорить опасно. Если меня найдут, то совершенно точно повесят, вы это знаете.

Вы ждете, что я скажу вам, будто мне на это наплевать? Что мне нечего терять? Что я ко всему готова?

Вот уж нет.

Мне не все равно. Нисколько. Я хочу жить. Но сегодня я должна говорить, и я готова рискнуть.

Я ничего не прошу взамен.

Если я вам не нравлюсь, это ваше дело. Я такая, какая есть.

Уясните: я такая, какая есть.

Я не прошу пощады. Не молю о жалости. Ни в коем случае. Я просто хочу рассказать о том, что произошло, потому что мы слишком долго молчали. Чересчур долго.

И говорить я буду не для вас.

А ради каждой из нас.

Начну, как только вы будете готовы.

Готовы?

Когда я была маленькой, мама подарила мне книгу греческих мифов. Я обожала эти истории, хотя и не все понимала. Хотя это и было адаптированное издание для детей, но волшебные и странные легенды все равно оставались пронизанными насилием. Отцы проглатывали своих сыновей, возлюбленные превращались в цветы, а еще я помню, что девушки часто становились жертвами вождения богов. И чтобы добиться своего, боги были готовы превратиться в быка, в муравья или даже в золотой дождь.

Меня это завораживало. Казалось, что богов можно обнаружить за каждым камнем и за любым, даже самым маленьким облаком. Я повсюду высматривала признаки их присутствия, но они ни разу себя не выдали.

Чуть позже, в старшей школе, я подсела на ужастики. С попкорном в руках мы с Сарой вжимались в диван и дрожали перед телевизором. Затем забивались под одеяло в ее комнате и рассказывали друг другу страшилки о привидениях, проклятых куклах и злобных нянях.

Наибольшим успехом у нас пользовалась история о «кабинке покойницы».

Каждая девочка в школе знала эту легенду.

Речь шла о дальней кабинке в самой глубине раздевалки бассейна, куда практически не попадал свет. Все избегали этого места. Стенки кабинки были покрыты сероватой плесенью. Несло оттуда то ли канализацией, то ли гнилью, как будто под плиткой замуровали труп. Рассказывали про дырку в стене, через которую парни могут видеть все, что происходит в кабинке. Что старый Бурден, который кем только ни работал в нашей школе, часто приходит туда подглядывать. И что, если прислушаться, можно услышать его прерывистые вздохи. А вонь на самом деле не что иное, как дыхание Бурдена.

Еще чаще рассказывали, что десять лет назад какая-то девушка совершила там самоубийство, отсюда и название кабинки. Она повесилась, потому что ей нравились девочки, а не мальчики и весь лицей узнал ее секрет. Больше всего ей доставалось от одного парня, который без конца ее терроризировал. Издевки, анонимные письма, обидные надписи на стенах — это и довело ее до отчаяния.

И конечно же, у всех были знакомые, у которых была кузина или подруга кузины, которая училась в нашей школе в то время. Все могли припомнить какую-то мелкую подробность о бедной девушке.

Как ее звали. Какого цвета были ее волосы. Каким шампунем она пользовалась. Вот только ничего не было известно о ее обидчике. У каждой девушки был свой кандидат. Прежде всех, конечно, обвиняли старого Бурдена. Учитель физкультуры, директор, некоторые из старшеклассников и технического персонала и все смуглые ребята из средней школы были в списке подозреваемых. Поговаривали, что призрак покойницы ждал в кабинке живую девушку, чтобы рассказать ей о своих страданиях, о стыде, боли и, конечно, о своей любви. Покойница ждала девушку, которой бы тоже нравились девушки. Один поцелуй в губы — и ты уже невеста покойницы и обречена на вечную жизнь с призраком проклятой возлюбленной за плесневелой стеной.

Конечно, это были всего лишь глупые мрачные выдумки. Подростковые штучки. Кроме проблем с канализацией, ничего страшного в этой кабинке не случалось, но все девушки держались от нее подальше.

Кроме одной.

Ее звали Алексия, да, именно в раздевалке бассейна это и началось.

Ну, то есть началось все, конечно, намного раньше. Но тогда никто этого не понимал, даже мы сами. Мутация еще не была явной. И нельзя сказать, что произошедшее в тот день раскрыло нам глаза. Ни одна из нас не смогла трезво оценить сцену, разыгравшуюся в кабинках раздевалки, стенки которых обволакивали непристойные надписи и запах хлорки. Как мы тогда к этому отнеслись? В нашей нудной подростковой жизни произошла движуха! Одно

из тех редких событий, что нарушают монотонность школьных дней. Появилась возможность выплунуть из себя смешками вязкие будни. Не знаю, сколько вам лет, но вы ведь понимаете, о чем я, правда?

Конечно, это было жестоко.

Я это понимала, хоть и смеялась вместе с остальными.

На самом деле смешно мне не было, и все-таки я смеялась. Чтобы как-то разбить рутину. Но если уж быть честной до конца, то смеялась я, чтобы успокоиться. Потому что мне было страшно. Я была в ужасе.

Я смотрела на Алексею, у ног которой валялось красное полотенце, на остальных ребят, которые хохотали, стоя вокруг нее, на парней, которые хмурились и тыкали в Алексею пальцем, и на странную ухмылку, почти что улыбку, под усами учителя физкультуры. Я смотрела на Алексею, на ее беспомощно опущенные руки, на ее лицо, ее слезы и повторяла про себя: «Луиза, на ее месте могла быть ты, на ее месте могла быть ты». Но я смеялась вместе с остальными: с Сарой, с Морган, с Фатией. Я смеялась, потому что с облегчением осознавала: в этой ситуации я оказалась на правильной стороне. И я даже не задумывалась, кому дано право решать, какая из сторон правильная, а какая — нет.

Так, прежде чем продолжать историю, я должна рассказать вам о моих одноклассниках.

Нас было двенадцать девчонок. Двенадцать подростков, двенадцать слишком худых, слишком полных, слишком зажатых тел. Двенадцать несовершеннолетних тел, которые мы пытались укротить, словно диких лошадей. Наши лошади были мятежными, дрянными,

непокорными. Ну и натерпелись мы в попытках их обуздать. И все равно они жили сами по себе, не подчиняясь нам. Наши тела не давали нам покоя, борьба с ними изматывала. Возможно, поэтому мы так зло поступили с Алексией в тот день. Из-за мести к нашим собственным телам.

Мое тело уж точно мне было врагом. Только в воде я могла выдохнуть. Поэтому я и любила уроки плавания, несмотря на испытания, которые приходилось преодолевать в раздевалке. Как только я заходила в воду, меня охватывало ощущение легкости, будто я сбрасывала с себя тело. Или, скорее, наконец-то достигала с ним согласия. Чувство невесомости, отсутствия гравитации. Чувство свободы. Такая свобода знакома рыбам. Или русалкам.

Но сначала нужно было пройти через раздевалку. Вынести взгляды, подмигивания и насмешки одноклассниц. Переодеваясь, я слышала шутки парней по ту сторону перегородки. В отличие от нас, девчонок, парни уже давно научились глумиться над своими комплексами. Так уж их растили. Они бы предпочли сдохнуть, чем признаться, что они до сих пор мальчишки, которые боятся своего тела, а еще темноты.

На кабинках в женской раздевалке не было дверок. Переодеваться приходилось быстро: скинуть одежду — камуфляж, стянуть за задник туфли, скомкать трусы и носки и засунуть их в спортивную сумку, задержать дыхание, втянуть живот, натянуть слитный купальник, расправить плечи, сделать вид, что все в порядке, вести себя естественно, будто у тебя все под контролем. И при этом избегать взглядов других одиннадцати девушек. Ну и пытка. Но потом нас

ждал бассейн. Много-много воды, в которой я могла забыть о теле.

В тот день, как и всегда, физрук хлопнул в ладоши, чтобы мы поскорее выходили из раздевалок. Он веч-но психовал из-за того, что мы копаемся.

— Так, девчонки, хватит марафетиться, вы идете плавать, а не на вечеринку, выходим, выходим!

Я ненавидела этого типа, его усы и его тупые стар-перские шутки.

Мы друг за другом вышли из раздевалки. Чуть в стороне, скрестив на груди руки, стояли парни. Они бросали на нас взгляды и смотрели будто бы мимо, но мы-то знали, что они пытаются понять, что скрывается у нас под купальниками. И только на мне никто не задерживал взгляд.

Учитель пересчитал нас. Одиннадцать человек.

— Кого нет? — спросил он.

Мы смотрели друг на друга, пожимая плечами.

— Вас здесь одиннадцать. Кто двенадцатая?

Никто не ответил. Тогда я сказала:

— Алексия.

Я помнила, что видела, как она пошла в самый ко-нец раздевалки в сторону последней кабинки. К ка-бинке покойницы.

— Алексия? — спросил учитель, дернув усами. — Алексия как там ее?

Я назвала ее фамилию. Усы учителя снова заше-велились.

Алексия была тихой, даже слишком. Я ее знала с начальной школы. Мы дружили. Затем, когда мы перешли в среднюю школу, Алексия увяла, будто срезанный цветок, который оставили под паля-щим солнцем, и мы с ней отдалились друг от друга.

Мы не поссорились. Просто попали в параллельные классы, и наши пути разошлись. Ее родителей я видела всего раз, они были людьми жесткими, педантичными и глубоко религиозными. Они жили в старом доме в верхней части города. Ее отец был бригадиром на бумажной фабрике и всегда носил ужасный черный костюм и имел мрачный вид. Ее мама занималась домом, в котором, как мне помнится, все должно было блестеть, словно капот коллекционного автомобиля. Думаю, они делали все, чтобы осадить непокорную лошадь, на которой их дочь неслась во взрослую жизнь. Алексия носила бесформенную старушечью одежду. Прическа, очки, брекететы, безропотность — все это делало ее белой вороной и гнало в глубину школьного двора, где ютились такие же изгои. Она стала прозрачной, невидимой. Она ни с кем не разговаривала. Даже учитель физкультуры не мог вспомнить эту хиленькую девушку с невероятно белой, почти просвечивающей кожей. Мне было жаль Алексию. Как бывает жаль зверька, у которого не хватает одной лапки. На ее месте могла оказаться я. Да запросто.

Я сказала:

— Схожу за ней.

Когда я проходила мимо Сары, та шепнула мне:

— Берегись покойницы, Лу. Она не любит, когда ее тревожат во время свидания с невестой.

Затем последовал непристойный жест языком. Я пожала плечами.

В раздевалке было темно.

Я позвала:

— Алексия?

Никто не ответил.

Я направилась к последней кабинке, к той самой. Чем ближе я подходила, тем сильнее чувствовала, как вонь плесени перекрывает запах хлорки. Я обхватила себя руками.

— Алексия?

Тут мне показалось, будто я что-то слышу. Чье-то дыхание.

Я подумала о дырке в стене, о старом Бурдене, о мертвой девушке и не смогла сдержать дрожь.

Со стороны бассейна доносились громкие голоса. Парни выкрикивали: «Алексия! Алексия!» — словно она была кинозвездой или самой популярной девушкой в школе.

— Алексия? — позвала я, но из моего горла вырвался только шепот.

Я подошла к кабинке еще ближе, а крики парней со стороны бассейна раздавались все громче и громче.

Алексия была там, в кабинке покойницы. Она съежилась, завернувшись в огромное ярко-красное полотенце, и прислонилась к покрытой черной плесенью стене. Ее волосы спадали на лицо, и она без конца повторяла какие-то слова.

— Алексия? Все в порядке?

Услышав свое имя, она сползла ниже по стене. И подняла на меня глаза. На ее лице застыло скорбное выражение. Выглядела она жалко, и, должна признаться, у меня не было никакого желания подходить к ней.

Я попыталась улыбнуться и махнула ей рукой:

— Пойдем, Алексия, учитель ждет.

Она потрясла головой.

— Я не виновата, — прошептала она. — Я не хотела приходить, они меня заставили.

Я подумала о ее родителях. Они никогда не давали ей спуску. Наверное, она плохо себя чувствует, у нее месячные или что-то в этом роде.

Я протянула ей руку:

— Алексия, все будет хорошо, не переживай. Вот увидишь: войдешь в воду, и станет легче.

Она снова помотала головой:

— Нет, я не хочу. Не хочу.

— Но, Алексия...

У нее на глазах выступили слезы.

— Я не могу!

— Ладно.

Я сделала глубокий вдох и подошла к ней. От запаха в кабинке меня чуть не вывернуло.

— Хорошо. Пойдем скажем учителю, что ты не можешь заниматься.

Она шмыгнула носом.

— Хорошо?

В конце концов она кивнула.

— Пойдем.

Я медленно попятилась, словно старалась не спугнуть настороженного зверя, и Алексия пошла за мной. Я тогда не придавала значения бритве, которая валялась на полу. Небольшой одноразовый станок. Но я так спешила выйти из кабинки, что это показалось мне неважным.

Парни у бассейна перестали кричать, и я слышала, как физрук читает им нотации.

Не сводя с Алексии взгляда, я направилась в сторону двери. Она, кажется, немного успокоилась, но полотенце с себя не снимала и повторяла шепотом:

— Я не виновата, я не виновата.

Мы вышли из раздевалки. На нас смотрели все: девушки, парни, учитель. Я покраснела и не знала, куда деться. Как будто... не знаю, как будто в том, что я так близко подошла к Алексии, было что-то постыдное.

Я направилась к учителю, чтобы объяснить ему, что Алексия не может плавать, хоть я и не знала почему.

В этот момент у меня за спиной раздался пронзительный крик.

Потом наступила тишина.

Гробовая.

Я обернулась.

Кто-то стянул с Алексии красное полотенце, в которое она куталась. Теперь оно лежало у ее ног, напоминая алую лужу. Алексия стояла в кругу остальных девушек. И все молчали. Все разглядывали ее тело. Тело, покрытое шерстью. Черной гладкой шерстью, которой были усеяны ее торс, плечи и бедра. Это был почти мех. Мех животного. А там, где Алексия провела бритвой, виднелись отвратительные полосы голой кожи. Кожи, которую будто содрали с животного. Это... это была страшная, непостижимая нелепость.

Парни хмурились. Девушки прикрывали рот рукой. У всех перехватило дыхание.

Молчание было невыносимым. В тишине раздавались только всхлипы бедной Алексии. Они были похожи на плач младенца. Или стоны раненого зверя.

И тут Фатия внезапно взорвалась смехом, показывая пальцем на шерсть, покрывшую тело Алексии. Это был сигнал. Быстро, словно ток по проводам, до нас добежал импульс смеха. Наши тела сотрясала мощная разрядка. Над бассейном раздавались раскаты смеха и девушек и парней. Оглушительный гнусный смех

наполнил все здание. А Алексия молчала. Она стояла, не поднимая глаз. И плакала. Алексия плакала. А я смеялась вместе с остальными. Потому что я была рада. Рада, что на ее месте оказалась не я.

Вот, теперь вы знаете, как все началось.

Понятия не имею, как это было у других.

Но у нас вот так.

Как я вам и сказала, человек мало что смыслит в красоте.

И подростки в этом плане ничуть не лучше взрослых.

Я не вспоминала об этом до обеда.

Моя голова была занята другими вещами.

У нас отменили уроки, была хорошая погода, и я должна была встретиться с Томом в центре города.

В наших отношениях не было никакой определенности. Все считали иначе, но мне нравилось давать другим повод думать, что мы встречаемся. Если бы одноклассники узнали правду, они бы, скорее всего, расстроились. Поэтому я заботилась, чтобы они не знали ничего, что, учитывая размер нашего города, было не так-то просто.

Наш город ничем не отличался от множества других городов. Ни большой, ни маленький. Средненький такой. Провинциальный. Безликий. Несколько тысяч жителей, прямые улицы, река в центре. Три

начальных, одна средняя и одна старшая школы, обветшавшая больница, развалиха церковь. Несколько магазинчиков, парк, бассейн, стадион, торговый район с двумя супермаркетами, десятки рекламных щитов, захудалый ночной клуб, жилые кварталы с абсолютно одинаковыми домами.

И гвоздь программы — бумажная фабрика на грани закрытия, из-за которой город был постоянно окутан отвратительной желтой дымкой, и все это в окружении голубых гор, черных лесов и десятков километров извилистых дорог, отделяющих нас от самого крупного города страны.

Наш город был похож на котел, в котором бурлят скука и сплетни.

Можно было бы подумать, что все мои сверстники хотели оттуда сбежать, но нет.

Большинство девочек мечтали только о том, чтобы найти мужа, построить семью, завести собаку, купить домик и целыми днями пропадать на кухне. А парни, должно быть, мечтали об охоте с друзьями и игре в футбол с детьми на плешивой траве стадиона.

Они дорожили этим городом. По-настоящему дорожили.

Я тоже его любила. Но иначе. Так, как любишь уродливую куклу, с которой вырос.

Конечно, всем здесь было ужасно скучно. Слишком короткие юбки, слишком крепкое пиво, сигареты, субботние тусовки, воскресная кома, молодежь убивала время, раздувая краснеющие под котлом угли. Нежелательные беременности, депрессии и несчастные случаи на охоте — все это добавляло бульону пикантности. Меня это варево совершенно не интересовало.

К счастью, у меня был Том.

Том учился на автомеханика. У него были светлые волосы, голубые глаза, проколотая бровь, носил он только черное, слушал рок девяностых и тщательно скрывал свою страсть к рисованию, поэзии и любовным романам. Будь он красавцем, мог бы стать героем американского фильма для подростков. Но Том ничем не отличался от нас.

В том смысле, что он был нормальным: слишком длинные волосы, грязные ногти, увлечение старыми мопедами и ужастиками, детское личико, притягательная улыбка и двадцать лишних килограммов. Вот так герой.

Том жил с мамой в старом доме на окраине города. Мама работала на бумажной фабрике. Отец от них ушел. Однажды он вышел в супермаркет за пивом, но так и не вернулся. С тех пор жизнь Тома вращалась вокруг машинного масла, старых ужастиков и книжных страниц. Друзей у него не было. Он был одиночкой. Мы с ним были похожи, хоть и не осознавали этого.

Мы познакомились в центре города, на рынке, где можно найти все — от лекарств до книг. Том стоял у прилавка и просил у месье Бланше книгу «Ловец на хлебном поле»¹. Ему пришлось повторить название несколько раз, потому что старик был глух на одно ухо. Наконец месье Бланше спросил:

— Но в чем твоя проблема, мальчик? Мыши? Крысы? Что ты собрался ловить?

Уголек, старый черный кот, лежавший на прилавке, поднял голову.

¹ Один из вариантов перевода названия романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Здесь и далее примечания переводчика.

Том не растерялся и ответил:

— Любовь.

Я прыснула со смеху.

Том обернулся. Он смотрел на мою длинную черную шерстяную накидку, которую я носила не снимая. Эта накидка прямиком из восьмидесятых: длиной ниже колена и с огромным капюшоном. Том улыбнулся мне. Я покраснела прежде, чем успела опустить голову. Слишком поздно. Таким было начало.

Начало сама не знаю, чего именно, но мы с Томом несколько раз пересекались на этой барахолке. Там я бы точно не встретила никого из школы. Приходилось выдерживать подозрительные взгляды месье Бланше, который не слишком-то верил, что подростков вроде нас могут интересовать его потрепанные книги. Он считал, что все подростки, которые шатаются вокруг его прилавка, думают только о том, как бы стащить бутылку растворителя, чтобы потом пойти кайфануть за стадионом. Мне кажется, он понемногу выживал из ума. Я бы, может, и ходила в настоящий книжный магазин, но в радиусе нескольких километров их не существовало, и мне нравилась лавочка месье Бланше, которая как будто сохранилась с прошлого века. Я обожала ее пыльную витрину, деревянные стеллажи, отслужившие свое книги, а еще там жил Уголек, черный кот. Он был таким же старым, как и его хозяин; он частенько устраивался на прилавке и с пренебрежением смотрел на покупателей своими зелеными глазами.

Мы с Томом так часто встречались в книжной лавке, что в конце концов у нас завязался разговор.

Шли мы к этому постепенно, и можно сказать, что сблизились мы на почве книг. Если бы не книги, я бы

никогда не осмелилась с ним заговорить. Да и вообще с кем-либо. В то время я была в ужасном состоянии, и книги были моим единственным спасением.

Однажды Том с неловким видом спросил, не против ли я сходить с ним выпить. И к собственному удивлению, я согласилась. Уверена, что я тогда покраснела. Опять. Но Том и сам был пурпурного цвета, так что я несильно смутилась.

Мы усадились на террасе бара с прекрасным видом на бумажную фабрику и ее желтые выбросы и обсудили все книги, которые любили.

Потом он рассказал мне, как однажды его отец ушел из дома не попрощавшись. Он не слишком охотно говорил на эту тему. Я отнеслась с пониманием. Ведь я сама старалась не заглядывать в бездну прошлого. Я сказала Тому, что живу с папой и младшим братом.

— А мама где?

— Погибла, — тихо проговорила я. — Авария.

Том покачал головой, не спрашивая меня о шрамах. Так хорошо я себя давно не чувствовала. На самом деле я была даже счастлива, и это стало для меня открытием.

Когда мы прощались, Том сказал мне:

— Классная у тебя накидка. Такая готическая.

Из его уст это звучало как комплимент. Я набросила на голову капюшон.

— Настоящая Черная Шапочка!²

На следующий день вся школа знала, что Том пил пиво, я — лимонад и что все, что он говорил, было смешно. И я почувствовала себя частью отвратительной жижи, которая варилась в городском котле.

² Во французской версии «Красной Шапочки» главная героиня носит накидку с капюшоном.

Мы с Томом обычно встречались в среду после обеда и иногда в субботу. У меня не было мобильного, поэтому мы придумали игру, чтобы связываться друг с другом. Мы вкладывали записки между страниц «Ловца на хлебном поле», который стоял на полке в лавке месье Бланше. Старик, наверное, подумал, что это какая-то книжная новинка, и заказал еще один экземпляр. Его никто не покупал, но уголки всех страниц были помяты. Это была наша книга. Игра нас ужасно захватывала. Нужно было взять книгу с полки как ни в чем не бывало, открыть ее, пролистать страницы. Всякий раз, когда я открывала книгу, мое сердце подсказывало в надежде найти внутри записку от Тома.

Свободен четверг 15:00. Если ты тоже, встр в парке. Т.

Не забудь. С тебя лимонад и книга. Л.

Стажировка на 10 дней в какой-то дыре. Не хочу. Брр! Т.

Прочитала «Песни Мальдорора», странная книга. Принесу ее тебе, когда вернешься со стажировки. В парке в 15:00? Л.

В день, когда произошла эта история в бассейне, мы с Томом встретились в парке, и он показал мне свой новый мопед.

— Модель 82, — с гордостью объявил он. — Отец должен был починить его для меня, но у него никогда не ладилось с механизмами. А ведь это не так уж и сложно. Так что я все сделал сам. Крутой мопед, правда?

Я рассмеялась. Том прекрасно знал, что меня это не интересует. Я устроилась у него за спиной, и мы поехали в сторону озера.

Мы проехали через промышленный район. Полу-голые стройные женщины с рекламных плакатов расхваливали йогурты, шины, потребительские кредиты. Я задумалась, есть ли в мире хоть одна девушка, которая хотела бы вот так прижиматься к автомобильной шине. Разве этого можно желать? Что за бред!

Город остался далеко позади. Ветерок, дующий в лицо, свежие осенние запахи, голубое небо, Том совсем близко от меня, я закрывала глаза от удовольствия. И, скажу честно, больше не вспоминала про Алексею. Все вылетело у меня из головы. словно ночной кошмар, который я, проснувшись, забыла. Физрук успокоил класс с огромным трудом. Он кричал так громко, словно перед ним была стая бешеных собак, которых он пытался напугать, прежде чем они на него набросятся. Грубым голосом, в котором не слышно было ни ноты надежды. Он отправил всех по раздевалкам и завернул Алексею в ее огромное красное полотенце. Он держал его кончиками пальцев, а на его лице с растрепанными усами было написано отвращение. Я в последний раз взглянула на Алексею. Она рыдала, все так же опустив глаза, и была похожа на маленькую поранившуюся девочку. У меня сжалось сердце. По ту сторону перегородки парни выкрикивали: «Волосатая Алексия! Волосатая Алексия!» Я чувствовала себя отвратительно. Я ничего не сделала, чтобы ее защитить, а ведь это из-за меня она показалась всем. Но теперь, когда я сидела на мопеде, прижавшись к Тому, и наслаждалась ветром и солнцем, эти мысли улетучивались.

Иногда нужно так мало, чтобы забыть об уродливости мира: несколько слов, улыбка, аромат осени, кусочек неба. И удачный макияж.

Том свернул с дороги, и теперь мопед вез нас по грунтовке, окруженной деревьями. Через несколько минут мы подъехали к озеру. К нашему озеру.

Том показал мне это место несколько недель назад. Большое круглое озеро с черной водой, окруженное рощами орешника и высокими буками. На берегу — густые заросли папоротника, подпаленного летним солнцем. Старая трухлявая лачуга, поросшая жимолостью. Это был охотничий домик отца Тома. Внутри еще оставались старая дровяная печь, скамейка, стол, продавленный соломенный тюфяк. На стенах олени рога соседствовали с поблекшими плакатами, на которых были изображены голые женщины. Отец Тома проводил там каждое воскресенье с друзьями, пока не ушел из дома. «Они чаще пили, чем охотились», — рассказывал мне Том.

Сюда больше никто не приходил. Тихое место, которое идеально подходило для наших планов.

Мы расстелили покрывало на земле перед домиком и улеглись на него. В воздухе витал сладковатый аромат жимолости вперемешку с прелым запахом кустарников и грибов.

Я стянула с себя черную накидку и, свернув ее, положила под голову вместо подушки.

— Хорошо устроилась? — спросил меня Том.

— Прекрасно, — ответила я.

— Начинаем?

— Да.

— Ты готова?

— Готова!

Том вытащил из сумки книгу, я последовала его примеру, и до самого вечера мы почти не разговаривали.

Вы ожидали чего-то другого, не так ли?

Каждую среду мы приезжали туда, чтобы читать. Просто читать. Это было ужасно похоже на сюжеты романов, которые обожал Том. Озеро, покрывало, пикник, литература. Что-то милое, нежное и невинное. А я, должна признаться, была бы не против, если бы кто-то из нас отложил книгу в сторону и бросился целовать другого.

Ну, потом я, наверное, не была бы в восторге, не знаю.

С чего вдруг Тому могло прийти в голову до меня дотронуться? И хотела бы я в самом деле, чтобы он прикасался к этому телу, которое я ненавидела? Нам вполне хватало взглядов, случайных прикосновений, улыбок, тяжелого запаха травы. От всего этого воздух был словно наэлектризован. Но не так сильно, чтобы в небе сверкали молнии.

Знаю, Сара и другие девушки из школы думали, что я сплю с Томом. Сама мысль о том, что мы проводим время вдвоем, просто читая, показалась бы им странной. Непостижимой. А может, все это и впрямь было странно. Может, мы с Томом были фриками.

— Эй, послушай-ка, — всякий раз говорил мне Том, прерывая чтение.

И я слушала, как он зачитывает мне фразу, которая его взволновала или показалась забавной. Улыбалась ему, сидя в тени деревьев, на которых распевали птицы. Когда Том шепотом читал слова любви, написанные кем-то другим, у меня внутри все переворачивалось, хоть я и не подавала виду.

Сама же не решалась ему читать. Довольствовалась тем, что загибала уголки страниц, на которых мне понравился отрывок. И говорила себе, что однажды про-

что их Тому. Теперь я на себя злюсь за то, что не сделала этого. Есть много вещей, поделиться которыми у нас не хватает смелости. Мы думаем, что у нас есть время. Что у нас вся жизнь впереди. Это как увидеть в небе падающую звезду и решить, что загадаешь желание завтра или на следующей неделе. Но на самом деле все эти моменты никогда не повторяются. Звезды пролетают и гаснут. Нет никакого смысла в том, чтобы загадывать желание, стоя под пустым небом.

Так мы провели время после обеда. Сделали перерыв, чтобы выпить пива, лимонада и разделить пакет печенья. А потом мобильник Тома заставил нас оторваться от чтения. Я поджала губы, потому что у нас было правило. Никаких телефонов. Для меня это было не так уж и сложно: после аварии я перестала пользоваться мобильными. Но в тот день Том забыл выключить звук на своем телефоне. Его детское лицо расплылось в виноватой улыбке. Я закатила глаза и снова уткнулась в книгу.

Я услышала, как Том присвистнул.

— Что это? — воскликнул он.

Вздохнув, я положила книгу на покрывало.

— Ты о чем?

— Не знаю. Тут что-то странное.

Он протянул мне телефон.

Под смайликами я увидела фотографию.

— Фотошоп, наверное, — сказал Том.

На фотографии была полуголая девушка, покрытая шерстью.

Как будто животное.

Дикий зверь.

Монстр.

Это была Алексия, загнанная в угол раздевалки.

Я не рассказала Тому, что произошло в бассейне. Мне этого не хотелось.

Фотографией Алексии в соцсетях уже поделились несколько сотен человек. Когда я пролистывала комментарии, к горлу подступала тошнота. Нет нужды пересказывать, что писали под той фоткой, правда? Вы прекрасно знаете, что могут себе позволить люди, вооруженные клавиатурами под защитой анонимности. Большинство комментариев было написано учениками средней школы. Девушки не отставали от парней, и это, наверное, огорчало меня больше всего.

Потом было много споров по поводу того, кто сделал тот снимок. Я ни капли не сомневалась, что это дело рук физрука. Он выгнал нас из раздевалки и попросил подождать у входа в бассейн. Алексия осталась с ним один на один. Чуть позже мы увидели, что приехал отец Алексии. Его лицо ничего не выражало. Когда он вышел из машины, один из наших одноклассников принялся кричать, словно обезьяна. Другой стал смешно мяукать. Все покатались со смеху, но отец Алексии даже не посмотрел в нашу сторону. Он вошел в здание бассейна, откуда через пять минут вышел учитель физкультуры, который сказал только: « Попрошу без комментариев », и, увидев его холодный взгляд, никто не посмел произнести ни звука. Только он мог сделать ту фотографию, я была в этом уверена.

Том высадил меня у парка и спросил, все ли в порядке. Нет, все было очень плохо. Я места себе не находила из-за этой фотографии. Когда мы были на берегу озера, Том пошутил:

— Так круто сделано, да? Ой, это как в том фильме, ну, где девушка превратилась в монстра, как он там называется?

Я вскочила и укуталась в накидку.

— Ладно, Том. Мне тут надоело, отвези меня обратно.

Он вытаращил глаза.

— Но...

— Я хочу, чтобы ты отвез меня в город. Сейчас же!

Бедняга ничего не понял, мы сели на мопед, и, как только мы оказались в парке, я пошла прочь не оглядываясь.

Я понятия не имела, что случилось с Алексией. Тогда еще никто не знал. То, что я видела у бассейна, и эта фотография — все мне казалось отвратительным. Невообразимо. Том пошутил, решив, что это фотомонтаж. Но я-то знала — все было по-настоящему. Я это видела. Я видела Алексею и шерсть, растущую на ее теле. Звериную шерсть. И я думала, что это, должно быть, какая-то болезнь. Я убеждала себя, что это не могло быть ничем, кроме болезни. Мне было от этого ужасно противно. Как и всем остальным. Но у меня больше не было сил смеяться. Теперь, когда фотография попала в Сеть, все могли увидеть, что происходит с Алексией. Все могли оставлять комментарии, оскорблять ее, насмехаться над ней. Мне было ужасно жаль, что я смеялась над ней тем утром.

В таком состоянии я вернулась домой. Мы жили в маленьком доме в центре города.

Я едва успела поставить сумку на пол в прихожей, как на меня налетел Сати:

— Луижа! Моя любимая Луижа!

Я обняла своего четырехлетнего брата и взъерошила его каштановые волосы. У него были щербинка между зубами и измазанные шоколадом щеки. Я любила его больше всего на свете.

Папа возился на кухне, склонялся над дымящейся кастрюлей. В мамином розово-белом фартуке, он держал в руке деревянную ложку, когда я туда вошла. Он обернулся и улыбнулся мне:

— Как дела, Луиза?

Я попыталась улыбнуться в ответ, получилось не очень.

— Все хорошо.

Папа сделал пару шагов ко мне. Он немного развел руки в стороны, будто хотел меня обнять, но я не двинулась с места. Капля томатного соуса потекла сначала по ложке, которую папа держал в руках, потом по его запястью и, наконец, расплзлась по фартуку. Как капля крови. Папа со вздохом опустил руки.

— У тебя что-то болит? — спросил он.

Я покачала головой:

— Нет, все нормально.

Мы молча стояли друг напротив друга. В тишине раздавалось только щебетание Сати, который носился между нами. Как будто пытался провести линию, которая соединила бы меня с папой. В конце концов я наклонилась и взяла брата на руки. Громко чмокнула его в губы и поставила обратно на пол.

— Прими ванну, если хочешь, — сказал мне папа, — ужин скоро будет готов, я тебя позову.

Опираясь на перила, я поднялась в свою комнату и бросила вещи на кровать. Войдя в ванную, я не стала включать свет. Я повернула кран и стала ждать, пока ванна наполнится. Я разделась в темноте, не глядя

в треснутое зеркало, чтобы не видеть тысячи кусочков моего отражения, и погрузилась в горячую воду.

Мне было хорошо. Я понемногу расслаблялась. Я пыталась избавиться ото всех мыслей. Забыть о фотографии и комментариях. Думать о чем-то приятном.

Я провела пальцами по телу.

По телу, которое я больше не узнавала.

Мои пальцы задержались на шрамах.

На этих странных валиках из плоти, которыми была исполосована моя кожа.

Шрамы уже почти не причиняли мне беспокойства, но для меня они были бортовым журналом боли. Несмотря на обещания хирурга, я знала, что эти отметины останутся со мной навсегда. Они увековечены на моей коже. Линии, которые невозможно стереть. Невозможно смыть.

Я заставила пальцы двигаться дальше.

Думала о Томе. О его полноватых губах. О его улыбке. Он никогда у меня ничего не спрашивал. Конечно, он знал, что со мной произошло. Все в городе это знали. В школе и на улице я до сих пор ловила на себе жалостные взгляды, но чаще всего на меня не смотрели вовсе или смотрели украдкой. По крайней мере, смотрели не как на девушку. Как на неполноценную девушку. Но сейчас, трогая свое тело, проводя рукой между бедрами, я понимала, что они неправы. У меня неидеальное тело, и все-таки я девушка. Я прекрасно помню, как все было раньше. До аварии. Когда мы с Сарой в легких платьях вышагивали по главной улице. Взгляды парней. Подмигивания. Грязные шуточки. Беглые взгляды мужчин, которые нам в отцы годились, убийственные взгляды других девушек, поджатые губы

и усталые глаза примерных матерей, которые тащили на себе орущих детей и сумки с покупками.

Мы с Сарой могли вечера напролет ходить от парка до террасы кафе с видом на бумажную фабрику и обратно. За нами ходила Морган и фотографировала нас, когда мы становились в заученные позы. Высоко поднять голову, лукаво улыбнуться, взяться за руки — так мы превращались в богинь. Морган выкладывала все эти фотографии в социальные сети, и мы победно смеялись, читая комментарии. Сара — брюнетка с формами. Луиза — хрупкая блондинка. Кто же выиграет сегодня? Кто соберет больше комплиментов? Морган тоном спортивного комментатора докладывала нам обстановку. Сидя на террасе кафе, мы пытались сделать так, чтобы нас угостили лимонадом и сигаретами или наговорили нам комплиментов. Иногда приходилось целовать парней, но чаще всего им было достаточно нашего взгляда. На мгновение почувствовать, что они для нас не пустое место, — большего парням и не надо. Когда мы с Сарой и Морган катались на качелях в разлетающихся юбках, парни гурьбой толпились у ограды парка.

— Эй, видел, Луиза на меня посмотрела!

— Ух, я бы отшлепал Сару.

— Да ты что, Луиза намного круче.

— Готов поспорить, она на меня смотрит.

— Бред какой-то. Нужен ты ей сто лет.

— Сейчас получишь, придурок!

Такие разговоры обычно заканчивались ожесточенной и бессмысленной дракой на пыльных дорожках парка. А мы смеялись над парнями. Сидя на качелях, мы почти доставали до неба голыми ногами.

Но все это было так далеко от меня. Случилась авария. Мамина смерть. Операции. Месяцы реабилитации. Встречи с психологом. Мешковатая одежда. Одиночество. Знакомство с миром книг. Я больше не была одной из богинь с главной улицы. Я превратилась в странную девушку в черной накидке, которая бродит между пыльными полками месье Бланше и встречается с таким же странноватым толстяком, читающим любовные романы. Покореженная подруга Сары, красавицы Сары, принцессы Сары, настоящей женщины Сары. В школе мы с ней иногда перекидывались шутками, но больше не общались. Фатия стала ее лучшей подругой вместо меня. Морган делала вид, что меня не существует. У меня больше не было телефона. Я больше ничего не выкладывала в социальные сети. Не была частью компании. Обходила стороной главную улицу и ужасно скучала по Саре.

Поначалу из-за аварии бульон из сплетен стал более наваристым, но вскоре все пресытились. На смену моему горю пришли новые драмы. Так устроены люди. Они ужасно жадные до трагедий. До трагедий, которые происходят не с ними, разумеется.

Когда я встретила Тома на барахолке, он смотрел мне прямо в глаза. Он не отводил взгляд, в котором не было ни излишнего любопытства, ни проблеска жалости. Я не была для него сломанной куклой. Я была Луизой. Девушкой со шрамами, которой трудно ходить и у которой все тело держится на стержнях, но прежде всего я была человеком. Человеком, который разделяет его любовь к книгам. И он принял меня такой, как я есть.

Том был совсем не глупым парнем. Он знал, что еще несколько месяцев назад я бы на него даже

не посмотрела. Он был из тех парней, над которыми мы с Сарой иногда подшучивали, если встречали их на улице.

Теперь, когда я прокручиваю это в голове, я понимаю: то были не шутки, а издевки.

Мы выбирали себе жертву, одна из нас подходила к бедному парню и шептала ему:

— Ты в курсе, что нравишься вон той моей подруге?

Вторая вдалеке строила из себя скромницу, неловко одергивая подол платья. Парень краснел до кончиков волос и начинал потеть.

— Она тебе не нравится, да?

Он кивал, мотал головой, что-то бессвязно бормотал. Та из нас, что изображала скромницу, стягивала с плеча бретельку платья. Или взмахивала волосами. После этого парень не знал, что сказать, и забывал, кто он такой.

«Сваха» ставила руки на пояс.

— Ну так что? Она тебе нравится или как?

Когда парень в конце концов выговаривал «да», начиналась самая настоящая пытка.

— Знаешь, ты ей тоже нравишься... но только в твоих мечтах!

Затем мы переходили к отрубанию конечностей. И это продолжалось до тех пор, пока было что отрубать.

— Мечтай о ней, Голлум!

— Какой же ты урод!

— Луиза, видела, как он вырядился?

— Прошлый век. Это шмотки твоего деда?

— Ты такой жирный, лучше не сиди на солнце, а то растаешь.

— Эй, Луиза, а что это за волоски у него на подбородке?

— О! О нет... Сара, только не говори мне, что это...

— Что, Луиза? Ты о чем?

— Мне кажется... мне кажется, это не подбородок! Это ершик для унитаза!

— Пф-ф-ф-ф-ф!

— А может, это и не парень вовсе?!

— Ты парень?

— Вот видишь, молчит. Никакой это не парень!

— А ну отвали от нас!

— Не подходи, сказали же тебе!

— Пошел отсюда, а то мы всем расскажем, что ты нас изнасиловал!

— Извращенец!

— Помогите! Насилуют!

И мы уходили, угорая как бешеные. Бедный парень оставался стоять на месте, словно растение, которое забыли полить: его руки безжизненно повисали, на лице появлялось скорбное выражение, его сердце было разбито.

Да, жестоко. Но парни видели в нас только красивые объекты. Поэтому мы использовали свою красоту в качестве оружия. Словно блестящую острую шпильку для волос. Которую выковали, чтобы ранить в самое сердце. Чтобы атаковать и защищаться.

Вот какой я была. Девчонкой, которая изображала роковую женщину. Алисой в гриме безжалостной Червонной Королевы. Женской версией Нарцисса, которого взволновало собственное отражение. Девочкой-подростком, которая, как мне кажется, была ничем не лучше и не хуже других.

Том знал об этом, но, кажется, не слишком переживал. Раньше я бы никогда не заинтересовалась таким парнем, как он. Я не стала бы копать глубже. Обратила бы внимание только на его жирноватые волосы, полноту, застенчивость и странности. Благодаря Тому я поняла, что в людях есть намного больше, чем внешность. У каждого внутри есть целый мир. Внутренний мир Тома был странным, причудливым, но вместе с тем невероятно творческим и чувствительным. Кто-то мог бы сказать, что Том был наделен почти женскими качествами. По крайней мере, слишком женскими, чтобы найти себе место в нашем маленьком городе. Но Том никого не осуждал. Когда он смотрел на меня, я чувствовала, что остаюсь самой собой. С моей историей, болью и шрамами. Ему, наверное, не хотелось ко мне прикасаться, да и я не была уверена, что хочу этого. Я не знала, был ли он моим спасательным кругом, моим другом или чем-то бóльшим.

Папин голос резко оборвал мои мечтания и ласки:

— Луиза, все готово!

И, словно эхо, раздался тоненький голос Сати:

— Луижа, готово!

Я надела папин халат и спустилась.

Папа, улыбаясь, сидел за накрытым столом.

— Лучше?

Пола моего халата распахнулась. Папа, смутившись, отвернулся и почесал только проступающую лысину.

Он не знал, как себя вести при виде моего юного тела. Еще бóльшие проблемы у него вызывали шрамы, которыми это тело было усеяно. Это было слишком трудно для него.

Я подошла поближе и поцеловала его в щеку:

— Все в порядке, пап. Не волнуйся.

Мы ужинали под классическую музыку и лепет Сати, который радостно размазывал пюре по лицу.

Мы уже почти доели, когда зазвонил телефон.

Сати заорал:

— Летефон!

Я решила, что это, наверное, Патрисия, папина коллега, с которой он с переменным успехом пытался закрутить роман.

Отец встал и снял трубку телефона, висевшего на стене.

Папа обожал всякое старье. Проигрыватели, проводные телефоны, металлические, наполовину ржавые картофелемялки — вот его страсть. Микроволновки, мобильники и МРЗ-плееры ужасно его раздражали. Он мог часами говорить о вредном излучении, о детях, ползающих в колтановых шахтах, о горах мусора, которыми покрыта планета, и об ужасах капитализма. Конечно, у него был мобильный телефон, но использовал он его только для рабочих звонков. Он работал начальником охраны на бумажной фабрике и всегда должен был быть на связи: рабочие разобрали уже почти все станки, которые скоро должны были отправить куда-то в Восточную Европу.

— Луиза, тебя к телефону.

Я взяла трубку; это было странно, ведь мне никто никогда не звонил. У Тома моего номера не было, да и он все равно не решился бы звонить на домашний.

Я потянула провод, чтобы отойти чуть дальше.

В трубке я услышала голос Сары.

Она говорила невнятно.

— Луиза, я знаю, что давно тебе не звонила. Но... это ужасно... Алексия. Алексия, она...

Я сразу же все поняла.

Алексия покончила с собой.

Вам, наверное, интересно, зачем я обо всем этом рассказываю. О моих отношениях с Томом, о главной улице, о папиной любви к старым вещам, обо всем, что сегодня кажется незначительным. Да, может, все это не так уж и важно, но мне кажется, что именно из таких мелочей и состоит человек. Из крошечных кусочков счастья и страдания. Человек — это нечто большее, чем красота и шрамы.

И кто бы что ни говорил, я — человек.

Я понимаю, что моя история путаная. Вы, наверное, ждали, что я расскажу вам о том моменте, когда на всех экранах красовалось мое лицо. Но чтобы понять, почему я так поступила, нужно знать, какой я была до этого. Как я уже сказала, из популярной девушки я превратилась в гадкого утенка, я постоянно грустила, была в плену у собственного тела и воспоминаний, не могла нормально общаться с отцом, не могла полюбить Тома. Я просто-напросто не могла жить.

Вся школа была в шоке.

Вернее, кого-то самоубийство Алексии по-настоящему огорчило, а все остальные только и занимались тем, что пережевывали историю с фотографией, которая вновь и вновь мелькала на экранах

телефонов. Алексия была несовершеннолетней, поэтому местные газеты не стали освещать это происшествие. Но в школе все знали про шерсть на теле Алексии, и по коридорам распространялось что-то вроде истерии. Никто не понимал, что происходит. Говорили о проклятии, о черной магии, о том, что Алексия — оборотень, о токсичных выбросах фабрики. Поговаривали, что отец Алексии заключил сделку с дьяволом, принес свою дочь в жертву и что ее шерсть — Божья кара. Рассказывали, что незадолго до всей этой истории старый Бурден сжигал за бассейном какие-то странные вещи, от которых пахло ладаном и химикатами. И конечно же, говорили, что покойница из раздевалки наконец нашла себе невесту, что Алексия всегда была лесбиянкой и тщательно это скрывала. Говорили всякую ерунду. Все это заставило меня вспомнить мифы, которые я читала в детстве. В моем воображении со скоростью поезда, летящего под откос, возникали все новые образы. Девушки могли расплакаться, стоя посреди школьного двора; парни держались надменно и нарочито громко смеялись, но некоторые из них стали носить на шее крестики. Что до учителей, они качали головами, ведь теперь они, как никогда, ощущали свою беспомощность.

В школе открылся кабинет психолога. Мне с лихвой хватило терапии после аварии, но я была в одном классе с Алексией, и мне пришлось туда идти. Женщина с лицом, которое будто сделали из папье-маше, спросила меня, как я себя чувствую.

— Как после аварии, — ответила я.

Женщина посмотрела на накидку, скрывающую мое тело, на шрам, проходящий по моей левой щеке, заглянула в мое личное дело, попыталась улыбнуться.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне грустно. Мне грустно, но я живая.

Больше меня не расспрашивали. У этой женщины было мое личное дело. Она, конечно, уже все про меня знала, а за дверью своей очереди дожидались другие девушки с дрожащими губами.

Два дня спустя, когда мы были на уроке математики, в дверь постучал кто-то из работников школы. Он отдал учителю записку.

— Луиза, с тобой хотят поговорить.

Я пошла за школьным работником. Меня привели в маленькую комнату рядом с кабинетом директора.

Стол, три стула, двое мужчин. Один был довольно молод, второй, наверное, был ровесником моего отца. Тот, что постарше, попросил меня сесть. Я решила, что это очередные психологи.

— Луиза, — сказал мужчина постарше, — спасибо, что пришла, и прости, что отвлекаем тебя от занятий. Меня зовут месье Ревер. А это месье Лемуан. Мы бы хотели задать тебе несколько вопросов. Ты согласна с нами поговорить?

Я пожала плечами. Выбора у меня особо не было, и оба психолога это прекрасно знали.

Сначала Ревер сказал, что понимает, как тяжело ученикам, учителям и мне в сложившейся ситуации. Затем он спросил, что я знаю об Алексии, о ее жизни и семье. Я ответила, что мы с ней были одноклассницами в начальной школе и потом отдалились друг от друга.

— Я правильно понимаю, что у нее были не самые простые отношения с родителями? — пытаюсь выдавить дружелюбную улыбку, спросил Лемуан, тот, что помладше.

— Да, это так. Особенно с отцом...

Я увидела, что на столе перед Лемуаном лежит телефон. Он записывал наш разговор. И от этого я как-то напряглась.

Лемуан заметил мой взгляд.

— Тебе нечего бояться, Луиза, все, что ты нам скажешь, останется между нами. А запись ведется для того, чтобы мы ничего не забыли.

У меня не было причин ему не доверять. Я рассказала, как однажды меня пригласили к Алексии на полдник. О безупречном порядке и тишине у нее дома. И как отец Алексии вlepил своей дочери пощечину за то, что та просыпала крошки от кекса на плитку. И как она плакала, сжав зубы, и как она...

Я осеклась.

— Что? Что случилось? — спросил Ревер.

— В тот день, когда я пришла к Алексии на полдник, она плакала и все повторяла: «Я не виновата». Как... как тогда в кабинке...

Я сдержалась, чтобы не сказать «в кабинке покойницы». Психологам незачем было это знать.

Ревер наклонился ко мне:

— Нам сказали, что ты пошла за Алексией в раздевалку, это правда, Луиза?

Я кивнула:

— Да, я сказала учителю, что могу сходить за ней.

— А как Алексия вела себя в раздевалке?

— Она плакала. Не хотела выходить.

— Она сказала тебе, почему не хочет выходить?

Я подняла глаза.

— Вы прекрасно знаете почему.

Лемуан согласился со мной:

— Да, конечно. Но нас интересует твоя версия, Луиза.

— Нет, она мне ничего не сказала. Я решила, что ей плохо. Я ей обещала, что все объясню учителю. Что ее могут освободить от занятий в бассейне.

— Заметила ли ты тогда что-то подозрительное? Я помотала головой:

— Нет, она завернулась в полотенце. Но я увидела бритву. На полу. Я тогда не придавала этому значения.

— А тебе не показалось, что Алексия была... не такой, как обычно? — не отставал Лемуан.

— Нет, я же сказала.

— А что ты подумала, когда увидела Алексию чуть позже?

— Не знаю. Что это странно.

— Ты раньше такое никогда не видела?

Я помотала головой:

— Конечно нет.

— И никто тебе ни о чем подобном не рассказывал?

— Нет.

— Замечала ли ты до случая с Алексией, что и с другими девушками происходит что-то странное?

— Странное? — спросила я, нахмурившись.

— Да, странное, — ответил Лемуан. — В раздевалке у кабинок нет дверей. Так что, я полагаю, вы с другими девушками... смотрите друг на друга, когда переодеваетесь?

Я покраснела против своей воли. По лицу Лемуана было видно, что ему тоже неловко. Как будто он распахнул дверь женской раздевалки, когда все девушки в ней стояли голышом. Нет, этот тип точно не психолог.

В разговор вмешался Ревер:

— Так, значит, ты привела Алексию из раздевалки к бассейну?

— Да.

— Она плакала?

Я не понимала, к чему они клонят. Все это начинало действовать мне на нервы.

— Да, плакала, я же сказала. Ее что-то беспокоило. В этом я не сомневаюсь.

— Конечно, мы так и думали, — спокойным тоном ответил Лемуан. — И ты ей помогла? Ты вела ее за руку?

Я не хотела им говорить, что у меня не было никакого желания прикасаться к Алексии. Что она вызвала у меня легкое чувство отвращения.

— Я... я не знаю. Наверное, нет.

Ревер приблизился ко мне вплотную:

— Ты вела ее за руку, Луиза?

Мне было плохо. Я не понимала, зачем они задают мне все эти вопросы и что я вообще делаю в этой комнате. Я вспомнила, что они не представились мне психологами. Я сама это придумала. Кто эти мужчины? Чего они хотят?

— Нет-нет, она просто шла за мной.

— Она к тебе прикасалась?

— Нет! Послушайте, не знаю, что вы...

Ревер поднял руку. Словно для того, чтобы отогнать невидимую муху. Или чтобы заставить меня замолчать.

— А ты, Луиза, дотрагивалась до Алексии?

Я вспомнила, как все было. Мы уже выходили из раздевалки.

Я сказала Алексии:

— Постой, ты не можешь пойти в таком виде.

Я взяла уголок ее полотенца и вытерла ей слезы.

Потом я погладила ее по щеке. Очень ласково. Так утешают маленьких детей.

— Ты дотрагивалась до Алексии? — в очередной раз спросил Ревер.

Я покачала головой:

— Нет, мы не прикасались друг к другу.

Тем же вечером после ужина я пошла укладывать Сати и прочитала ему сказку. Он немного похныкал, чтобы я прочла ему еще одну, но мне нужно было поскорее уйти.

Я заперлась в своей комнате и начала поиски.

В браузере я набрала «женщина» и «волосяной покров».

Теперь, наверное, ситуация еще хуже, чем тогда.

Но вы и представить не можете, сколько жестоких слов я увидела на форумах, которые попались мне на глаза. Сотни страниц с грязными шутками и оскорблениями. Омерзительно. Но самую большую жестокость проявляли девушки по отношению к самим себе. На меня хлынул целый поток сообщений, в которых они описывали свои комплексы, называли себя грязными, порочными, ненормальными. Они посылали сигналы бедствия в пучину интернета, словно бросали в море бутылки с записками.

У меня они везде, даже на лице. Конечно, они почти незаметны, но, если подойти ко мне слишком близко, ИХ ВИДНО!!

Помогите, я его люблю, но боюсь, что он станет надо мной смеяться.

Мне 11, и у меня волосы на лобке, но я боюсь говорить об этом с мамой и не знаю, как и чем их можно удалить.

Я понимаю, что жизнь на этом не заканчивается, что у других девушек такая же история и что я себя накручиваю, но мне хочется плакать, когда в журналах я вижу девушек с гладкой кожей без единого волоска.

Я ужасно себя чувствую, когда вижу с подругами. Они красивые, у них нет волос, и они об этом не задумываются и могут носить все что угодно. А себя я считаю уродиной, я уверена, что у парней я вызываю отвращение и всю жизнь проведу в одиночестве.

По вечерам я плачу, лежа в кровати, я так больше не могу. Мне плохо в собственном теле, я чувствую себя в заточении, из которого не могу выбраться. К тому же я толстая, и это только все ухудшает. Я даже думала о самоубийстве, однажды я даже полностью продумала, как уйду из жизни...

Иногда эти бутылки с посланиями находили сочувственные отклики, но чаще всего они вдребезги разбивались о безжалостные насмешки. Эти девушки оставались один на один с экранами своих гаджетов и со своими комплексами.

Конечно, я могла понять их беспокойство. Раньше я была такой же: меня восхищали гладкие тела девушек в рекламе и я была готова на все, чтобы стать похожей на них. С самого детства я играла с куклами, у которых не было волос на теле. И видела такие же манекены в витринах магазина. И куклы, и манекены были для нас образцами.

Но теперь я бы все отдала, чтобы вновь обрести тело, которое не болит, тело без шрамов, и несколько волосков меня бы ни капли не беспокоили.

Проведя кучу времени за чтением форумов, я принялась искать на медицинских сайтах. Настойчивость, с которой оба мужчины пытались выяснить, дотрагивались ли мы с Алексией друг до друга, казалась мне подозрительной. Неужели Алексия была заразной?

Я прочитала про гипертрихоз³ и гирсутизм⁴ и, хоть и не все поняла, узнала, что причиной обеих болезней является гормональный сбой. Это редкие заболевания, и в интернете не было ни слова о том, что они заразны. Стоя под душем, я не смогла удержаться от того, чтобы осмотреть свое тело. Не найдя ничего необычного, я с облегчением выдохнула.

Было поздно, но я продолжила поиски, переходя с сайта на сайт, от истории к истории: бородатые женщины, которых показывали в цирках, волосатые дети, которых дарили королевским особам вместо плюшевых игрушек, оборотни, сеющие ужас в деревнях... Легенды, суеверия и шарлатанство сливались воедино. У меня было ощущение, что я нахожусь на школьном дворе.

Я заглянула и в книгу греческих мифов, которую мне подарила мама. Я никак не могла решиться расстаться с этой книгой. Она была такой старой, что однажды папе пришлось подклеить ее кусочками строительного скотча. Я прочитала историю нимфы Калипсо, которую изнасиловал Зевс и превратила в медведицу Артемида. А еще историю искусной ткачихи Арахны, которую Афина превратила в паука.

³ Избыточный рост волос на теле и лице у женщин и мужчин.

⁴ Избыточный рост толстых или темных волос у женщин на участках тела, более типичных для оволосения у мужчин (усы, борода).

Меня взволновала схожесть этих историй с историей Алексии.

Но то, что случилось с Алексией, не имело к мифам никакого отношения. Я ведь не тупая. Я прекрасно знала, что Алексия не была волшебным существом. Будь мы в американском романе для подростков, все сложилось бы хорошо. Но это произошло в реальности, в нашем городе, у школьного бассейна, и Алексия этого не вынесла, и теперь она была мертва. Ничего сверхъестественного в этом не было. Да, это было ужасно, но без какой-либо патетики.

Я уже собиралась выключить компьютер и перебраться в кровать, когда наткнулась на видео, снятое в какой-то азиатской стране. Это был новостной сюжет, который показывали всего несколько дней назад. Слова корреспондента не были переведены. Сначала я увидела толпу, которая с криками бежала куда-то. Крики, звучащие в динамиках, разбудили Сати, который спал в соседней комнате. Я услышала, как он жалобно и тревожно что-то пролепетал.

Я выключила звук и стала смотреть дальше.

Вы, конечно, помните это видео, его все посмотрели.

Я сидела в своей темной комнате и не могла отвести взгляд.

Толпа немного расступается, и в кадр попадает девушка, она совсем одна посреди улицы, а все остальные испуганно смотрят на нее и жмутся к стенам домов. Она пытается заговорить, пытается объяснить всем, что... что она человек, хоть ее тело и покрыто шерстью. А толпа ее не понимает. Девушка похожа на медведицу или пантеру, стоящую на задних лапах. Людям страшно. А когда людям

страшно, они теряют рассудок. Кто-то поднимает камень и бросает его в девушку; камень прилетает ей прямо в голову. Девушка отчаянно жестикулирует. Она хочет объяснить всем, что она такая же, что им нечего бояться. Но люди воспринимают это как угрозу. И когда девушка подходит к ним поближе, в нее летит еще один камень, и еще, и еще... и страх уступает место жестокости...

Вы смотрели это видео, так что нет смысла продолжать, да?

Вы видели. Даже животных так не убивают.

То, что они сделали с той девушкой, просто ужасно.

Я никогда не смогла бы такое вообразить.

Никогда бы не подумала, что такое может произойти здесь.

Алексию похоронили через неделю.

В то серое утро Том остановил мопед у ворот кладбища. Я сняла шлем и встряхнула волосами.

— Ты в порядке? — спросил он, повернувшись ко мне.

Я кивнула ему с улыбкой.

Я должна была грустить на похоронах Алексии. Но я была счастлива, и мне даже не было за это стыдно. Мы с Томом не виделись после той встречи у озера. Я тогда устроила ему сцену, чтобы он немедленно отвез меня обратно в парк, и ушла, даже не попрощавшись. Потом я думала, что он будет злиться и больше не захочет меня видеть. Я представляла худшее развитие событий, это всегда легче, чем вообразить счастливый исход.

Накануне похорон я пошла за букетом. В цветочном магазине на главной улице я выбрала три белые розы и одну красную, а потом отправилась на баракхолку. Месье Бланше, стоя за прилавком, буркнул «здравствуйте». Уголек, черный кот, пошел со мной к книжным полкам. Мне пришлось долго его гладить, прежде чем открыть «Ловца на хлебном поле». В книге не было записки от Тома. Я расстроилась. Вдруг я услышала чей-то голос у себя за спиной:

— Кажется, читающие женщины опасны, стоит ли мне быть с вами осторожным?

Это был Том. На его круглом лице сверкала улыбка. Мы оба молча краснели. Как обычно.

Наконец он прошептал:

— Прости, Луиза. За Алексею и за фотографию. Я не хотел...

Я пожала плечами. После неловкой паузы Том спросил:

— Ты идешь завтра на похороны?

— Да, — ответила я, кивнув на цветы.

— Хочешь... хочешь, вместе поедем?

Странное приглашение. Обычно на свидание приглашают в кино или в кафе. А меня пригласили на кладбище. Но это было как раз в нашем стиле. Приглашение закрепило наше примирение, и в день похорон Том на своем старом мопеде забрал меня у парка.

Когда мы входили в ворота кладбища, меня пробрала дрожь: слишком много воспоминаний нахлынуло. Черное платье под накидкой, гравий под ногами, белые розы в руках.

Том, должно быть, что-то почувствовал и взял меня за руку.

Я покраснела, но руку не отдернула.

Уроки отменили, чтобы все, кто хотел, могли прийти на похороны. Однако у свежей могилы стояло от силы тридцать учеников. И всего пятеро моих одноклассников, среди которых были Сара, Морган и Фатия. Мертвую Александрию любили ничуть не больше, чем живую. И я уверена, что большинство учеников пришли из любопытства.

Сара улыбнулась, увидев нас. Она махнула мне рукой, чтобы мы подошли. Мы приблизились к их небольшой группе. Том поздоровался с девушками, а они стали подробно изучать его с ног до головы. Его жирноватые светлые волосы, его живот, выпирающий из-под черной футболки, наши неловкие улыбки и... мою руку в его руке. Не задумываясь, я высвободила свою руку и отошла от Тома.

— Привет, девчонки, — сказала я, пытаюсь принять безразличный вид.

— Привет, Луиза, — иронично улыбаясь, ответили мне они.

Том засунул руки в карманы.

Только Фатия со мной не поздоровалась. Вид у нее был помятый, под глазами — синяки, в глазах — слезы. Мне это показалось странным. Насколько я помню, Фатия ни разу не сказала Алексии ни слова и старательно делала вид, что не замечает ее существования. Фатия пришла на кладбище, потому что была в компании Сары, с которой они уже два года были неразлучны. Но в то утро она, казалось, по-настоящему скорбела. Это было совсем не в ее стиле. Фатия была высокомерной, надменной и никогда не упускала возможности кого-нибудь унижить. Откровенно говоря, я ее ненавидела. После аварии она заняла мое место рядом с Сарой. Я считала ее пустой и поверхностной.

На самом деле она была в точности такой же, какой была я до того, как мое тело разлетелось на тысячу кусочков. Но я никак не могла смириться с тем, что Фатия чем-то привлекла Сару. Я просто-напросто ревновала. На кладбище Фатия выглядела такой хрупкой, такой опустошенной после всего, что случилось с Алексией. И я решила, что ошибалась на ее счет.

Я подошла к ней и улыбнулась:

— Как ты, Фатия?

Она шмыгнула носом и отвернулась от меня, не ответив.

Сара, будто оправдываясь, подняла глаза к небу.

Том, который не знал, куда деться, отошел к ограде кладбища покурить, пока не начались похороны.

Глядя, как Том уходит, Сара спросила меня:

— Это твой парень?

— Нет, просто друг.

— А, я так и думала.

— Что ты имеешь в виду?

Сара подмигнула мне:

— Да так. Мне рассказывали, что он особенный.

— В смысле — особенный?

— Ладно, Лу, не думай об этом.

Я была не в том настроении, чтобы обмениваться сплетнями, поэтому не стала допытываться, что Сара имела в виду.

По другую сторону дорожки, около которой стояли мы, я увидела несколько учителей, которые о чем-то разговаривали. Кажется, физрук решил остаться дома. Он был на больничном с тех пор, как Алексии не стало. Говорили, что он никак не может прийти в себя. Я думаю, из-за фотографии, он чувствовал ответственность за смерть Алексии.

Родители Алексии стояли под одинокой сосной неподалеку от могилы, в которую скоро должны были опустить гроб. Мама Алексии казалась ужасно хилой в своем черном платье. А ее отец, такой же пугающий, как и всегда, стоял с каменным выражением лица. Суровый и безразличный.

— Неудивительно, что Алексия наложила на себя руки, — прошептала Сара. — С таким отцом, наверное, непросто.

Я согласилась:

— Он строго с ней обращался. Очень строго.

Я рассказала девушкам о том дне, когда отец Алексии отвесил ей пощечину за несколько крошек на полу.

Морган поддала жару:

— У него, наверное, случился приступ, когда он увидел Алексию со всеми этими... отвратительными штуками на теле.

— Да уж, — добавила Сара. — Сложно быть готовым к тому, что твоя дочь окажется волосатой, как кабан.

Сара и Морган прыснули со смеху.

— Хватит, заткнитесь, — внезапно рявкнула Фатия сухим тоном. — Вы ее не любили, как и я, но теперь она мертва. Проявите хоть немного уважения!

Все остолбенели. Но я была согласна с Фатией. Ничего смешного здесь не было.

Немного погодя Сара наклонилась ко мне:

— Смотри, кто здесь.

Она кивнула в сторону учителей.

Я увидела Ревера и Лемуана, которые держались чуть в стороне.

— Как думаешь, что они здесь делают?

— Не знаю, — ответила я. — Но одно ясно: они точно не психологи.

Нескольких моих одноклассников, старого Бурдена и учителя физкультуры, как и меня, вызывали в каморку рядом с кабинетом директора. Ревер и Лемуан задавали им вопросы. Такие же странные, как и те, что они задавали мне. Кто-то видел, как они шныряли около бассейна. Теперь мне все стало понятно: эти двое были полицейскими. Они вели расследование и знали то, что нам было неизвестно.

— Тот, что помоложе, неплох, а? — спросила меня Сара.

Я не ответила. Ревер и Лемуан наблюдали за нами, делая вид, что просто разглядывают что-то вдалеке, и от этого я чувствовала себя не в своей тарелке. Они были похожи на котов, отслеживающих мышь. Они наheckу, готовы к прыжку.

Наконец на дорожке появился катафалк: он медленно ехал в сторону могилы, и под его колесами хрустел гравий. К нам вернулся Том. От него несло сигаретами, но я была рада, что он рядом со мной. Глядя на приближающийся катафалк, я просунула свою руку в руку Тома. Его пальцы обхватили мои, и мы не произнесли ни слова, ведь в этом не было никакого смысла. Чтобы унять дрожь, я изо всех сил цеплялась за руку Тома, за тепло, которое исходило от его кожи, и просто за его присутствие. Я не понимала, что все это значит, но Том был рядом со мной, а остальное было неважно. Я была не одна. Я была не одна, и это было чертовски приятно.

Двое мужчин в черном вынесли гроб из катафалка. В тишине раздавались всхлипывания учеников и шепот учителей, которые пытались их успокоить. Пока мужчины несли гроб к могиле, мама Алексии закрыла лицо руками. Отец же стоял прямо, он был

совершенно невозмутим. Его лицо ничем не отличалось от лиц статуй в парке. То же навечно застывшее безучастное и снисходительное выражение, высеченное резцом из холодного камня и отшлифованное инструментами и временем.

Гроб медленно опускали в могилу. Казалось, двое мужчин, державших веревки, не прилагают никаких усилий. Как будто тело Алексии не весило ни грамма.

— Гроб пустой, — прошептала Сара, стоявшая за моей спиной.

Я обернулась:

— Что?

— Кажется, они оставили тело себе.

— Кто? Кто оставил себе тело Алексии?

Сара возвела глаза к небу.

— Не знаю. У папы есть знакомый, который работает в больнице. Наверное, они забрали тело Алексии, чтобы провести анализы и...

Раздался крик.

Мама Алексии рухнула на землю у края могилы. Она напоминала небольшую кучку мокрого белья. Отец Алексии не стал подходить к своей жене, чтобы помочь ей подняться. Он стоял в стороне и грозно смотрел прямо перед собой.

Думаю, самоубийство дочери стало для него позором. Позднее я узнала, что это он принял решение отказаться от всех похоронных церемоний. И правда, в тот день не было ни речей, ни молитв. Когда гроб опустили в могилу, отец Алексии склонился над женой. Он силой и совсем не ласково заставил ее подняться и повел прочь с кладбища. Не глядя ни на нас, ни на могилу дочери.

Мне его поведение показалось отвратительным. Этот человек оставлял свою дочь лежать в земле так, словно выкидывал мусор в урну. Не думая о том, что делает. Не проявляя никаких эмоций. Это было ужасно. Я ненавидела его за это.

Когда родители Алексии ушли, к могиле по одному стали подходить те, кто принес цветы. Я сделала глубокий вдох и тоже пошла вперед. Том шел со мной до самой могилы. За нашими спинами раздавались рыдания Фатии.

Три белые розы упали на крышку гроба из темного дерева.

Немного света во мраке.

Этого было мало. Но я больше ничего не могла сделать.

Поэтому сегодня я рассказываю все это вам.

Чтобы пролился свет.

Над Алексией. Над Фатией. Над Сарой. Надо мной.

И над всеми другими девушками, чьи имена мне неизвестны.

Все молча расходились с кладбища.

Ревер и Лемуан остались у могилы. Я уверена, что они смотрели, как мы нашей небольшой компанией уходили прочь. Спиной чувствовала их взгляды.

Когда мы подошли к воротам, Сара взяла меня за руку. Том отошел в сторону, не отдавая себе в этом отчета.

— Луиза, давно мы с тобой не разговаривали, да? Я кивнула.

— Как твой отец поживает?

— У него все хорошо.

— А как Сати?

— Он классный, если не считать того, что он называет меня Луижой.

— Зайдешь как-нибудь ко мне?

Я вспомнила обо всех зимних вечерах, которые мы проводили с Сарой, лежа на ее кровати. Мы часами листали женские журналы, слушая музыку, сравнивали модели и мечтали, что однажды и мы окажемся на гляцевых страницах. Мы воображали жизнь знаменитостей. Частные самолеты, разноцветные коктейли, бассейн с видом на море и толпа популярных актеров, которые будут пытаться нас закадрить и которых мы будем презирать. По субботам мы обжирались попкорном и смотрели фильмы ужасов, смеясь над девушками, которые в полночь шли принимать ванну и не догадывались о том, что совсем рядом прячется монстр.

— Родители будут рады с тобой повидаться... Да и Фред тоже. Мне казалось, он тебе нравится, разве нет?

Я плотнее укуталась в накидку. Отец Сары был рабочим на бумажной фабрике, а ее мать — домохозяйкой. Ее брату Фреду было около двадцати. Он окончил нашу школу, а потом провалил собеседование на бумажной фабрике. Узкие джинсы, кожаная куртка, сигарета в зубах и воск в волосах — Фред прекрасно играл свою роль бунтаря. На самом же деле, чтобы хоть как-то развлечься, он уходил в лес с ружьем за спиной или шел в единственный ночной клуб на углу улицы цеплять девушек. «Мой брат — охотник, — частенько шутила Сара. — Для него девушка и олениха — одно и то же. Крупная дичь!» Семья Сары жила в доме на окраине города. Раньше их район сравнивали с замком

Спящей красавицы, потому что встретить там людей или услышать хоть какой-то звук можно было только в воскресенье утром, когда на крошечных плешивых лужайках начинали гудеть газонокосилки. Казалось, все жители той части города погрузились в глубокую кому. Конечно, Спящей красавицей была сама Сара, которая ждала принца, чтобы тот спас ее и увез куда-то далеко. Чтобы хоть немного развлечься, она сводила с ума всех парней в округе и разбивала им сердца.

Я обещала Саре, что на днях загляну к ней, хотя и знала, что ноги моей больше не будет в ее доме. Но мне было приятно, что она снова меня пригласила. Наверное, на Сару как-то повлияло поведение Фатии. Несколько минут назад она ушла с кладбища, не сказав нам ни слова, и Саре, должно быть, не понравилось такое отношение.

— А что это за красная роза? — спросила Сара, когда мы прощались. — Подарок от твоего «друга»?

Я покачала головой:

— Нет, это для мамы.

Сара возвела глаза к небу.

— А. Да. Конечно. — Улыбаясь, она медленно пошла прочь. — Ну так что, скоро увидимся, Луиза?

— Увидимся.

Я попросила Тома подождать меня и пошла обратно по дорожкам кладбища.

Папа разволновался, когда я сказала ему, что иду на похороны Алексии. Он предложил пойти со мной, но я отказалась.

Я остановилась у стелы из белого мрамора.

Мамина могила.

В вазе стояли свежие яркие цветы. К ней пришел папа. У меня сжалось сердце, когда я увидела эти

цветы. Несмотря на свой потенциальный роман с Патрисией, он не забыл маму. Он до сих пор о ней думал.

До этого я только один раз приходила на мамину могилу. Год назад. Через год после похорон, на которых я не смогла присутствовать. Меня привез папа, и я помню, что он держал меня за руку, потому что я боялась упасть, запнуться за гравий. Помню этот скрежет под ногами. Этот ужасный звук. Саундтрек скорби. Мы с папой подошли к стеле, и я увидела табличку, на которой было выгравировано: «Шарлотте, любимой жене и матери», и тогда я впервые по-настоящему осознала, что мама умерла. Что ее тело покоится под бетонной плитой. Что я ее больше никогда не увижу. Что вина за эту пустоту, за то, что мамы больше нет, лежит на мне.

Я думала, что буду совсем без сил, но я, наоборот, взорвалась. Я кричала во все горло, папа пытался меня успокоить, я била его, оскорбляла. Я ненавидела весь мир. Я кричала о своей ненависти к проселочным дорогам, к мобильным телефонам, которые звонят посреди ночи, к диким животным, которые прячутся в темноте, прежде чем выскочить на свет фар. О ненависти к смеху, к слишком крепкому пиву, к оглушающей музыке, к объятиям. О ненависти к смятому железу, к покореженным телам, к смеси запахов бензина и масла. О ненависти к мигалкам, к болгаркам, к успокаивающему голосу того красивого пожарного, который положил меня на носилки.

Я кричала о ненависти к самой себе за то, что однажды я разозлилась на маму. Потому что я и вправду думала, что ненавижу эту женщину, а в тот день я поняла, что люблю маму, которая теперь навечно заперта под мраморной стелой.

Я положила красную розу на белый камень и побежала к выходу.

Увидев мое перекошенное лицо, Том выбросил сигарету.

— Луиза?

Я, рыдая, упала в его объятия.

Он молча меня обнял. Я долго стояла так, прижавшись к нему. Он очень нежно гладил меня по голове.

Я долго плакала, очень долго.

А когда подняла глаза, то увидела лицо Тома совсем рядом со своим.

Во всем мире были только его и мои глаза. Два омуты. И наши губы соприкоснулись. Я его поцеловала. С языком. И я будто снова увидела солнце после долгой дождливой зимы.

Том отвез меня домой.

То ли из-за шлемов, то ли из-за робости мы не поцеловались на прощание, хотя мне очень хотелось снова это сделать. Я знала, что Том уезжает на стажировку в какое-то захолустье на другом конце департамента и что я увижу его только дней через десять.

Мы ограничились тем, что помахали друг другу рукой. Неловкий жест. И мы такие же неловкие.

Обернувшись, я заметила, что на нас через окно кухни смотрит папа.

Когда я вошла в дом, он улыбнулся:

— Все в порядке, Лулу?

Я вскинула брови, приняла загадочный вид и пошла в свою комнату.

— Ты сможешь сходить за Сати?

— Да-да, — крикнула я, поднимаясь по лестнице. Мое сердце билось так же быстро, как бьется сердце птицы, которую выпустили из клетки.

Оказавшись в своей комнате, я закрыла глаза от удовольствия.

Я прикоснулась к губам кончиками пальцев.

У меня дрожали руки.

Я не знала, что делать со своим телом.

Меня бросало то в жар, то в холод. Меня будто лихорадило. Я пыталась понять, что со мной происходит. А потом до меня дошло. Я была... я была счастлива. По-глупому счастлива.

Я бросилась на кровать и принялась смеяться, уткнувшись лицом в подушку. Я смеялась не останавливаясь. Кладбище, полицейские, родители Алексии — все это больше не существовало. Ветер разогнал тучи. Остались только губы Тома, резковатый привкус табака на его языке, его руки, обнимающие мое тело. Только нежность и мой смех в подушку.

Конечно, я уже целовалась с парнями. Но еще ни разу после аварии. И еще ничьи губы не казались мне такими нежными.

— Луиза, — крикнул мне папа с первого этажа, — ты про брата не забыла?

— Нет-нет!

Я стала переодеваться. Бросила на пол накидку и длинное траурное платье. Вытащила из шкафа коротенький топ и легкую, даже слишком легкую для того времени года розовую юбку, но мне было так жарко, что хватило бы и кусочка кружева, чтобы прикрыться. Я уже несколько месяцев не решалась носить вещи, которые оставляли открытой хоть какую-то часть моего тела. Эту юбку я купила два года назад

вместе с Сарой и Морган. Я надевала ее только раз. Вот и возможность ее выгулять.

Я побежала в детский сад, который находился через две улицы от дома.

Я шла по тротуару и чувствовала себя по-новому. Ощущала легкость.

Улыбнулась своему отражению в витрине. Я сама себе казалась красивой. Шрамы больше не портили мою внешность. Они были частью меня. Я — Луиза. Точка.

Сати бросился ко мне, как только я вошла в детский сад.

— Луижа! Луижа, ты красивая!

Я расцеловала его.

В булочной мы купили Сати полдник и сели на скамейку в парке. Я смотрела, как мой младший брат жует пирожное, и слушала его бесконечный рассказ о том, как прошел день. Какой-то парень, просто прохожий, улыбнулся мне. Я улыбнулась ему в ответ. Мне даже почти нравился наш город, несмотря на безликие фасады домов и серое небо. Весна в самый разгар осени.

Вечером папа сказал мне, что завтра хочет пригласить Патрисию к нам на ужин. Он сказал это очень тихим голосом, словно ребенок, который просит кусочек шоколада перед обедом. Раньше Патрисия работала бухгалтером на бумажной фабрике. Когда фабрика закрылась, Патрисию уволили, как и всех работников, которые не были заняты разборкой станков. Папа не хотел торопить события. Он боялся, что я плохо отнесусь ко всему этому. Как будто Патрисия могла заменить маму. По правде говоря, и я сама не знаю, как я к этому относилась. Патрисия была мне

безразлична. Ужины с ней были до смерти скучными, она разговаривала со мной так, будто мне десять, и я терпеть не могла, когда она начинала тискать Сати. Я не понимала, что папа в ней нашел, но он, наверное, мог сказать то же самое про Тома.

— Без проблем, пап, — ответила я.

Он погладил проступающую лысину и облегченно вздохнул:

— Хорошо. Прекрасно. Мы проведем отличный вечер.

Я поднялась в свою комнату и рухнула на кровать.

В тот момент мне очень захотелось взять в руки мобильник. Поговорить с Сарой. Поболтать обо всем и ни о чем. Рассказать ей о поцелуе. Наверное, я бы даже решилась позвонить Тому. Я пождала бы два или три гудка, а потом повесила бы трубку. Чтобы он мне перезвонил. Чтобы услышать его голос. Конечно, просить телефон у папы, когда тот восседает на кухне, не стоит — никакого уединения. Я решила, что попрошу папу купить мне телефон.

И вот тогда я почувствовала какой-то зуд на спине.

Я провела рукой по лопаткам. Подумала, что шрамы снова чешутся из-за холода.

Но дело было совсем не в шрамах.

Под пальцами я почувствовала пушок.

Вот, у меня все это началось в день, когда мы с Томом поцеловались.

Я прекрасно знаю, что мои романтические истории никому не будут интересны, но мне было важно рассказать вам и об этом.

Оскар Савини и фанатики из Лиги Света утверждают, что мы хуже диких зверей, и пытаются лишить нас всех прав. Даже права любить. Но если я смертна, они должны признать, что я могу любить. Уверяю вас, я умею любить. Так же хорошо или плохо, как и вы. Даже животные могут испытывать чувства и эмоции. Почему же я не могу?

Почему?

У меня на спине появились волосы. Немножечко. Небольшой участок между лопатками. Несколько квадратных сантиметров. Мне было ужасно трудно от них избавиться. По моей спине от лопаток до ягодич тянулись алые кровавые подтеки. Слишком яркие на моей бледной коже. Восковые полоски оказались эффективнее. Но утром, конечно же, появились новые волосы.

Теперь о Мутации известно немало, но тогда о ней не знал никто. Хотя у меня было не так много волос, как у Алексии, я сразу же поняла, что со мной происходит то же самое. Не спрашивайте, как я это поняла: поняла, и все.

Я могла бы впасть в отчаяние после того, как обнаружила на себе волосы. Но меня окрылил поцелуй Тома, да и хуже аварии со мной уже ничего не могло случиться. Переломанное тело. Металлические стержни. Шрамы. Поэтому, думаю, я не потеряла рассудок. Не сделала ничего ужасного, как Алексия. Мое тело и так было в плачевном состоянии. Несколько волосков — ну и что. Я только надеялась, что дальше лопаток волосы расти не станут. Я тогда еще не задумалась о связи с видео, снятым в той азиатской стране,

где толпа забросала девушку камнями. Я и представить не могла, что все мое тело может покрыться шерстью и что это может пугать окружающих.

Утром я надела кофту с длинными рукавами и высоким воротником, закуталась в черную накидку и пошла в школу.

На подходе я заметила какое-то столпотворение во дворе.

Я слышала всё нарастающие крики.

Решила, что это очередная драка: у нас в школе они не редкость.

Я подошла поближе.

В толпе стояли Сара и Морган.

— Что происходит?

— Этот дебил не может оставить Фатию в покое, — прошептала Сара.

Я встала на цыпочки и увидела Фатию, стоявшую напротив длинноволосого школьного охранника. На голове у Фатии был хиджаб.

— Ты прекрасно знаешь, что это запрещено, — говорил мужчина. — Снимай. Сейчас же.

Фатия с искаженным от злости лицом плюнула ему под ноги. Толпа учеников взорвалась аплодисментами. Кто-то начал освистывать Фатию.

— Да он прав. Это наша страна.

— Ты не забывай, где находишься. Снимай свою фигию!

Напряжение нарастало, но Фатия стояла, скрестив руки на груди, и, кажется, не собиралась подчиняться.

— Что на нее нашло? — спросила Морган.

— Не знаю, — ответила Сара. — Думаю, это брат ее заставил. Или она сходит с ума. Ее же исключат.

Теперь я вспомнила, что тогда подумала: «Ее исключат, и она от этого только выиграет». Я вам уже говорила, что не очень любила Фатию. Она всегда была готова унижить окружающих. Ее семья жила в серой многоэтажке в центре города. Ее отец и брат работали на бумажной фабрике. Их уволили, как и всех рабочих. Иногда я видела Фатию по дороге в школу. Из дома она выходила в длинном платье и в платке. Опустив голову, она скользила быстро, словно тень. Когда мы встречались с ней, она еле слышно здоровалась со мной, но я разгадала ее уловку. Когда Фатия оказывалась в парке, она пряталась за живой изгородью. Через некоторое время выходила в блузке с глубоким декольте, с таким макияжем, будто собралась на показ мод, и с сигаретой в губах, накрашенных кроваво-красной помадой. Перевоплощение. Как у супергероев в комиксах. Она превращалась в надменную, заносчивую Фатию, которая говорила нарочито громко или смеялась слишком высоким голосом.

— Снимай, а не то пойдешь со мной к директору, — пригрозил охранник.

Фатия стояла неподвижно.

Администрация школы считала, что носить платок, как и шорты, — кощунство.

Устав запрещал девушкам ношение и платков, и коротких шорт. Даже если на улице была сорокоградусная жара, нельзя было надеть вещь, которую могли посчитать слишком короткой. Шорты, юбки, платья должны были быть определенной длины. Будто в наших открытых бедрах было что-то опасное, грязное, нездоровое. Директор на полном серьезе заявил, что «слишком короткая одежда мешает мальчикам сосредоточиться». В жаркие дни парни ходили

в майках и в свободных шортах, и никто не задавал им никаких вопросов. Девушкам же приходилось прятать все, что выше колена. И плевать на ужасную жару.

Та же история с хиджабами. Голову покрывать было запрещено, а платье по щиколотку могло вызвать подозрение. Некоторые девушки оказывались в кабинете замдиректора и за меньшие проступки. Меня и саму могли туда вызвать из-за черной накидки. Но все в школе знали, почему я так одеваюсь. Запреты распространялись только на тех, чье тело не было изуродовано. Мое уже никого не интересовало.

Вот как обстояли дела в школе. Грубо говоря, нужно было прикрывать свое тело, но не слишком. Чтобы и директору угодить, и парней не отпугнуть.

У Фатии уже были проблемы с администрацией. Но до тех пор они возникали из-за слишком коротких вещей. Ее брату несколько раз приходилось забирать ее, потому что ей запрещали присутствовать на уроках. Я думаю, Фатия и правда перегибала палку. Парни на уроках сворачивали себе шею, чтобы посмотреть на ее декольте и голые ноги. Они причмокивали, когда встречали ее в коридорах. Фатия всем этим наслаждалась. Вихляла своим стройным телом. Презрительно смотрела на парней. Принимала удачные позы.

Когда Фатия возвращалась домой, то вела себя совершенно иначе.

Она не единожды скрывала синяки с помощью мажика. Ее брат был жесток. Но никто не вмешивался в их семейные дела. Все бездействовали. Как будто Фатия заслуживала хорошую трепку. Я так завидовала ее красоте и уверенности в себе, что в какой-то момент все это показалось мне справедливым. Но побои не могли остановить Фатию. Все стихало на несколько

дней, а потом она снова возвращалась в парк в декольте. Я впервые видела ее в школе с хиджабом на голове.

— Снимай, — повторил охранник.

По щеке Фатии от злости потекла слеза.

Волнение в толпе учеников нарастало. Кто-то заступался за Фатию. Другие ее оскорбляли. Наверное, те же парни, что свистели ей вслед, когда она, покачивая бедрами, ходила по школьным коридорам. Теперь она их совершенно не привлекала.словно хиджаб затмил собой объект их желания. Крики становились все громче, было ясно, что вспышки не избежать.

— С меня хватит, — рявкнула Сара. — Пойдем, Луиза.

Она стала пробираться сквозь толпу, и я пошла за ней.

Охранник покачал головой, когда увидел, что мы идем в его сторону.

— Ладно, девчонки, не лезьте в неприятности!

— Это наша подруга, вы не имеете права так с ней разговаривать! — ответила Сара.

Она хотела взять Фатию за руку, но та не далась.

— Да не трогай ты меня! И без тебя справлюсь.

— Ну что ты, Фатия, пойдём...

Но Фатия не дала Саре договорить:

— Отстань от меня! Оставь меня в покое!

Я с трудом узнавала Фатию, она была не в себе. Ее лицо исказила гримаса, она оттолкнула Сару и принялась кричать, стоя в центре толпы:

— Я вас ненавижу! Всех вас ненавижу! Вы такие жалкие! Посмотрите на себя! Вот что у вас с лицом? Что-то не так?! Я вам не нравлюсь? А ведь вы так любите, когда я надеваю юбку по самое не могу, да? И вы все равно считаете меня шлюхой. Потому что

я не хочу делать мерзкие вещи, которые вы себе воображаете. А когда я надеваю хиджаб, вы тоже недовольны. Вы говорите, что я бедная покорная девушка, которую лупит брат, что я грязная арабка, экстремистка. И что? Чего вы от меня хотите?

Повисла долгая тишина.

Фатия стояла прямо посреди толпы с гордым, надменным и в то же время опустошенным видом.

— Хотите увидеть меня такой, какая я есть? Хотите увидеть меня без платка? Так смотрите же.

Фатия сняла хиджаб. И мы увидели. Увидели шерсть, которая покрывала ее щеки, уши и затылок. Будто темная грива. Фатия напоминала дикое доисторическое животное.

Рот охранника открылся и больше не закрывался.

Испуганная толпа расступилась.

— Фатия, прекращай немедленно этот балаган, — раздался чей-то громкий властный голос.

Во дворе появился директор, который своим внушительным животом прокладывал путь через толпу. Он шел прямо к Фатии, и его, казалось, ничуть не смущала шерсть на ее лице. Он положил ей руку на плечо. Точнее, нет, он схватил ее, словно чересчур непоседливую собаку.

Не стоило ему этого делать.

Зубы Фатии раздробили ему пальцы.

На школьном дворе раздался ужасающий крик.

Я не стала гадать, почему Фатия так поступила.

Меня скорее заботило, сколько еще было таких девушек, как она, как я, как мы?

Сколько еще девушек в толпе скрывало шерсть, растущую на теле? Сколько девушек кричало, вопило не потому, что они увидели гриву Фатии или окровавленную руку директора, а оттого, что их охватил страх — тайный, — когда они поняли, что их ожидает. Ведь в тот момент было абсолютно ясно: мы превратимся в животных — такова наша участь.

Но пока что вокруг царила невообразимая паника. Охранник пытался схватить Фатию, у которой весь подбородок был в крови. Директор катался по земле, прижимая разодранную руку к своей белой рубашке. Все с криком разбегались в разные стороны. А те, кто не убегал, снимали весь этот апокалипсис, застыв на месте одновременно с пораженным и радостным видом. На помощь прибежали другие охранники. Они пытались как-то контролировать поток учеников. Они напоминали овчарок, лающих на стадо овец.

Немного погодя я увидела, как в школу заходят Ревер и Лемуан. Фатию силой увели в кабинет директора. Она отбивалась, словно дикий зверь.

Вся эта суматоха продолжалась битый час, а потом всех учеников отправили по домам.

Сара, Морган и я оказались в парке.

Мы сели на скамейку. Все молчали. Мы были шокированы. В городе все еще витал запах выбросов с бумажной фабрики, как будто небо навечно пропиталось дымом из труб. Ветра не было. Над нами неподвижно висело большое желтоватое облако.

Морган, как всегда, сидела, уткнувшись в телефон.
— Девчонки, смотрите.

По соцсетям уже гуляло видео с Фатией. Ее подбородок в крови, на плечи спадает грива, на лице потерянное выражение.

Под видео оставляли отвратительные комментарии. У Фатии была смуглая кожа, поэтому она стала идеальной жертвой для всех беснующихся у экранов. Всего через несколько часов в социальных сетях вспыхнула невероятная шумиха. Этим видео поделились уже несколько тысяч человек, и теперь его публиковали СМИ, которые иногда даже не скрывали лицо Фатии. И повсюду крупные панические заголовки: «Болезнь?», «Эпидемия?», «Мутация?». Меня пробрала дрожь, когда я увидела, что эти статьи сопровождаются и видео с Алексией, снятым в раздевалке.

— Сволочи, — прошептала Сара.

Тут внимание Морган привлекло другое видео.

— Э, но ведь это такое же... такое же, только не с Фатией.

Мы склонились над экраном.

Толпа школьников, рыдания, крики. Другой город. Другая школа. Другая девушка. Те же симптомы. Покрытое шерстью тело. Ярость и страх. Мне стало не по себе, когда я вспомнила о волосах, растущих у меня между лопатками.

— Странно все это, — чуть слышно сказала Сара.

— Сначала Алексия. Теперь Фатия. Что... что происходит?

Морган в одной фразе выразила все мучившие нас вопросы.

Мы посмотрели друг на друга.

Прошло, может быть, всего несколько секунд: один выдох, один удар сердца, одно движение ресниц.

Но мы по-настоящему всмотрелись друг в друга.

Без ужимок и лицемерия, без всего того, за чем мы обычно скрывались, когда встречались в школьных коридорах. Без надменности, самоуверенности

и безразличия. На несколько мгновений, сидя под желтым небом и порыжевшими деревьями парка, мы предстали друг перед другом такими, какие мы есть. Мы дети, все еще дети, по-прежнему дети. С глубочайшей тревогой в глазах. Было ощущение, что посреди тротуара нашего города, да и посреди наших жизней, разверзалась невидимая бездна, в которую мы в любую секунду могли упасть.

Это длилось всего несколько мгновений. Поднялся слабый ветерок, от которого затрепетали покрасневшие листья, и мы заморгали, чтобы избавиться от этого непонятного чувства.

В конце концов Морган прошептала:

— Вы думаете, что...

Сара рассмеялась. Высоким звонким смехом. Немного деланым. Но все-таки она рассмеялась, словно для того, чтобы рассеять страх и привести в чувство нас троих, сидящих на скамейке. Как будто для того, чтобы напомнить, что мы все еще три обычных подростка, которые ничем не отличаются от миллионов таких же тинейджеров. Вот только Сара не знала, что мое тело тоже начало покрываться волосами.

— Да ладно тебе, Мо, не стоит раздувать из этого историю. Это точно какая-то болезнь. Половое созревание, гормоны, что-то в этом духе. Фатию вылечат, и все будет хорошо.

Сара вскочила:

— Мне надо идти, а то я пропущу свидание с прекрасным принцем.

Видимо, она по-прежнему не упускала возможности закрутить роман.

— А как его зовут? — спросила Морган, радуясь, что разговор перешел в другое русло.

Сара вскинула брови.

— Ах, ах! Да мне по барабану, как его зовут. Меня не это интересует. Меня волнует, сможет ли его поцелуй меня разбудить!

Сара пошла прочь и, обернувшись через плечо, подмигнула нам. Густые темные волосы наполовину скрывали ее лицо.

Сара была все такой же красавицей. Она была похожа на какой-то вкусный плод. Сочный, ароматный и сладкий. Идеальное яблоко. Глядя на него, хочется только одного: впиться зубами. На несколько секунд мне стало завидно.

Мы с Морган остались сидеть на скамейке, словно две взъерошенные вороны на ветке. Она была увлечена своим мобильником. Да и не то чтобы нам было о чем разговаривать.

Во времена наших с Сарой походов по главной улице мы приняли Морган в свою компанию только потому, что она смотрела на нас такими же восторженными глазами, что и парни. Она повсюду ходила за нами, фотографировала нас, когда мы вставали в удачные позы, выкладывала эти фотографии в соцсети, осыпала нас комплиментами. Это было приятно. Для нас она была чем-то вроде верного компаньона, слуги, пажа — именно так мы к ней и относились. Мы разговаривали с Морган несколько надменно, без ласки в голосе. Она никогда не выражала недовольства, постоянно улыбалась и была счастлива быть частью нашей компашки. Морган не была красавицей, она не слишком вышла ростом, не была достаточно худой, ее формы не были достаточно пышными, у нее были ни темные, ни светлые волосы, она носила огромные очки,

у нее были кривые зубы, а еще она не выпускала телефон из рук. Она была совершенно обычной девушкой, не было ни малейшего риска, что она затмит собой нашу красоту, и поэтому мы позволяли ей гулять вместе с нами. Единственное, что нас с Морган объединяло, — это восхищение нашими с Сарой телами. На тот момент я уже не была в компании Сары, и Морган даже не подняла голову, когда я с ней попрощалась.

Когда я пришла домой, папа был на кухне. Он совсем не удивился, увидев, что я так рано вернулась.

— Мне звонили из школы. Она закрыта до дальнейших указаний. Мне не сказали, в чем именно дело. Что-то случилось?

— Драка, — ответила я.

— Школа закрылась из-за драки?

Я пожала плечами. Не хотела ничего ему рассказывать.

И пошла в детский сад за Сати.

Когда мы вернулись, на кухне столкнулись с Патрисией. Папа с виноватым видом отошел от нее в сторону. В воздухе стоял запах свежих помидоров и страстных поцелуев. Патрисия носила каре, и ее волосы были покрашены в рыжий; на ней была юбка — слишком короткая для тогдашней погоды, но идеальная для папы.

Патрисия подмигнула мне и расплылась в улыбке.

— Привет, Лу.

Я терпеть не могла, когда она так меня называла.

— Привет, Пат, — ответила я, натянув улыбку.

Патрисия поняла, что я не в настроении для дружеской беседы, и наклонилась к Сати:

— Привет, пупсичек, как поживает наш зайчик?

Она взъерошила темные волосы Сати, и он попытался ускользнуть от нее.

— Нет, не хочу Патришу!

Я ликовала.

Ужин прошел так же скучно, как и в предыдущие разы. Папа без конца наглаживал свою лысеющую голову. У него были красные щеки — то ли из-за вина, то ли потому, что Патрисия постоянно прикасалась к его руке. Они были похожи на двух подростков. Мерзость. Патрисия сияла, излучала счастье и болтала без остановок. Она напоминала мне электронные игрушки, которые дарят на Рождество: такие мерцающие штучки, которые постоянно издают какие-то звуки и радостно повторяют одну и ту же фразу. Обычно родители очень скоро достают из таких игрушек батарейки, чтобы хоть немного отдохнуть.

— Слушай, Лу, — спросила меня Патрисия, когда мы перешли к десерту, — вашу школу тоже закрыли?

Я уже достаточно набралась наглости и просто пожала плечами вместо ответа.

— Да, у них там произошла драка, — ответил папа.

— В мире творится что-то неслыханное.

— Ты о чем?

— Вы не видели эти кадры? По телевизору с самого обеда крутят.

— У нас нет телевизора, — сказала я с чересчур фальшивой улыбкой. — Папа говорит, что от него тупеют. И я с ним согласна.

Патрисия даже не заметила мою колкость.

— А что происходит? — спросил папа.

— Не хотела об этом говорить, но...

Патрисия не договорила. Она смотрела на меня. Я с трудом смогла проглотить джем.

Патрисия достала планшет и подключилась к одному из новостных каналов.

Папа наклонился к ней поближе.

Я сидела не двигаясь. Застыла на одном месте, а моя рука с ложкой повисла над тарелкой. Я уже видела эти кадры, я уже слышала эти крики.

Сати закрыл уши руками.

У папы округлились глаза от того, что он увидел на экране.

— Но это же монтаж, разве нет?

Патрисия покачала головой:

— Нет, смотри. Даже министр здравоохранения об этом говорила.

На экране журналисты протягивали микрофоны к суровой женщине в костюме. Она торопливо шла по колоннаде какого-то дворца.

— Госпожа министр, что вы думаете о том, что происходит в учебных заведениях?

Женщина закрылась рукой от камер.

— Я не буду комментировать ситуацию.

— Это опасно, госпожа министр? А насколько раз-
но? Это какой-то вирус? Что-то вроде мутации?

— Я не буду комментировать ситуацию, — снова отрезала министр и скрылась за спинами телохранителей.

— Поговаривают о пандемии, — прошептала Патрисия, качая головой.

— О пандемии?

— Да, кажется, подобные вещи происходят во всем мире. Никто не знает ни причины, ни что это вообще такое. Возможно, вирус.

— Это... ужасно.

Я сжала кулаки.

Патрисия кивнула и добавила:

— Самое странное, что жертвами становятся только девочки-подростки. Парням нечего бояться: ученые провели исследования и уверены в полученных результатах. Это происходит только с девушками в период полового созревания.

На кухне повисла тишина.

Папа повернулся ко мне. Я четко видела в его глазах вопрос, который он сам себе задавал.

Патрисия взяла папу за руку.

Это вывело меня из себя. У меня было впечатление, что Патрисия, совершенно посторонняя женщина, кстати, только что выставила напоказ перед папой тайную часть моей жизни.

Я провела по столу рукой и смела все, что на нем было.

Пиалы с джемом вдребезги разлетелись по полу. Сати закричал, а я заорала еще громче.

Школа была закрыта еще несколько дней.

Я сидела дома, глядя в экран компьютера. Шерсть начала расти и ниже лопаток, но под свитером ничего не было заметно. Удалять волосы не было никакого смысла: через несколько часов они отрастали вновь. Это был самый настоящий кошмар, кошмар, который затронул весь мир.

После того как в Сеть хлынул поток фотографий девушек, покрытых волосами, правительство в конце концов признало, что началась пандемия, природа которой была совершенно неизвестна. Откуда она взялась и почему именно сейчас, не знал никто.

СМИ транслировали пустые пространственные речи президента и министров. Думаю, они до конца не понимали, как стоит действовать в сложившейся ситуации.

— Сейчас мы находимся на этапе диагностики, — заявила наконец министр здравоохранения. — Проблема коснулась лишь нескольких девушек, ничего страшного не происходит. Мы призываем семьи сохранять спокойствие. К тому же мы тесно сотрудничаем с нашими зарубежными коллегами и специалистами Всемирной организации здравоохранения, чтобы еще лучше разобраться в проблеме.

— Вы подтверждаете, что эта болезнь опасна только для молодых девушек? — спросил журналист.

Министр кивнула.

— Да, юноши вне группы риска.

То тут, то там в мире кожа девушек покрывалась шерстью.

Политики, религиозные лидеры, врачи и эксперты по очереди появлялись в телестудиях. На экранах постоянно мелькали фотографии Алексеи, Фатии, той девушки из Азии и десятков других жертв.

Наши тела стали предметом обсуждения.

В очередной раз.

Вопрос был в том, кто же мы такие. Мы сами этого не знали, но все вокруг делали вид, что им известна правда. Однозначного ответа не было ни у кого.

Некоторые принимали нашу сторону из корыстных побуждений. Для них Мутация была явным и очевидным подтверждением вреда парабенов, эндокринных разрушителей, ГМО, пестицидов, глифосата, излучения, радиоактивных веществ.

Другие же видели в нас монстров. Они во всеулышание заявляли, что мы доказательство духовного падения целой цивилизации. Они считали, что наши тела — результат противоестественного смешения рас и полов.

Тогда я впервые увидела на экране лицо Оскара Савини. Весь в белом, темноволосый, молодой, привлекательный, харизматичный — этакий идеальный зять или руководитель какого-нибудь стартапа. Но он был пресс-секретарем Лиги Света. Мы для него были воплощением упадка, первой язвой на умирающем теле человечества, признаком неизбежной катастрофы, предвестием апокалипсиса. Когда журналистка спросила его, не преувеличивает ли он и есть ли у него доказательства, он ответил: «Правда всегда на стороне Бога».

Всех, кто принял ту или иную сторону, объединяло одно: они говорили за нас и принимали решения от нашего имени.

Ни одной из нас не позволили высказаться. Но как бы то ни было, я уверена, что ни одна из девушек не воспользовалась бы такой возможностью. Мы были настолько... настолько опустошены тем, что с нами происходило. Кто бы стал по собственной воле показывать по телевизору свое тело и шерсть?

Поэтому мы молчали.

Мы укрылись в темноте и тишине, там, где, как нам казалось, и есть наше место.

Мы молчали. Потребовалось совсем немного времени, чтобы это начали использовать против нас.

Нас больше не называли Камий, Манон, Ясмин, Алексия, Фатия, нет. Они украли наши имена и окрестили нас так, как считали нужным. Во всех речах,

статьях, газетах и граффити, которые заполонили улицы городов, нас называли не иначе как «монстры», «животные», «твари».

Действительно, отняв у нас имена, они лишили нас всякого права называться людьми.

Конечно, случилось это не за один день, все происходило постепенно. Так же медленно с приходом тепла ломается на кусочки и трескается лед в водоемах. Невозможно сказать, когда начался весь этот кошмар. Но точно задолго до нас. Мир уже был тяжело болен, поэтому он так стремительно рушился. Безработица, изменение климата, загрязнение, беженцы. Мы стали последней каплей: сосуд был наполнен до краев. И мы оказались козлами отпущения. Как те женщины, которых обвиняли в колдовстве и сжигали, потому что у соседа сдохла корова или саранча сожрала урожай.

Кстати, вы знаете, что Лига Света часто сравнивала нас с Лилит, первой женщиной, которая существовала еще до Евы? Черновой набросок. Неудавшееся создание. Лилит, порочная женщина, владычица преисподней, жившая среди ночных чудовищ.

Это было невероятно глупо.

Мы были просто потерянными девочками-подростками.

Но всем было на это наплевать. Наши тела слишком отличались. Мы были вне правил морали, норм, рекламных канонов, законов логики. Все видели в нас доказательство того, что человечество ждет неизбежная гибель. У людей появился явный враг, победить которого было проще, чем ненавистные моему отцу многонациональные корпорации, избыточное потребление и рекордные дивиденды. Этим врагом были мы — юные девушки с неуправляемыми телами.

Ну, это мне сейчас все так представляется. А тогда я не могла взглянуть на ситуацию со стороны. Я не была бунтаркой, скорее, наоборот. Мама часто меня за это упрекала.

Когда я приносила домой женские журналы или просила денег на самую модную юбку или на новую тушь, мама принималась читать мне наставления:

— Лу, тебе вовсе не обязательно быть как другие девушки. Ты не обязана краситься или одеваться как они. Это не самое главное в жизни.

Я пренебрежительно пожимала плечами:

— Я в курсе.

Мама не сдавалась:

— Твои подруги вольны делать все что угодно, Лу. Но это не должно мешать тебе думать своей головой.

К этому всегда сводились все разговоры. Свобода мысли и «подруги». Мама, конечно же, имела в виду Сару. Я знала, что мама ее не любит и считает поверхностной. Она думала, что Сара плохо на меня влияет. И это она еще не знала о наших прогулках по главной улице, о фотографиях, которые Морган выкладывала в социальные сети, и о наших походах в ночной клуб вместе с Фредом, когда у нас якобы была пижамная вечеринка у Сары дома. Наверное, у мамы было шестое чувство.

— Лу, ты молодая, красивая, скоро превратишься в женщину, это нормально, что ты ищешь свой путь, пробуешь разное. Но мне бы хотелось, чтобы ты сделала собственный выбор. Чтобы ты не шла бездумно за остальными.

Меня такие беседы ужасно раздражали. Чтобы закончить разговор, я вставляла в уши наушники и включала музыку на полную громкость.

Что вообще мама понимала в красоте, в моде, в молодости? Она работала сиделкой на дому, ухаживала за стариками. Она надрывалась по пятьдесят часов в неделю: убиралась и ходила за продуктами для людей, которые время от времени даже забывали, как ее зовут. Когда поздно вечером мама возвращалась домой, у нее был такой же помятый вид, как и у ее одежды. Мне казалось, что от нее пахнет всеми этими стариками, и это вызывало у меня отвращение.

А после аварии больше всего на свете мне хотелось быть такой же, как все.

Я вас уверяю, шансы, что я смогу сегодня с вами поговорить, были очень малы.

Я целыми днями сидела в своей комнате. Практически не ела. Почти перестала читать. Мы с папой старались избегать друг друга, насколько это было возможно. Я по кругу смотрела видео и репортажи на компьютере. Мне ужасно хотелось, чтобы Том был рядом, чтобы он меня обнял, снова поцеловал и помог забыть обо всем. Но он был на другом конце департамента и должен был вернуться только на следующей неделе, а я не знала, как он отреагирует, когда меня увидит.

Сара звонила мне только один раз и сказала, что не знает, как обстоят дела у Фатии. Когда она спросила, все ли у меня хорошо, я сразу же поняла, что она имеет в виду: появилась ли эта болезнь и у меня?

— Да-да, все в порядке, — соврала я. — Тем более школы нет, ну, ты понимаешь!

Сара прекрасно знала, что это неправда. После аварии я стала одной из лучших учениц в классе. Я решила, что после школы буду учиться на журналиста, и все время только и делала, что читала и повторяла пройденное.

Я выходила из дома, только когда шла за Сати в детский сад.

На улице мне приходилось выдерживать на себе мрачные взгляды. На меня давила вся эта обстановка. Наши соседи, маленькие старички, которые раньше были к нам так добры, теперь смотрели на меня с подозрением. Они почти не реагировали на мое «здравствуйте». Прохожие внимательно оглядывали с головы до ног каждую встречную девушку. Моя черная накидка вызывала любопытство сильнее, чем обычно. Я и сама, когда мне навстречу попадались девушки, не могла удержаться от мыслей о том, есть ли у них волосы под одеждой. Растерянные, они ходили быстрым шагом, опустив глаза. У них у всех был виноватый вид.

По дороге в детский сад я проходила мимо многоэтажки, где жила Фатия. Ставни на окнах ее квартиры были закрыты, словно там никого не было. На облупившейся стене дома кто-то нарисовал граффити: «Фатия в меху!» Думаю, это шутка такая. Но ничего смешного в этом не было. И никто не стер эти красные каракули.

Воспитательница Сати при виде меня поджимала губы. Пыталась изобразить улыбку. Отводила глаза. Я чувствовала, что ей неловко. Что она гадает, настигла ли меня Мутация и могу ли я ее заразить. А ведь она была уже далеко не подростком.

Сати пребывал в счастливой детской невинности. Вокруг него мог рухнуть весь мир — радостное выражение никуда бы не делось с его лица. Однажды, когда мы возвращались домой, он увидел на тротуаре мертвую малиновку. Он склонился над этим маленьким, потрепанным комком перьев. Грудка птицы была ярче пламени. Обломок солнца, упавший на землю.

— Не трогай, Сати, она грязная!

— Она не грязная. Она мягкая. — И он погладил маленькое птичье тельце без страха или отвращения. — Это ведь не мама?

После аварии я успокаивала его как могла.

— Нет, конечно, это не она.

Я часто говорила Сати, что мама на небе, потому что не знала, что еще могу сказать. Сати плохо ее помнил, он был младенцем, когда она умерла. Поэтому он, вероятно, воображал, что мама живет на небе, как птицы. Что она одна из них. Что однажды утром она превратилась в малиновку и улетела от людей на небо. У детей есть эта способность, они живут в мире, где есть место волшебству. Боги и монстры прячутся под кроватями и в шкафах, а мамы, словно птицы, улетают на небо.

Я тогда осознала, что больше не верю в волшебство.

Детство, мое детство было теперь так далеко.

Так же далеко, как, наверное, и зрелость.

В тот день мы с Сати пошли в парк и похоронили малиновку под кустом боярышника.

Как-то вечером папа постучался ко мне в комнату, чего не случилось со времен аварии. Я выключила компьютер и разрешила ему войти. Мы не разговаривали уже несколько дней. Мы скорее угадывали очертания друг друга, словно нас разделяла толстая глыба льда.

Стоя в дверном проеме, папа провел рукой по лысеющей голове и поморгал, опустив глаза. Он сделал несколько шагов в мою сторону. Я села на кровать.

— Мы можем... мы можем поговорить?

— Конечно, пап.

Он сел на другой край кровати и долго молчал, старательно не пересекаясь со мной взглядом.

— Лу, я... я видел все, что сейчас происходит в мире. — Он повернулся к окну, в котором еще виднелись последние лучи солнца. — Я не знаю, что это такое. Все это за гранью моего понимания. Но я хочу тебе сказать, что... что нам нужно общаться... Я знаю, что это стало сложнее. С тех пор как случилась авария, а может, и раньше.

Я сжала зубы и ничего не ответила.

Папа был прав. Взрослея, я отдалилась от родителей. Особенно от мамы. После рождения Сати наша связь окончательно прервалась, и я чувствовала, что меня несет куда-то не туда. Сати плакал по ночам, родители были без сил, у них постоянно звонили телефоны, они заговаривали друг с другом только для того, чтобы на повышенных тонах выяснить, кто поедет за покупками или переоденет ребенка. Я была между ними, и мне казалось, что я гожусь только для того, чтобы накрывать на стол, мыть посуду и приносить хорошие отметки из школы. Я все ждала, когда же они заметят, что я изменилась, что у меня есть мечты, большие мечты, даже слишком большие для такой посредственной жизни. Однажды я подслушала их разговор на кухне. Папа сказал:

— Это переходный возраст. Это пройдет.

Мама возразила, сказав, что проблема не в переходном возрасте.

— Проблема в нас, — произнесла она холодно. — Нам надо было разойтись, а не заводить еще одного ребенка. Нам вообще не стоило заводить детей.

Услышав это, я чуть не задохнулась от негодования. С тех пор жизнь родителей казалась мне плохонькими декорациями. Я хотела как можно скорее вырасти и уйти из этого дома, уехать из этого города.

Забыть об этой семье. Скрыться от этой женщины, которую я ненавидела.

И только после аварии я поняла, что ошибалась.

Ты понимаешь, как сильно любишь человека, только когда тебе его ужасно не хватает.

Папа сделал глубокий вдох:

— Я знаю, что тебе нелегко пришлось, Лу. Мы с твоей мамой были далеко не идеальными родителями. Не бывает идеальных родителей. Тебе могло казаться, что мы тебя бросили, что мы тебя не любим, но это не так. Мама очень сильно тебя любила.

— Я знаю, папа, знаю.

— Она столько хотела с тобой поделиться. Она хотела, чтобы ты была сильной, независимой. Знаешь, она часто меня упрекала в том, что я заставляю ее все тянуть на себе. Дом, продукты, школу... Она была права. Мама часто уставала на работе, а я ей не помогал. Я ничего не понимал. Или не хотел понимать. Если она злилась, то на меня, а не на вас с Сати. Клянусь. Больше всего мама хотела, чтобы ты была счастлива. И главное, чтобы ты была сама собой.

Я кивнула.

— Ну а после... после аварии я слишком всем этим увлекся. Скорбью. Ежедневными заботами. Реабилитация, Сати, документы, страховки, закрытие фабрики. Я мало уделял тебе времени. Слишком долго. Нам надо было поговорить. Намного раньше. Прошлого не вернуть, но это так. И сегодня я хочу тебе сказать, что я рядом. И если тебе кажется, что я хочу заменить маму Патрисией, это не так. Патрисия не в счет. Есть только ты и Сати. Вы вся моя жизнь. Так вот, я хочу сказать, что если у тебя есть проблемы... Если у тебя есть... это...

Я вздохнула против своей воли:

— Пап...

Он поднял голову и посмотрел мне в глаза.

— Луиза, если ты страдаешь этим. Этой болезнью, этой Мутацией, как ее еще назвать. Ты можешь мне сказать. Я буду рядом. — Он взял меня за руку. — Луиза, я буду с тобой.

И тут на лед будто внезапно упали яркие солнечные лучи, и все растаяло, все превратилось в воду. У меня из глаз полились слезы, и я бросилась через всю кровать в папины объятия.

Я рыдала. А папины руки неловко обвивали меня, словно кокон. Хрупкий кокон, который, однако, может защитить. Папа, мой любимый папа.

— Мне страшно, пап.

— Я рядом, Луиза, я рядом.

Мне не нужно было ничего ему рассказывать. Он знал, что я одна из тех девушек, которых настигла Мутация.

Когда школу снова открыли, перед зданием собралась тесная возбужденная толпа. Ученики, родители, местные журналисты и целая куча людей в белом — все что-то выкрикивали. Полицейские с горем пополам пытались контролировать ситуацию.

Письмо о возобновлении занятий нам прислали накануне.

К нему прилагалось письмо из министерства, адресованное законным опекунам девушек в возрасте от десяти до восемнадцати лет. В нем говорилось, что мне, взяв с собой удостоверение лич-

ности, фотографию и медицинскую карту, нужно пройти осмотр в рамках «программы по выявлению распространения инфекционных заболеваний». Это не вопрос выбора, уточнялось в письме, это обязательное мероприятие. Приводились отрывки из текста закона, который приняли от силы несколько дней назад. Если родители не выполняют требования закона, они понесут наказание в виде тюремного заключения. Это письмо вывело папу из себя.

— Как люди могут это терпеть? Черт возьми, эта страна все больше становится похожа на диктатуру.

Я впервые слышала, чтобы он так разговаривал. Но он мог злиться сколько угодно. Вверху листа черным по белому были написаны мои имя и фамилия. Я не могла уклониться от осмотра. Поэтому наутро я надела бесформенный свитер, черную накидку и ушла в школу. Я даже не стала удалять волосы со спины. Я уже знала, что они растут слишком быстро. Я не могла их скрыть. Делать было нечего. Они увидят мое тело и все поймут. Конечно, мне было страшно, но до моей кожи уже дотрагивалось столько врачей, что, думаю, мне было проще, чем некоторым девушкам.

У самых школьных ворот я прошла мимо женщины в белом, которая разговаривала с журналистом. Их беседу снимал оператор. Женщина говорила:

— Я осмотрела дочь, она здорова, о том, чтобы она была среди больных девушек, не может быть и речи.

— Так, значит, сегодня ваша дочь не пойдет в школу?

— Моя дочь пойдет в школу. Она в полном порядке. Она имеет право спокойно посещать занятия. Она имеет право!

— Чего же вы требуете?

— Мы хотим, — прорычала женщина, — чтобы большим девушкам было запрещено приближаться к нашим детям! Это слишком опасно. Я здорова, моя дочь здорова, и я не понимаю, почему мы должны так рисковать.

— Правительство утверждает, что эта болезнь незаразна.

Женщина ухмыльнулась:

— Мы не доверяем правительству.

— А почему вы в белом?

Оператор перевел камеру на толпу. Половина пришедших была в белом. Безупречная белизна под грязно-желтым небом.

— Это просто знак, — ответила женщина. — Способ узнать друг друга. Способ сказать, что у нас все в порядке.

— Это движение организовал Оскар Савини, так ведь? Лигу Света?

— Савини совершенно прав. Правительство бездействует. Он один что-то предпринимает. Он единственный осуждает все это безобразие. Представьте, если бы люди вели себя так же во времена чумы. Или холеры. Или еще какой-нибудь ужасной болезни. Что мы вообще знаем об этом заболевании? Ничего! Оно может быть смертельно опасным, но никто не реагирует! Вот это уже слишком. Мы вынуждены так одеваться, чтобы выделяться. Потому что множество девушек, вероятно, болеют, но это может быть незаметно. Я считаю, что это они должны носить что-то, чтобы их сразу было видно!

В разговор вмешался папа одного из учеников:
— А как насчет наших сыновей? Не забывайте про парней! Все же прекрасно знают, что это за возраст. А что, если кто-то из этих девушек нападет на наших парней?!

— Он прав, — согласилась женщина. — Нам ничего не известно, нужно действовать во благо наших детей.

Журналист повернулся к дочери этой женщины. Девушке было лет двенадцать — тринадцать, не больше. Было видно, что она напугана.

— Ты боишься?

Мать, стоя вне кадра, кивнула ей.

Девушка разрыдалась. Журналист ликовал.

Надо сказать, что за несколько дней до этого стало появляться все больше новостей, связанных с «больными» девушками. На севере страны девушка-подросток убила своего дядю и выгрызла ему пол-лица. Ее покрытое шерстью лицо, лицо дикого зверя, красовалось на первой полосе всех газет. Напрасно девушка повторяла, что дядя уже давно насиловал ее, что она просто защищалась, — люди запомнили только, что она изуродовала мужчине лицо. В других городах другие девушки держали в страхе всех жителей и нападали на родителей или учителей. Атмосфера, скажу прямо, была нездоровая.

У ворот, которые еще были закрыты, я встретила Сару и Морган. За воротами, скрестив руки на груди, стоял Бурден, похожий на цербера.

— Вот отстой, да? — спросила Сара.

Я кивнула.

Морган показала рукой за ворота:

— Эй, смотрите, кто там.

Посреди двора стояли Лемуан и Ревер, а вокруг них — с десяток женщин и мужчин в белых халатах. Ревер о чем-то оживленно спорил с директором, у которого была перевязана рука. Лемуан смотрел в нашу сторону.

— Если нас будет осматривать он, я готова пойти хоть сейчас, — пошутила Морган.

— Мечтай, — бросила ей в ответ Сара. — Я пойду первой.

Меня взбесило, что они шутят так, будто это совершенно обычный день. Я их перебила:

— Вы считаете, это нормально, что нас вот так осматривают, как будто мы животные? Вас это не смущает?

Морган пожала плечами, не отрываясь от телефона.

— Ну а что такого? Если есть больные девушки, с этим надо что-то сделать, разве нет?

— Да, — согласилась Сара. — Ради их же блага.

— Но... но что с этим можно сделать?

— Не знаю, — раздраженно ответила Морган. — Но наверняка есть решение. И ситуация уж точно не улучшится, если больные девушки останутся среди нас.

— Может, их усыпят, — сказала Сара, прыская от смеха. — Как куриц или бешеных коров.

Морган заметила, что мне совершенно несмешно.

Я думала об Алексии, о Фатии и о той девушке из азиатской страны, которую забросали камнями. И то, о чем только что сказала Сара, не казалось мне таким уж невозможным.

— А ты, Луиза, не согласна? — спросила меня Морган.

— Не знаю. По-моему, это полная чепуха.

— Ты бы хотела оказаться рядом с такой девушкой?
Я промолчала. Морган нахмурилась:

— Луиза, только не говори, что... Ты... ты этим
болеешь?

Сара рассмеялась.

— Ой, да ладно тебе. Мы, вообще-то, бреемся. —
Сара повернулась ко мне. — Правда ведь, Луиза?

Я ничего не ответила. Я чувствовала, что к глазам
подступают слезы.

Этого было достаточно, чтобы Морган и Сара все
поняли.

— Вот дерьмо, — прошептала Сара. — Ты хочешь
сказать, что...

Я кивнула. Смысла врать не было.

Морган приняла испуганный вид.

— Черт, и давно это у тебя?!

Сара толкнула ее:

— Мо, не говори с ней таким тоном!

— Но, Сара, ты понимаешь, что...

Я прервала их перепалку.

— Я не знаю, давно ли это у меня, — сказала я спо-
койным голосом. — Это стало проявляться в день
похорон Алексии.

— Черт. Вот черт...

Вокруг резко поднялся крик.

Через толпу пробиралась какая-то девушка. На ней
были джинсы, розовый свитер и рюкзак за спиной.
Совершенно обычная девушка. Вот только ее лицо
было полностью покрыто светлыми волосами. Ко-
шачье лицо. Я сразу же ее узнала: это была Анжель,
она училась в другом классе.

Я уверена, что вы, скорее всего, не понимаете, как
я ее узнала.

Для вас мы все на одно лицо. Но мы умеем распознавать, кто скрывается под шерстью. Исследования доказали, что вместе с Мутацией мы приобретаем чувства, которыми вы не обладаете. Это не магическая способность видеть невидимое и всякие глупости в этом роде. Мы начинаем ощущать все намного острее. И в то утро я почувствовала волны стыда и страха, исходящие от Анжель. Люди расступались перед ней. Даже одетые в белое сторонники Лиги Света были ошеломлены и не пытались предпринять что-либо.

Анжель подошла к воротам, и Бурден открыл их дрожащей рукой.

Я услышала, как выругалась Морган, стоявшая рядом со мной:

— Черт побери, это ужасно.

Анжель вошла в ворота, опустив голову, и вслед за ней появились еще девушки. Они ждали, прячась за домами вокруг школы. Они друг за другом шли к воротам. Безмолвная процессия. У кого-то выросла только грива, у кого-то лицо и руки полностью покрывала шерсть.

И тут раздался оглушающий вопль:

— Прочь!

— Прочь отсюда, монстры!

— Проваливайте, твари!

Полиция с трудом сдерживала толпу сторонников Лиги. Некоторые из них плевали в девушек, которые проходили за спинами полицейских. Несколько ударов. Слезоточивый газ. Наконец полицейским пришлось достать дубинки, чтобы удерживать приспешников Лиги на расстоянии и чтобы ученики смогли подойти к школе.

Мы с Сарой и Морган ринулись вперед, и Бурден успел закрыть за нами ворота.

Охранники собрали нас во дворе. С улицы еще доносились крики взрослых. Девушек, чья шерсть была заметна, оттеснили в сторону туалетов. Они выглядели бесконечно несчастными, и все то и дело поглядывали на них. Я искала глазами Фатию, но ее там не было.

В сопровождении Ревера и Лемуана к нам подошел директор. Его рука была на перевязи, а кисть забинтована.

— Так. Успокойтесь, успокойтесь. Как вы все знаете, в сложившихся обстоятельствах нам необходимо провести осмотр, чтобы выяснить масштаб распространения этой... болезни. Юношей это не касается. Месье Ревер и месье Лемуан, с которыми вы, вероятно, знакомы, — представители министерства. Они ответственны за это мероприятие. Беспокоиться не о чем. Все под контролем.

— Ага, конечно, — прошептала Морган.

— Согласно результатам первых анализов, — продолжал директор, — эта болезнь не заразная. Поэтому школа вновь распахнула свои двери для всех вас. Вам не стоит опасаться ваших товарищей. Повторяю: вам нечего бояться.

Ревер и Лемуан, стоя рядом с ним, кивали.

— Поэтому я прошу вас сохранять полное спокойствие и выполнять указания, которые вам дадут. Юноши могут пройти в классы. Девушки, проследуйте, пожалуйста, в спортивный зал. Вас сопровождают охранники.

Парни смотрели, как мы уходим. Мы были похожи на стадо испуганных овечек. У некоторых из нас шерсть росла на лице. Эти девушки, наверное, пытались как-то

удалить волосы тем же утром, но они уже снова отрастали. У остальных, казалось, все в полном порядке. Но как узнать наверняка?

Сара шепнула мне:

— Держись, Лу, я уверена, что у тебя нет ничего серьезного, ведь так?

Я ничего не ответила: это было очень мило, но я знала, что Сара ошибается.

Нас ввели в спортивный зал. С помощью пластиковых ширм его разделили на небольшие отсеки. Нас по одному принимали медсестры в белых халатах.

Я не хочу описывать все это в подробностях, но перво-наперво нас просили раздеться. Полностью. Взять и раздеться в холодном помещении. И пусть даже медсестры были очень вежливыми, в тот день мы столкнулись с ужасной жестокостью.

Я уже стояла голышом, когда раздались первые всхлипывания. Я представляла девушек, которым приходилось показать растущую шерсть. И тех, кто, возможно, впервые обнаружил тогда волосы, которые только начинали разрастаться по телу. Время от времени среди девушек слышались рыдания. Всклипы эхом отдавались под высоким потолком зала, и у нас от этого стоял комок в горле.

Нас взвешивали, обмеряли, фотографировали. Медсестры в белых латексных перчатках выдергивали по несколько волосков из наших тел. Они словно боялись запачкаться, дотронувшись до нас. Нам нужно было протянуть руку для забора крови, помочиться в баночку, ответить на вопросы о питании, об аллергиях, о перенесенных операциях, о семье. Мне пришлось рассказывать о маминой смерти, об аварии, об операциях.

Когда осмотр закончился, медсестра закрыла мое личное дело. Она заламинировала мою фотографию и протянула мне карточку, на которую я даже не посмотрела. Я засунула ее в карман и вышла из-за ширмы.

Все девушки сидели в глубине зала на скамейке запасных.

Они разбились на две группы. Все было понятно без слов. Две группы, которые разделяло несколько метров. Я была поражена, когда осознала, что больше половины девушек были в группе пораженных «болезнью». Примерно у десятерых волосы были видны. Но другие выглядели «нормально». Я бы никогда не подумала, что тех, кто скрывает свою шерсть, так много. Девушки молча сидели на скамейке, ссутулив плечи. Лица у них были потерянные: их тайну раскрыли. Морган была в группе «здоровых». Сары среди них не было.

На долю секунды я замаялась. Все смотрели на меня.

Один из охранников махнул мне рукой, чтобы я шла вперед. Ревер и Лемуан издалека следили за мной.

Я сделала глубокий вздох и под села к своей группе. К группе Мутации.

Вот. С того момента все стало по-другому.

Все знали, кто мы такие. Ну, точнее, думали, что знают.

Между нами провели границу. Между нормальными и ненормальными девушками. Зерна отделили от плевел. Мы были дикарками, прокаженными, Темными.

Именно тогда зазвучало слово «Темные». Так нас почти случайно назвал один ученый. Он выяснил, что происходившие с нами изменения были результатом генетической мутации двадцать третьей пары хромосом, которая определяет пол.

— Это совершенно неслыханно, — объяснял этот ученый в одной из передач. — У мужчин есть хромосома X и хромосома Y. У женщин — две хромосомы X. У пораженных болезнью девушек на второй хромосоме X появился еще один ген, что привело к преобразованию этой хромосомы. Появился новый неизвестный нам тип хромосом.

— Вы хотите сказать, что у этих девушек есть хромосома-мутант?

— Да, можно и так сказать.

— Невероятно! А не могли бы вы поточнее описать последствия этой так называемой Мутации?

— В первую очередь происходят изменения кожного и волосяного покрова, улучшается способность видеть в темноте, зубы и ногти увеличиваются в размерах, а также присутствует эмоциональная гиперчувствительность. Вот что нам известно на данный момент.

— Иными словами, известно совсем немного.

Ученый нахмурился:

— Вы знаете, что исследования еще ведутся. В глобальном масштабе ученые наблюдают миллионы случаев, каждый из которых требует отдельного анализа и рассмотрения. Конечно, исследования должны продлиться несколько лет, чтобы мы получили полную картину. Это чем-то напоминает обратную сторону Луны: мы знаем, что она существует, но увидеть ее не можем.

— Вы считаете, что это может затянуться? Сколько девушек могут стать носителями этого заболевания?

— Я не могу дать вам точный ответ. Несколько сотен. Возможно, несколько тысяч. Как я уже говорил, это совершенно неизученный феномен. Нам даже не с чем сравнивать.

— Некоторые из ваших коллег утверждают, что Мутация — это результат воздействия радиации, пестицидов или вредоносных волн. Другие же заявляют, что это признак адаптации человеческого вида к жизни в резко ухудшающихся условиях окружающей среды. Что вы об этом думаете?

— Я думаю, здесь нужно быть очень осторожным. Самой правдоподобной гипотезой кажется предположение о вирусе нового типа, который повлек за собой молниеносные генетические отклонения. Изначально это мог быть один из вирусов, которые часто встречаются у подростков, например вирус папилломы человека или моноклеоз.

— Моноклеоз еще называют поцелуйной болезнью, верно?

— Да, это так.

— И этот вирус именно таким путем и распространился среди девушек? Через поцелуи? Могут ли заразиться молодые люди? Или родители, которые целуют свою дочь?

— Нет, ни в коем случае. Я такого никогда не говорил. Риск заражения нулевой. Мутации подвержены только девушки, да и то не все. Не стоит разводить панику.

— Хорошо, но как из поцелуйной болезни получается Мутация?

— Что ж... Я считаю, что вирус, который вызывает Мутацию, — это смесь человеческого и животного

вирусов. Вирус из среды обитания диких животных передается животным домашним, а потом и человеку. В данном случае переносчиками инфекции могли стать представители семейства кошачьих. Девушки, подверженные мутации, имеют немалое сходство с кошками.

— С кошками?!

Ученый кивнул.

— Еще более невероятно! — обрадовался журналист.

— Но на данный момент у животных Мутацию не обнаружили, — уточнил ученый. — Возможно, это ложное предположение.

— А сейчас вопрос, который волнует всех: существует ли противоядие, вакцина или какое-то средство, которое позволит бороться с последствиями Мутации?

Ученый пожал плечами:

— Мы все еще ищем. Мы не знаем, с чем имеем дело. Поиски могут занять много времени. На сегодня для всего научного сообщества это темная история. Очень темная...

— Спасибо, профессор. Действительно, прилагательное «темный» лучше всего описывает сложившуюся ситуацию! А теперь мы прервемся на рекламу и узнаем погоду на завтра...

Вот так хромосоме-мутанту присвоили букву Т.

«Т» — темный, потому что никто ничего не понимал.

После этой передачи нас стали называть Темными.

Девушки, ставшие жертвами Мутации, предпочли называть себя Кошками. Это было не так обидно.

Но все равно было неважно, как нас называют: «Кошки» или «Темные». Эти были два разных способа сказать, что мы кто угодно, только не девушки.

Никто не понимал, что происходит, никто не пытался нас понять.

И как вы знаете, в истории полным-полно подобных примеров: зачастую человек разрушает то, что не в силах постичь.

Жизнь продолжалась.

У меня теперь всегда с собой была карта Темных. На этом маленьком пластиковом прямоугольнике было написано, что, выходя из дома, я обязана носить его на видном месте. Полиция могла задерживать нарушительниц. Еще на карточке были фамилия, имя, возраст, адрес и фотография. Разумеется, фотография, сделанная до Мутации. Это была «защитная мера», как заявили в правительстве. Некоторые журналисты увидели в этом сходство с мрачными моментами мировой истории. С желтыми звездами, которые носили евреи, или треугольниками, которые людям приходилось нашивать на одежду: геям — розовые, коммунистам — красные, цыганам, анархистам, проституткам и лесбиянкам — черные.

Правительство поспешило замять все эти разговоры. Министр внутренних дел заявил решительным тоном: «Этих девушек тяжело распознавать из-за волосяного покрова. Нам необходимо иметь возможность установить их личность, если произойдет несчастный случай. Мы делаем все это ради их блага». Савини и Лига Света восторженно встретили это нововведение, но с сожалением отозвались о том, что Темным все еще позволено свободно перемещаться в общественных местах.

Выходя из дома, я, как и остальные девушки, прикрепляла карточку к одежде. Папа был вне себя. В любом случае я больше не могла ничего скрывать. Спустя несколько дней после осмотра в спортзале на моих щеках появилась светлая шерсть. Я приняла это как данность. И наконец шерсть больше не казалась мне уродливой. Это было естественно. Как будто в треснутом зеркале в ванной действительно отражалась я. Меня пугало только одно: Том скоро должен был вернуться со стажировки. Что он обо мне подумает? Захочется ли ему снова обнимать и целовать меня? Папу мой новый внешний вид довольно сильно выбил из колеи. Иногда он подпрыгивал, когда я входила в комнату. Словно перед ним была незнакомка. Он выдавливал из себя улыбку, но я прекрасно видела, что он в ужасе от того, что со мной происходит. Сати, напротив, забавлялся тем, что гладил мою шерсть пальцами. Он все повторял:

— Луижа, ты мягкая.

В его взгляде не было ни страха, ни отвращения, даже наоборот, и его ласка придавала мне сил, чтобы ходить в школу без пропусков.

Каждый день на улицах города появлялись новые граффити. «Проваливайте, твари!» «Зверям место в клетке!» Лига пользовалась все большей поддержкой.

В свете миграционного кризиса все становилось только хуже.

Тогда как раз организовали первые лагеря. Они были предназначены для Кошек из других стран, которые сбежали, потому что на родине их преследовали. Многие из них пустились в путь в надежде попасть в менее авторитарные государства. Пыта-

ясь справиться с наплывом беженков, правительство усилило контроль на границах и приказало разбить лагеря. Министр здравоохранения уверяла, что это карантинные лагеря, что с мигрантками обращаются наилучшим образом, что они в безопасности и получают необходимое лечение, как только будет создано лекарство.

На кадрах, которые крутили по телевизору, Кошки теснились в белых пластиковых палатках. У них был печальный, покорный вид. Но никто не возмущался, казалось, что все считают происходящее нормальным.

СМИ всегда одобряли то, каким образом правительство высказывается о ситуации. Савини в белом костюме и с красивой улыбкой на лице тоже прекрасно жонглировал словами. И он, и правительство умели так все преподнести, что то, что казалось неприемлемым, вдруг становилось совершенно логичным и естественным. Они использовали слова, словно волшебную палочку, с помощью которой фокусник, обманывающий публику, одновременно меняет цвет роз в букете.

«Защитные меры» были просто-напросто постоянной слежкой, беженки становились «мигрантками», а «карантинные лагеря» ничем не отличались от тюрем под открытым небом.

Несмотря на красивые речи, льющиеся с экранов, люди на улицах смотрели настороженно. Меня много раз оскорбляли. Это делали просто прохожие, которые как ни в чем не бывало изрыгали на меня свою ненависть: «Темная!», «Тварь!», «Дикарка!», «Грязное животное!», «Драная кошка!». Молодые и старые. Мужчины и женщины. Самые обычные люди. Вот такой ежедневный расизм.

Я взяла за правило ходить быстрым шагом, спрятав лицо под капюшоном черной накидки. Я старалась не поднимать глаза и даже чувствовала некоторое облегчение, когда видела, что у школьных ворот снова собралась орущая толпа. Там люди хотя бы открыто выражали свою ненависть, ничего не скрывая.

На уроках Кошки садились все вместе в конце класса.

Никто нас к этому не принуждал, просто так повелось.

Богатство, религия, цвет кожи — все эти признаки, которые раньше могли разделить нас на группы, перестали иметь значение, когда у нас появилась шерсть. Теперь, когда мы с девушками собирались все вместе, мы ощущали себя в большей безопасности.

Некоторые девушки перестали приходить в школу. Думаю, они предпочитали остаться взаперти, чем выносить полные отвращения взгляды и насмешки одноклассников.

Действительно, мы стали ко всему очень восприимчивы. В СМИ не часто об этом говорили. Мутация изменила не только наши тела. Внутри нас бурлили ярчайшие эмоции, которые ранили нас, словно осколком стекла. Мы могли расплакаться из-за пустяка. Уже через секунду мы могли надрывать животы от смеха или кричать от злости. Я прекрасно понимала, почему Алексия отчаялась до того, что покончила с собой, и почему Фатия была так разгневана. У меня было такое чувство, что я заново познаю окружающий меня мир. После аварии мне все опостылело. Мне ничего не хотелось, у меня не было сил. С появлением Мутации все изменилось. Запахи, цвета, звуки, фактура одежды — когда я шла по улице, на меня обрушивалась лавина ощущений. Мне

до всего было дело. Все вызывало у меня интерес. Когда ко мне проявляли нежность, я постанывала от удовольствия. Страх ранил меня в самое сердце. Мои чувства были обострены, мои эмоции — на пределе. Мы открывали в себе то, что люди всегда стремились подавить. Природную чуткость. Прямую интуитивную связь с силами, которые хоть и не видны, но витают повсюду. Наши сердца работали как сейсмографы. Точные механизмы. Всего ничего, и мы могли разрушиться, брызнуть лавой или обвалиться. Мы были суровы, решительны, чувствительны, возбудимы, бескомпромиссны.

Поэтому нам было так тяжело.

Поэтому все могло обернуться только против нас.

Наши одноклассники смотрели на нас как на диких зверей. В коридорах они старались обходить нас стороной. Некоторые из них пытались нас дразнить, издавая крики животных. Но бо́льшая часть была просто напугана.

Все предрассудки и фантазии были связаны с Кошками. Считалось, что девушки с черной шерстью, как и черные коты, приносят несчастье. Рыжие прослыли легкомысленными девушками, которые думают только о сексе. Говорили, что если поцеловать Кошку, то можно превратиться самому. Что по ночам Кошки выходят на охоту за одинокими парнями, которые пропадают без вести. Какую только ерунду не рассказывали.

Между нами и остальными постоянно разгорались стычки. Напрасно мы все собирались на переменах в одном углу школьного двора, всегда находился ученик, который был глупее или злее остальных и который начинал нас задирать.

Конфликт мог возникнуть из ничего: взгляд, слово, насмешка, оскорбление — и начиналась драка.

Кошки часто одерживали верх. Они не стеснясь царапались и кусались, это было ужасное зрелище.

Фатия больше не появлялась в школе. Ставни на окнах ее квартиры были все так же закрыты. Ее родители переехали после того случая с директором.

Морган тщательно меня избегала. Она стала одеваться во все белое, как приспешники Лиги, и всегда носила на шее маленький крестик. Она постоянно снимала нас на телефон. Она создала канал и выкладывала на него видео, которые должны были доказать, что Кошки — выродки. В основном она выкладывала видео драк на школьном дворе, которые она комментировала громким голосом: «Вы только посмотрите! Темные очень опасны!», «Они хуже животных!». Когда Савини использовал один из этих роликов в одном из своих воззваний в интернете, Морган стала кем-то вроде школьной знаменитости. Теперь она была в центре внимания, а ведь раньше довольствовалась тем, что влачила жалкое существование в тени Сары. За ней ходила целая свита школьников в белом, которые смотрели на всех свысока.

Те немногие ребята, которые еще осмеливались с нами разговаривать, подверглись жесткой критике со стороны Морган и сторонников Лиги.

— Ты разговариваешь с животными?

— Тебе нравятся эти твари?

— Осторожно, а то и у тебя волосы вырастут.

— А ты насыпала новый наполнитель в лоток подружки?

— Бритва — вот чего заслуживаешь ты и эти не-люди.

В школе таких ребят называли Би. Тех, кто любил Кошек. Неважно, парень или девушка. Многие

считали, что быть Би — это еще хуже, чем быть геем, лесбиянкой или быть под подозрением в гомосексуальности. Слово, жест или взгляд, в котором читалось слишком много внимания к Кошке, — и вам на лоб клеили этикетку «Би». Им подставляли подножки, в них плевали, в их рюкзаки втыкали канцелярские ножи: на Би велась настоящая охота. Быть Би значило быть предателем, предателем всего человечества.

Поначалу Сара не обращала на это никакого внимания. Она продолжала здороваться со мной по утрам, когда мы встречались у школьных ворот. А потом однажды мы столкнулись с ней в туалете. Сара мыла руки. Тут же стояли Морган и еще три девушки. Когда я вошла, они посмотрели на меня с отвращением. На дверце одной из кабинок было написано: «Только для животных». Под надписью кто-то неумело нарисовал кота. Проходя мимо раковин, я поздоровалась с Сарой, но она мне не ответила. Когда я подошла к ней поближе, она шепнула:

— Прости, Лу. Я знаю, что все это выглядит глупо, но... не здоровайся со мной, когда рядом кто-то есть.

— Что? Почему?

— Ты сама все прекрасно знаешь, я не хочу, чтобы меня называли Би.

У меня внутри что-то оборвалось. Я была готова заплакать и укусить Сару. Она всегда меня защищала. После аварии она заставила замолчать всех, кто распространял сплетни и пересуды. Она подавила в окружающих их природную злобу. Сара, красавица Сара поручилась за меня. Я была ее протеже. Возможно, ее бедной малышкой. А может, помогая мне, она пыталась выставить себя в лучшем свете. Но если бы не она, я могла бы занять место Алексии, терпеть насмешки

и грубость, стать пустым местом. И вот теперь Сара меня отталкивает. Она больше ничего не могла для меня сделать и только что призналась мне в этом.

Морган, стоявшая в глубине туалета, не спускала с нас глаз и с рассеянным видом теребила крестик.

— Это из-за нее? — спросила я. — Из-за Морган?

Сара с раздражением подняла глаза к потолку.

— Ладно, Лу, не надо делать из этого драму.

Она отошла от меня и попыталась выдать смешок, как будто все это было шуткой.

И тут я поняла: Сара больше не была самой популярной девушкой в школе. Ее затмила Морган со своими видео. Она же и попросила Сару больше со мной не разговаривать. И Сара согласилась, чтобы остаться по ту сторону баррикад.

От смеха Сары мне было намного больнее, чем от взгляда Морган. Мне хотелось выть. Мне хотелось заставить Сару страдать. Я чуть было не выболтала, что произошло тем вечером перед аварией. Я была готова рассказать то, что я так долго скрывала, стоя посреди туалета в присутствии других девушек. Я была готова броситься на Морган. Думаю, я была в таком бешенстве, что могла бы ее убить.

Но я сдержалась, закусив губу.

Я ничего не сказала. Я молча заперлась в кабинке с надписью «Только для животных».

Как-то раз после обеда я пошла на барахолку. Я знала, что Том вернулся со стажировки в тот же день. Я заглянула в витрину магазина, чтобы убедиться, что Тома там нет. Он уехал еще до начала всей этой

истории. Возможно, он даже не знал, что происходит. Это было маловероятно, но Том иногда был таким странным, а большую часть времени сидел уткнувшись в книгу, смотрел фильмы или копался в моторе, так что было бы неудивительно если бы новости прошли мимо него. Но я не была готова предстать перед Томом в таком виде. Когда я вошла в магазин, месье Бланше пробормотал еле слышное «здравствуйте». Моя шерсть, казалось, совсем его не смущает. Он, по своему обыкновению, был таким же неприветливым. Ко мне подошел Уголек и стал тереться о мои ноги. Вот ему я точно нравилась.

Я пролистала «Ловца на хлебном поле». У меня подпрыгнуло сердце, когда между страницами я увидела клочок бумаги.

Встр в среду в парке в 15? Творится какой-то ужас. Надеюсь, ты в порядке. Т. (Р. С. Могу зайти к тебе, если хочешь?)

Я сунула записку в карман. У меня был день на подготовку.

Я уже собиралась уходить, когда почувствовала в магазине какой-то особенный запах. Запах Кошки. Не просто Кошки. А той, которую я знала.

Я прошла взглядом по стеллажам и увидела ее у полки с туристическими принадлежностями. Ее лицо скрывал черный платок. Это была Фатия. У нее была темная, почти черная шерсть. Несмотря на длинное платье и зеленый бесформенный свитер, Фатия все равно была похожа на дикое существо. Ее гибкое тело извивалось, словно тело пантеры, когда она ходила между полками магазина.

Я спряталась за витриной с удобрениями и гербицидами.

Фатия оплатила покупки на кассе. Газовый баллончик, батарейки, термозащитное одеяло. Пока она складывала все это в рюкзак, о ее ноги терся Уголек.

Когда Фатия вышла из магазина, я пошла за ней. На улице темнело, и фонари включались один за другим. Меньше чем через час я должна была встречать Сати у детского сада, но мне было слишком интересно. Мне хотелось узнать, где Фатия пряталась все это время. Конечно, я могла ее окликнуть и поговорить с ней, но от нее исходил запах злобы, поэтому я не стала этого делать.

Фатия быстрым шагом прошла по центру города. Она даже не подняла голову, когда проходила мимо своей многоэтажки. Она свернула на улицу, которая вела из города. Я не понимала, куда она идет.

Я шла за Фатией по пустым тротуарам, на которых валялись пластиковые пакеты. Моросил мелкий дождь, и от этого свет больших неоновых вывесок не был таким ярким, как обычно. Мимо проезжали машины, водители не обращали на нас внимания. Фатия ни разу не обернулась. Мы, как две тени, шли по ноябрьской темноте.

Фатия свернула к стадиону. На поле парни играли в футбол. В ослепляющем свете прожекторов их силуэты казались огромными. Парни были явно в отличной форме, они бегали с деловитым видом, плевали себе под ноги, поносили друг друга, стоя на разных концах поля. На трибунах виднелась кучка замерзших девушек, которые фотографировали игру. Парни время от времени показывали им победные жесты. Они бегали с голыми руками и ногами и, казалось, презирали холод. У них были красные щеки, изо рта поднимался пар, на затылках блестели капельки пота.

Я чувствовала запах их пота. Опьяняющий запах. В белом, чистом, почти нереальном свете прожекторов парни выглядели беззаботными и сильными одновременно.

Фатия скрылась за стадионом. Я медленно пошла за ней. Вокруг была полная темнота. В воздухе витал тяжелый, сладкий и даже немного противный запах. Так пахнут фрукты, которые надолго оставили в пластиковом пакете. Меня бросило в дрожь от скрежета гравия под ногами. Я вдруг задумалась, что я вообще здесь делаю. Я уже была готова повернуть назад, когда в нескольких метрах от меня появился огонек. Маленький синий огонек, который по краям становился оранжевым. А над ним склонилось лицо пантеры.

— Что тебе нужно, Луиза? — раздался хриплый голос Фатии.

Я подпрыгнула. Она с самого начала знала, что я за ней слежу. Она меня почуяла.

— Конечно, я тебя учуяла, — сказала Фатия, словно читая мои мысли. — Думаешь, ты все еще человек? Ты пахнешь так же сильно, как и я.

Я смахнула капли воды, которые текли по моей шерсти, и сделала несколько шагов в сторону Фатии.

Я увидела палатку и матрас на земле. Натянутый брезент, железные миски, небольшую горелку, на которую Фатия поставила консервную банку.

— Ты здесь живешь?

Фатия зажгла сигарету. Откуда-то из темноты вынырнул серый кот и стал тереться о ее ногу.

— Да, это мой дом, — ответила она, глядя кота. — Что тебе нужно?

— Я хотела узнать, что происходит. Что с тобой случилось.

— Ты теперь моя подружка? Я думала, ты меня не любишь.

Я замотала головой:

— Нет, что ты... Ну, я, скорее, завидовала, потому что ты нравилась мальчикам, да и Сара тебя очень любила.

Повисло молчание.

Я повторила вопрос:

— Что с тобой случилось?

Фатия сделала затяжку и пожала плечами:

— То же, что и с тобой, Луиза. Хромосома Т. Мутация. Не нужно быть гением, чтобы это понять.

Она отцепила от свитера карточку и швырнула ее в сторону палатки. Я чувствовала исходящую от нее злобу. Кот, должно быть, тоже ее чувствовал, потому что поспешно убежал.

— Я не про это, я имела в виду, почему ты больше не живешь дома? — спросила я, тщательно подбирая слова. — Почему в школу не приходишь?

— А ты как думаешь?

— Я... я не знаю.

Она вымученно улыбнулась:

— Бедняжка Луиза, ты всегда такая потерянная?

Я не знала, что ответить. Да, я была потеряна.

— Знаешь, что они со мной сделали, когда меня исключили из школы? Те два мужика. Реверс с Лемуаном и целая толпа врачей заперли меня в больничной палате и заставили меня сдавать анализы. Меня вообще никто не спрашивал. Отца и брата тоже. У них даже не было права меня навещать. Государственная тайна. Я была для этих людей подопытной крысой, Луиза. Просто-напросто подопытной крысой. Не девушкой. Не человеком. Да даже не крысой, не животным.

Я была для них объектом исследования. — Фатия выбросила окурок в темноту. — Если ты достаточно сообразительная, то догадаешься, что они со мной сделали, но я уверена, что тебе не хватит воображения. Этого никто не сможет представить. Никто.

— Мне очень жаль, Фатия.

— В конце концов они меня отпустили, потому что ничего не нашли. А потом в больницу пришла куча девушек. Они все хотели, чтобы их вылечили. Я видела, как их загнали в кабинет. Словно скот. Теперь у них было много объектов исследования. — Фатия присвистнула, и к ней по одному стали подходить коты. Серые, рыжие, драные — все они сгрудились вокруг нее. — Думаешь, после такого у меня есть хоть малейшее желание возвращаться домой или в школу? Нет. Здесь мне намного лучше. Благодаря шерсти мне теперь не нужны ни хиджаб, ни макияж. Здесь нет ни брата, ни отца, ни учителей. Подальше от людей. Поближе к родственным душам.

Фатия разложила содержимое консервной банки по мискам, и коты принялись за еду, жадно лакая ее языками.

— Я устала все время быть на привязи, поэтому живу здесь. — Она выгнулась и подошла ко мне. Ее глаза блестели, как две луны. Это были кошачьи глаза. — Луиза, я тебя уверяю, никто не проявит к нам жалость. Даже твой отец и брат могут отвернуться от тебя. Со мной это так и случилось. Мы им противны, Луиза. Они нас боятся.

Я покачала головой:

— Неправда. Мой папа...

Фатия не дала мне договорить. Она положила обе руки мне на плечи и посмотрела прямо в глаза:

— Лучшее, что ты можешь сделать, — сбежать. Сбежать так далеко, насколько сможешь. Потому что скоро на нас начнется охота. Мы станем желанной добычей.

На стадионе раздались крики парней. Победные крики, которые напоминали гневные вопли. Этот хор словно пытался сделать слова Фатии еще более убедительными.

Для меня это было уже слишком.

Я проямлила:

— Мне надо... надо идти в детский сад за Сати. Я ужасно опаздываю.

Фатия ухмыльнулась:

— Правильно, Луиза. Беги. Беги и не оглядывайся.

Я так и сделала, я побежала прочь. Не оглядываясь.

Наутро я стала готовиться к встрече с Томом.

Я не знала, что надеть. Какая одежда выгодно смотрелась бы с моей шерстью?

Я перемерила кучу платьев, юбок и кофт.

Мне ничего не шло. Я казалась себе посмешищем. Да и к тому же, должна признаться, мне было неуютно в одежде. К тому времени шерсть покрыла все мое тело. Живот, ноги, грудь, лицо. Все. Вся моя кожа была покрыта волосами. Я даже не заметила, как это произошло. Когда шерсть росла, мне совсем не было больно, мои страхи не оправдались. Чего нельзя сказать о месячных, от которых у меня через каждые тридцать дней были рези в животе.

В конце концов я сдалась и оделась как всегда. Во все черное и сверху накидка. Том обожал черный цвет, мой наряд не мог ему не понравиться.

Я посмотрелась в зеркало в ванной. Папа его заменил. Он по очереди снял со стены кусочки старого зеркала. Я разбила его, когда вернулась из реабилитационного центра. Я тогда запретила папе вешать новое. Он согласился с этой идиотской мыслью. Но все это было давно. До Мутации. Он обрадовался, когда я сказала: «Знаешь, пап, было бы неплохо заменить это зеркало, оно совершенно бесполезное, в нем ничего не видно». И в тот день, прежде чем уйти на встречу с Томом, я любовалась своим отражением. Мои зеленые глаза, словно изумруды, блестели на покрытом светлой шерстью лице. Я казалась себе... красивой.

Шерсть скрывала мои шрамы. Мутация позволила мне вновь обрести утраченную энергию и забытые ощущения. То, что случилось со мной в тот вечер, когда произошла авария, казалось мне слишком тяжелым грузом. Поэтому да, в тот день я чувствовала, что выгляжу потрясающе, хотя и боялась реакции Тома.

Из дома я вышла, что-то напевая себе под нос, несмотря на серо-желтое небо, несмотря на карточку, прикрепленную к накидке. На улице прохожие посылали в мою сторону убийственные взгляды. Я поняла, что не надела на голову капюшон. Мне было смешно от возмущения, написанного на лицах людей. Я подумала: «Если я вам не нравлюсь, просто не смотрите!»

Я пришла в парк немного раньше назначенного времени. Я ужасно волновалась. Я села на качели; мы раньше часто приходили сюда с Сарой и Морган. Я вспомнила, как мы смеялись вместе, как использовали нашу красоту и молодость в качестве оружия.

По аллеям прогуливались мамочки с детьми. К детской площадке направился мальчик, который

был чуть старше Сати. Он с любопытством показал в мою сторону пальцем. Он был очарован.

— Мама, смотри. Смотри, какая большая игрушка!

Его мать сказала мне, нахмурившись:

— Это площадка для детей.

— Я знаю, — ответила я.

— Вам здесь делать нечего.

— Почему?

— Почему?! Да потому что вам тут не зоопарк!

Я оскалилась, показав ей клыки. В воздухе запахло страхом. Женщина попятилась, с такой силой потянув сына за руку, что тот заплакал.

— Игрушка, хочу игрушку!

— Это позор! Позор! — бросила мне женщина напоследок. — Вы могли хотя бы спрятать лицо!

Я прекрасно понимала, что она имеет в виду. Я уже видела несколько девушек в облачении, закрывавшем все тело. Белое одеяние, этакая смесь католической ризы и паранджи. У тех девушек через маленькую щелку видны были только глаза. Мысль о такой одежде возникла у Оскара Савини и у приспешников Лиги Света. Они хотели заставить Кошек носить одеяние, которое скроет их тело, но при этом позволит их распознавать. Просто блестящий план, в котором Савини учел интересы и религиозных фанатиков, и ультраправых политиков. Это облачение было белого цвета, как и одежда сторонников Лиги. Это был символ. Словно белая одежда могла направить девушек «на путь истинный». Мне это казалось смешным и унижительным, но некоторые Кошки более или менее добровольно начали носить это одеяние. Я смотрела передачу, в которой девушка рассказывала об этой одежде. «По крайней мере, — говорила она, — так мы

сохраняем мир. Если все твоё тело закрыто, на тебя не смотрят искоса, не оскорбляют. Я чувствую себя свободнее».

Я размышляла обо всем этом, когда почувствовала запах Тома. Табак, машинное масло и его собственный неповторимый запах. Он вошел в ворота парка. У меня скрутило живот.

Том искал меня взглядом. Я поняла, что он, возможно, меня не узнает. Я не решалась помахать ему. Но я хотела, чтобы он меня заметил. Потому что я изменилась снаружи, но не внутри. Внутри я была все той же Луизой.

Он пошел по аллее, которая вела к детской площадке.

Я вцепилась в цепочку качелей.

Неужели он...

Том остановился у деревянного домика.

...Меня узнает?

Он поднял глаза на меня.

Он смотрел на меня так, как смотрят на совершенно незнакомого человека на улице. Словно он всего лишь элемент пейзажа.

Я почувствовала, как к горлу подступают слезы.

И тут я вдруг увидела, что у него что-то сверкнуло в глазах. И его рот округлился.

— Лу... Луиза?

Я сдержала слезы и улыбнулась. Но не слишком широко, чтобы Том не видел, как у меня выросли зубы.

— Привет, Том.

Он подошел ко мне, кивая, и медленно опустил на соседние качели. Он не сводил глаз с меня, моей шерсти и карточки, приколотой к черной накидке.

— Надо же, Луиза. Я бы никогда не подумал, что...

— Я тоже.

Он откинул голову назад, закрыл глаза.

Он молчал. Он больше на меня не смотрел.

Может, его напугало мое тело. Может, я ему не нравилась. Может, в день похорон он поцеловал меня из жалости. Только из жалости.

Я начала качаться, чтобы не расплакаться.

Откинув голову назад, я разглядывала желтые облака. Цепочки качелей скрипели при каждом движении вперед-назад.

Том последовал моему примеру. Мы качались не синхронно. Но качели Тома двигались в том же темпе, что и мои, хоть он и был намного тяжелее. Сначала я отлетала далеко назад, а он улетал вперед, через секунду он уносился назад, а я, вытянув ноги, взмывала вверх, и мне казалось, что мое тело больше ничего не весит, что я могла бы улететь на небо, словно птица. Накидка за моей спиной развевалась, как черные крылья. Это продолжалось всего несколько мгновений. Несколько чудесных мгновений. И через секунду сила притяжения влекла меня обратно вниз. Наши с Томом качели пересекались внизу, на полпути. Тогда-то он и спросил меня:

— Все в порядке?

— Все хорошо. Как ты?

— Неплохо.

— Как стажировка?

— Ничего особенного.

— Ладно.

— Как в школе?

— Тяжело.

— Из-за...

— Да, из-за волос.

— Учителя пристают?

— Все.
— Они...
Я не услышала его вопрос. Я крикнула:
— Что?!
— Они тебя боятся?
— Да. Они думают, что это болезнь.
— А это не болезнь?
— Нет. Это из-за хромосомы. Я вот такая, с этим
ничего нельзя сделать.
— У тебя что-нибудь болит?
— Нет. Наоборот.
— Наоборот?
— Да. Я хорошо себя чувствую.
— Круто.
— Больше ничего не болит, ни шрамы, ни стержни.
— Что?
Том не услышал моих слов, поэтому я сказала:
— Я очень хорошо себя чувствую!
— Значит, это не болезнь.
— Нет. Вовсе нет.
— Но так говорят по телику.
— Они ошибаются. Они так говорят, потому что...
Том закончил фразу за меня.
— ...Потому что ничего не понимают.
— Да, именно. Им страшно.
— Понятно.
— Понятно?
— Да, понятно.
— А ты... ты не боишься?
— Нет.
— Почему?
— Потому что я вот такой, и с этим тоже ничего
не поделать.

— Но ты не такой, как я.
— Нет. Все люди разные. Но я знаю, что ты чувствуешь.

— Что?

— Я знаю, что ты чувствуешь!

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что я тоже особенный.

Я засмеялась:

— У тебя есть суперспособности?

— Нет, не то что у тебя.

Я возразила:

— У меня нет суперспособностей.

— Нет?

— Нет.

— Ты не можешь высоко прыгать?

— Нет.

— Не можешь приземляться на лапы?

— Не могу.

— А может, у тебя девять жизней?

— Нет.

— Что тебе известно обо всем этом?

— Я не хочу ничего знать.

— Не хочешь?

— Я хочу жить.

— Прекрасно.

— Я уже один раз чуть не умерла.

— Я знаю.

— И не хочу это повторять.

— Мудрое решение.

Потом наши качели дважды оказывались на одном уровне, но мы молчали. Ровно столько времени мне потребовалось, чтобы набраться смелости.

Я сказала:

— Но есть одна вещь, которую мне хотелось бы повторить.

— Что?

— Я боюсь тебе говорить.

— Да нет, я не расслышал, что ты до этого сказала.

— Я сказала, что... Да так, ничего.

— Ничего?

— Ничего.

Вперед-назад, вперед-назад. Мы молчали.

— Ты уверена? Что ты сказала?

Я потрясла головой:

— Ничего.

— Ладно. Тогда я тебе кое-что скажу.

— Давай.

— Это не так-то просто. У меня голова кружится.

— У меня тоже.

Вперед-назад, вперед-назад. Мы снова молчали.

Том, наверное, тоже набирался смелости, глядя в желтое небо.

— Помнишь, я сказал, что я особенный?

— Да.

— Супер. Так вот, я особенный.

— И в чем твоя суперспособность?

— Мне нравятся парни.

— Что?

— Мне нравятся...

— ...

— ...Парни.

— ...

И снова вхолостую вперед-назад, вперед-назад. Никто не проронил ни слова. Над нами было желтое небо, а в моем животе — дыра.

— Теперь ты знаешь, что я особенный.

Я глубоко вдохнула:

— Знаю.

— Но это не болезнь.

— Я знаю.

— Но многие люди так считают.

— Я знаю.

— И мне не всегда легко.

— Представляю.

— Особенно здесь, в этом городе.

Я хотела сказать ему что-то хорошее, но не могла.

— Ты удивлена?

— Да.

— Расстроена?

Я соврала:

— Нет.

— Ты имеешь на это право, Луиза.

— Я не расстроена.

Снова вперед-назад, вперед-назад в полной тишине. А потом я задала вопрос:

— У тебя были... любовники?

— Да. Но немного. Мы это скрывали.

— А теперь?

— Что теперь?

— У тебя есть... любовник?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Нет.

— ...

— Луиза?

— Да?

— Есть еще кое-что более особенное.

— Что?

— Ты знаешь, что любовь и желание...

- Что? Я не расслышала.
- Ты знаешь, что любовь и желание — разные вещи.
- Да. Ну, то есть не знаю.
- Для меня это разные вещи. И круто, когда они совпадают.
- ...
- Я считаю, что без любви ничего не получится.
- ...
- Луиза?
- Что?
- Хочешь, я расскажу тебе про еще более особенную вещь?
- Давай. Только, думаю, я остановлю качели, а то упаду.
- Луиза?
- Том?
- Луиза?
- Том?
- Луиза!
- Да?
- Том повернулся в мою сторону:
- Еще более особенная вещь.
- Что?
- Это...
- ...
- ...Я думаю...
- ...
- ...Что люблю тебя...
- ...
- ...Точнее, нет...
- ...
- ...Я люблю тебя.

— ...

Я забыла, что качели нужно раскачивать.

Мы стали понемногу замедляться.

Я произнесла:

— Ты сказал это не потому, что...

— Нет. Я сказал это потому, что это правда.

Качели остановились.

Мы посмотрели друг на друга. По-настоящему.
В глаза.

— Луиза, ты первая девушка, которую я люблю.

— Я... я не совсем девушка.

— Ты Луиза. Это важнее, чем быть девушкой, Темной, Кошкой или кем-то еще. Ты Луиза, и ты особенная. Как и я.

— Как и ты.

— Меня бесят нормальные люди.

— И меня.

— Что вообще значит «нормальный»?

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Странно, да?

— Очень странно. Ты тоже странный.

— И ты.

— Мы странные.

Мы коснулись ногами земли. Небо переполняло меня изнутри. Мои мысли были где-то там высоко в желтых облаках. А мое сердце, почти выпрыгивая из груди, стучало, как барабан.

Не вставая с качелей, мы с Томом наклонились друг к другу, и наши губы встретились.

Это было нежно, очень нежно.

Это могло длиться тысячу лет. Но чей-то голос вырвал нас из глубин нежности:

— Я смотрю, ты любишь животных?

Их было трое.

В белом.

Двое из них были помладше, наверное ученики средней школы. От них пахло спиртным и глупостью.

А третьего я знала. Это был Фред, брат Сары.

Увидев его, я не могла пошевелиться. Не могла произнести ни слова. Мне казалось, что я перенеслась на два года назад и вновь очутилась на той ужасной тусовке у Сары в тот вечер, когда произошла авария. С тех пор я Фреда не видела. Он почти не изменился. Та же лукавая улыбка. Та же вопиющая самоуверенность. То, что мне так нравилось в нем в какой-то момент. То, что теперь вызывало у меня отвращение. Он, конечно, меня не узнал.

Он подошел к Тому:

— Эй, ты на вопрос отвечать собираешься?

Том так и сидел на качелях. Он устало смотрел на троицу. Как будто подобные сцены случались с ним уже тысячу раз.

— Эй, парни, — сказал Фред, — как думаете, он глухой или как?

Его дружки согласились:

— Да, Фред, он точно глухой.

Фред сделал еще один шаг в сторону Тома. Он очень медленно проговорил каждое слово:

— Эй, нам с друзьями показалось, что ты любишь животных. Ты любишь животных?

Я сжала кулаки, чтобы унять дрожь в руках и во всем теле. Фред на меня даже не смотрел. Как будто меня там не было. Как будто меня не существовало.

Том поднял голову:

— Ладно вам. Отстаньте от нас. Мы никого не трогали.

Фред ухмыльнулся:

— Ах, ах! Ты, случайно, не вздумал мне указывать?

— Я просто сказал, чтобы вы от нас отстали.

— Еще чего. Ты понимаешь, где находишься? На площадке. Для детей. И знаешь что? А то, что на детские площадки вход с животными запрещен.

Том ничего не ответил.

— Ты, может, считаешь, что это нормально — приводить на детскую площадку животных? Видишь, дети боятся сюда приходить. А вот здесь на табличке вообще-то написано: «Выгул животных запрещен». Ты глухой, допустим, но ты ведь не слепой вдобавок? — Фред толкнул Тома в плечо. — А может, ты не глухой. И не слепой. Может, ты просто Би, а? — Он повернулся к своей свите. — Эй, парни, как вы думаете? Этот пацан — Би?

Оба парня кивнули:

— Ага. Они целовались, когда мы пришли.

Фред улыбнулся:

— Вы правы, парни. Я тоже это видел. Он целовал этого котенка.

Том рывком спрыгнул с качелей. Они с Фредом стояли лицом к лицу. Воздух трещал от концентрации злобы и ненависти.

— Не смей так ее называть, — прошептал Том.

Фред отклонил голову назад.

— Ну вот, пожалуйста. Он заражен. Он Би.

Оба парня оскалились.

Я думала, что Том врежет Фреду, но он просто улыбнулся:

— И что дальше? Тебя это волнует? Разве я тебе указываю, кого ты должен любить? Нет. Так что, будь добр, оставь нас в покое.

Фред был в замешательстве. Он, должно быть, совсем не был готов к такому ответу, а ждал, что Том полезет драться или расплачется. Но Том просто спокойно сказал то, что думает.

Люди не любят, когда им говорят правду. Особенно когда эта правда идет вразрез с их интересами.

Фред ударил так быстро, что я успела увидеть только, как из носа у Тома брызнула кровь. Том упал на землю. На него бросились дружки Фреда, они начали бить его ногами по ребрам.

Я спрыгнула с качелей и заорала:

— Отвалите от него! Сейчас же!

Они повернулись в мою сторону.

— Эй, слышали, парни? Животное умеет разговаривать! — бросил Фред.

Парни помладше ухмыльнулись.

Фред медленно пошел в мою сторону. Я не двинулась с места.

— Хоть ты и уродина, мы тебя не боимся. Так что придержи язык. — Он подмигнул своим приспешникам. — По большому счету ты просто большая плюшевая игрушка.

— Девчонка в костюме плюшевой игрушки, ага! — подхватил один из парней.

Фред кивнул:

— Совершенно верно. И знаешь, если мы захотим, мы сможем с тобой позабавиться. Парни, как вы смотрите на то, чтобы поиграть с этой плюшевой милашкой?

Фред, наверное, думал, что я не стану отвечать. Что я просто опущу глаза и расплачусь. Но меня охватила безудержная злоба.

— Ты знаешь, кто я, Фред?

Он с удивленным видом задумался.

— Нет, ты меня не помнишь, — сказала я. — А ведь у нас есть общая фотография.

— О чем ты...

— Я была для тебя просто очередной девчонкой, так?

Он промямлил:

— Что? Что ты несешь?

— Я Луиза, подруга твоей сестры. Ну что, помнишь? Это было два года назад, почти вчера.

И прежде чем он успел понять, что происходит, мои когти уже скользили по его лицу, оставляя за собой кровавые следы.

В полицейский участок вошли папа с Патрисией.

Патрисия в ужасе прикрыла рот рукой. Она впервые видела меня с тех пор, как Мутация стала явной, и я не знала, что ее так испугало: моя шерсть или кровь на моих руках.

Я была в наручниках и сидела на расшатанном стуле, на котором меня оставили несколько часов назад.

— Лу, все в порядке? — растерянно спросил папа. Я едва кивнула.

Он посмотрел на мои окровавленные руки.

— Ты ранена?

— Нет, со мной все в порядке.

Папа повернулся к дежурному полицейскому:

— Что произошло? Почему моя дочь в наручниках?

— Могло произойти все что угодно, — ответил мужчина, закончив раскладывать документы.

— В смысле?

— В прямом.

Полицейский помахал перед папой моей карточкой. Словно это объясняло, почему я в наручниках. Словно это было очевидное доказательство того, что я опасна.

Папа начинал нервничать.

— О чем вы говорите? Она всего лишь девочка, вы не...

Полицейский презрительно посмотрел на него:

— А между тем она напала на четырех молодых людей. Их отправили в больницу на обследование до утра, и вид у них неважный. Так что вам лучше успокоиться.

— Луиза? — спросила Патрисия. — Что случилось? У меня на глаза навернулись слезы.

— Это неправда, папа. Их было трое. Они оскорбляли Тома. Они его били. Мы просто хотели, чтобы нас оставили в покое. Мы не делали ничего плохого.

— Подожди, — сказал папа. — Лу, я ничего не понимаю. Кто такой Том? Кто кого бил?

Мне было сложно думать. Я уже почти не помнила, что я сделала. Я помнила свою злобу и ярость. А потом все исчезало в багровом тумане. И я снова оказывалась на детской площадке, окруженная тремя полицейскими с оружием в руках. Они что-то кричали мне, но я почти ничего не понимала.

— Успокойся сейчас же!

— Не утруждайся, она не понимает.

Вдалеке кто-то кричал, что нужно стрелять, что меня нужно убить на месте. Была слышна сирена приближающейся скорой. Я ничего не понимала.

Я посмотрела вниз и увидела, что на земле лежит Том с окровавленным лицом.

Я почувствовала его боль.

Я наклонилась к Тому, чтобы поднять его, чтобы помочь ему.

— Черт возьми, она его сожрет, вжарь-ка ей электрошокером! — крикнул один из полицейских. — Давай же!

По моей спине пробежал электрический разряд. Меня словно раскололо надвое молнией. А мои зубы так сильно ударились друг о друга, что я испугалась, как бы они не сломались. А потом полная темнота.

Я очнулась на этом самом стуле. В окружении мужчин в форме, которые разглядывали меня с отвращением. Я смотрела на них, не понимая, где нахожусь.

— Том. Том в порядке? — спросила я.

— Все четверо в больнице, — ответил мне один из мужчин, — надеюсь, ты собой гордишься.

— Я не хотела, это они...

— Посмотрите-ка. Теперь она будет строить из себя жертву. Все они одинаковые, аж тошнит.

— Будь моя воля, я бы ее хорошенько побрил, чтобы привести в чувство.

Полицейские рассмеялись.

— Савини прав, — произнес один из них. — Они опасны. Их нужно держать за решеткой.

Я закрыла глаза.

— Все будет хорошо, Лу, — прошептал мне папа. — Сейчас мы все выясним и поедем домой, не переживай.

Открылась дверь, и нас пригласили в кабинет к мужчине с суровым лицом.

Я рассказала обо всем, что произошло. О встрече с Томом. О Фреде и двух других парнях, одетых

в белое. Об оскорблениях. Об ударе в голову. Мужчина сделал несколько пометок. Мне казалось, что он меня почти не слушает.

— А потом? — спросил он меня. — Что произошло после удара в голову?

Мне пришлось признаться:

— Я... я не помню. Я была в ярости.

— И?

— Я не хотела причинить им вред. Но они сказали, что... что они кое-что со мной сделают.

— Кое-что? Что именно?

Папа попытался вмешаться, но мужчина жестом заставил его замолчать.

— Что они хотели с тобой сделать? — не отступал полицейский.

Он смотрел на меня с таким видом, будто сомневался, что мое тело может привлечь нормального парня.

— Они сказали, что... что они со мной поиграют.

— Допустим, они так сказали. Они тебя трогали?

— Нет.

— Так, значит, они с тобой «поиграли» только на словах?

— Нет, все было по-настоящему.

— Ну, это ты решила, что все было по-настоящему.

— Да.

— Тебе показалось, что они могут тебя обидеть?

Я кивнула.

— Но они ничего не сделали?

— Нет, но...

— Но эти парни ничего тебе не сделали, так? Только слова, больше никакой агрессии в твою сторону?

Я молчала. Я снова видела Фреда и тех двух парней, которые подходят ко мне, шутят о моем теле

и о том, что они могут со мной сделать. Это было невыносимо, а мужчина, сидевший напротив меня, мне не верил. Он думал, что я во всем виновата. Поэтому что я была Кошкой.

Полицейский вздохнул и повернулся к Патрисии:

— Ладно, пока мы дожидаемся результатов расследования и, вероятнее всего, жалоб от семей молодых людей, вам не мешало бы позаботиться о дочери. В городе недавно открылся центр, называется «Аврора». Там вам окажут необходимую помощь. Обратитесь туда.

Патрисия помялась, не решаясь сказать, что она не моя мать, но в конце концов кивнула и взяла брошюрку, которую ей протянул полицейский. Мне очень хотелось поскорее уйти оттуда и узнать, все ли хорошо у Тома.

Мужчина проводил нас до дверей полицейского участка. Полицейские, которые встретились нам на пути, смотрели на меня так, словно я кровожадный убийца.

— Поезжайте в этот центр, — повторил мужчина, прежде чем нас отпустить. — Поезжайте прямо сейчас.

Мы едва успели выйти на улицу, как мужчина догнал нас. Он что-то протянул папе:

— Вот, вы забыли.

Это была моя карточка. Она была измазана кровью.

— Нацепите ей на одежду. Иначе вы нарушаете закон.

Папа поблагодарил, но мужчина не двигался с места. Он ждал, скрестив руки на груди.

Папе пришлось прикреплять карточку к моей нагрудке прямо там, на глазах у полицейского с суровым

лицом, на глазах у перепуганной Патрисии, на глазах у прохожих, которые шли по домам тем холодным ноябрьским вечером. Кто-то смотрел на нас с презрением, кто-то опускал глаза, чтобы ничего не видеть.

Я со слезами на глазах ждала, пока папа нацепит на меня карточку. У папы в уголках глаз тоже стояли слезы. Когда все было готово, мужчина кивнул:

— Я позвонил в «Аврору». Вас там ждут. Прямо сейчас.

Центр располагался на неприметной улочке.

На его существование указывала только вывеска над зашторенными витринами: «Аврора: центр оказания помощи».

По дороге сюда папа с Патрисией немного поспорили. Патрисия говорила, что обращение в центр могло пойти мне на пользу, а папа считал, что сейчас не самый подходящий момент и мне сперва нужно отдохнуть.

Патрисия покусывала губы:

— Но ты ведь слышал, что сказал полицейский. У нас нет выбора.

Патрисия была права. Чтобы их утихомирить, я сказала:

— Ладно, если полицейский хочет, чтобы мы туда поехали, мы поедем. Иначе у вас будут неприятности. А потом мы заберем Сати из садика и поедем домой.

В конце концов папа согласился.

Полицейский сказал, что парни всю ночь будут проходить обследование в больнице. Я думала только о Томе, мне хотелось поскорее покончить со всем

этим и сходить его проведать. Как это сделать, я не знала, но собиралась что-нибудь придумать.

Мы открыли входную дверь центра и сразу услышали очень спокойную музыку. От такой музыки моментально клонит в сон. Как только я вошла, на меня сразу же хлынула волна запахов. Запахи Кошек, которые пытались перебить запахом ладана. В углу помещения горело несколько ароматических палочек.

В центре не было стойки администратора. Был только книжный шкаф, занимавший часть стены, напротив шкафа — дверь, и несколько диванчиков вокруг журнального столика. На одном из них сидела светловолосая женщина; она улыбнулась нам.

— Добро пожаловать в «Аврору». Меня зовут Кэти. Садитесь, пожалуйста.

Кэти напоминала мне смесь психолога-стажера и продавца-консультанта, который всегда готов впарить вам новый тарифный план.

— А тебя как зовут? — спросила она меня, когда мы уселись на слишком жесткие диванчики.

Я сжала губы. Мне хотелось сказать ей, что я только что подралась, что парень, которого я люблю, в больнице и что, хоть она и делает вид, что ничего не замечает, мои руки все еще в крови.

Патрисия и папа подбадривающе кивнули мне.

— Меня зовут Луиза, — пробурчала я.

— Здравствуй, Луиза. Добро пожаловать в «Аврору». Это место специально для таких девушек, как ты.

Кэти мне сразу ужасно не понравилась.

Папа спросил:

— Для таких девушек, как она? Что вы имеете в виду?

— Ну, — сказала Кэти. — Для девушек, пораженных этой болезнью.

— Это не болезнь, — ответил папа. — Просто Луиза такая, вот и все.

Я обрадовалась, что папа так говорит. Я готова была его обнять.

— Да, конечно, — согласилась женщина. — Я хочу сказать: то, что происходит с Луизой, может создавать некоторые неудобства. Как и болезнь. Поэтому «Аврора» и пытается оказывать помощь. Чтобы сделать наше сосуществование более комфортным. Вы, наверное, не знаете, но такие центры, как этот, существуют сейчас повсюду. Мы делаем все возможное, чтобы вам помочь.

Теперь уже папа поджал губы.

А Патрисия молчала. Но я прекрасно видела, что она следит за мной глазами. Ее сбивала с толку моя внешность. Она, наверное, не ожидала, что дочь ее любовника окажется Кошкой.

— Здесь, Луиза, ты можешь чувствовать себя как дома, — снова заговорила Кэти притворно радостным голосом. — С момента открытия мы каждый день принимаем по несколько девушек. Здесь тебя всегда ждут. Ты можешь выговориться, и тебя выслушают. Можешь приходить сюда заниматься школьными делами, делать уроки. Или даже выпить чаю, почитать, отдохнуть. Здесь никто тебя не осудит и не станет ничего тебе запрещать.

Я взглянула на книги в шкафу за моей спиной. Знакомых я не увидела. Романы, которые, думаю, понравились бы Тому, и целая куча книг по саморазвитию с сомнительными названиями: «Прими свое тело», «Как найти друзей, если ты не такая, как все»,

«Приручи своего внутреннего зверя», «Обрети Свет», «Хромосома Т: как с этим жить».

Кэти показала рукой на мою карточку. Ее лицо немного скривилось, когда она заметила, что карточка забрызгана кровью.

— Единственное правило, Луиза, заключается в том, что ты должна иметь при себе карточку, а мы будем записывать каждый твой визит. Конечно, как я уже сказала, здесь все очень доброжелательные. Так что мы рассчитываем, что ты будешь относиться к этому месту с уважением. Никакой жестокости, никаких оскорблений, никакой пропаганды.

Я что-то проворчала в ответ.

— Ну и приходи сюда, пожалуйста, в чистой, приличной одежде, — добавила Кэти и встала. — Пойдемте, я покажу вам, как здесь все устроено.

Она толкнула дверь, и мы увидели меблированную комнату, похожую на школьный класс, только без окон. Это еще хуже, чем кабинеты у нас в школе.

— Это учебная комната.

Там сидели две девушки в белом. Две Кошки, склонившиеся над учебниками и тетрадями. Одной из них была Анжель, первая Кошка, которую я увидела в школе, когда она снова открылась.

Когда мы вошли, девушки с любопытством посмотрели на нас.

Я помахала Анжель, но она не ответила мне.

— Ну что, юные леди, вы прилежно учитесь? — весело спросила Кэти.

Девушки молча кивнули.

— Вам здесь нравится, правда?

Девушки ответили хором:

— Да, мадам.

И я чувствовала все одиночество и тоску, исходившие от них.

— Прекрасно, замечательно, — обрадовалась Кэти. — Ладно, девушки, не будем вас отвлекать. Продолжайте заниматься.

Они снова уткнулись в учебники, и Кэти с фальшивой добродушной улыбкой на лице закрыла дверь.

Она наклонилась к папе:

— Совместно с министерством образования мы разработали программу дистанционного обучения. Вы знаете, что этим девушкам непросто посещать обычные уроки. Здесь они могут спокойно продолжать учебу. Ими занимаются учителя, которые сейчас на пенсии. Я уверена, что Луизе здесь с нами будет хорошо.

Папа потерял свою лысину.

— Хорошо, думаю, мы узнали все, что нужно, нам пора.

— Подождите, подождите, — сказала Кэти.

Она порылась в одном из ящиков книжного шкафа и вернулась с брошюрками и куском белой ткани в пластиковой упаковке.

— Луиза, это буклет о дистанционном обучении. А это одеяние. — Она протянула мне пластиковый пакет. — Эта вещь очень хорошо сшита. Я уверена, что тебе понравится. К тому же она из органического хлопка.

Это было одеяние, которое полностью скрывало тело и лицо.

Я поняла, что эти облачения раздавали и в других подобных центрах для Кошек. И что эти центры, вероятнее всего, финансировало правительство. Все это — одеяния, дистанционное обучение — это

был просто очередной спектакль, разыгрываемый для того, чтобы заставить нас исчезнуть с улиц и из школ.

Когда Кэти протянула мне одеяние, я вспомнила, что мне сказал Том: «Ты Луиза. Это важнее, чем быть девушкой, Темной, Кошкой или кем-то еще. Ты Луиза, и ты особенная. Как и я».

Поэтому я посмотрела женщине прямо в глаза и сказала:

— Нет, я никогда не буду это носить.

Кэти улыбнулась мне, словно я раскапризничавшийся ребенок.

— Ну что ты...

Я не дала ей договорить:

— Я не животное. Меня зовут Луиза. И я такая, какая есть. И если я вам не нравлюсь, если я вас смущаю, если вам от меня противно, то вы можете напаять это на себя и спрятать вашу идиотскую улыбку!

У нее исказилось лицо.

Она повернулась к папе и Патрисии, словно умоляя их о помощи. Папа пожал плечами:

— Луиза у нас девушка с характером. Не думаю, что это место ей подходит. Да и нам тоже. И музыка у вас ни о чем.

По пути домой мы смеялись, несмотря на все, что произошло. Нам было ужасно весело оттого, что мы заткнули ту женщину. Я не уверена, что Патрисия разделяла нашу радость, но это неважно: мы с папой улыбались, а я уже давно не видела его таким.

В детском саду Сати бросился мне на шею. Воспитательница смотрела на меня с легким отвращением, но я решила не обращать на это внимания.

Оказавшись дома, я принялась щеткой оттирать кровь с ногтей и отстирывать пятна с накидки. Я вспоминала, какая злоба меня охватила, когда они ударили Тома и сказали, что позабавятся со мной, словно с плюшевой игрушкой. Пусть мне и пришлось потом иметь дело с полицией, но я за себя постояла. Я не дала себя в обиду. И я почувствовала, что горжусь собой. Да, горжусь, потому что дала отпор Фреду. Горжусь, потому что не опустила глаза и не устыдилась самой себя. Как и Том, который сказал, что он имеет право любить кого угодно.

Мы быстро поужинали.

У Патрисии было неоднозначное мнение насчет «Авроры». Она думала, что это может быть отличным решением для девушек. Папа отрезал сухим тоном: — Нет, Луиза туда ходить не будет.

После ужина я пошла с Сати в его комнату. Я уложила брата в кровать и прочитала ему три сказки. Я еще не закончила третью, когда заметила, что Сати заснул, уткнувшись носом в мою шерсть. Я посмотрела на его нежное личико и подумала, что нельзя забывать уроки детства, что это самая большая ошибка из всех возможных.

Знаете, взрослея, я загнала ребенка, который жил внутри меня, в самый дальний угол. Ему не было места в моей новой подростковой жизни. После аварии драконы, людоеды и призраки взяли над ним верх. Они преследовали меня день и ночь. Они изматывали мое тело и душу. Я ничего не могла сделать, чтобы побороть их. У меня не осталось надежды. Не осталось

смелости. Не осталось света. Ребенок внутри меня так и сидел без сил, ведь я слишком долго держала его взаперти. А правда была здесь, под веками Сати, который спокойно спал возле меня. И я обещала себе, что больше не буду опускать голову. Никогда. Что буду верить в себя, буду хранить надежду и всегда бороться, даже если в итоге проиграю.

Выйдя из комнаты Сати, я наткнулась на папу.

— Все, он спит, — сказала я.

Папа подошел ко мне и обнял.

— Я горжусь тобой, Лу, — прошептал он. — И уверен, что мама тоже гордилась бы.

Я прижалась к папе, мне было хорошо.

— Нам придется быть сильными. Мы уже проявили смелость. Но я боюсь, что трудности еще впереди.

— Не переживай, пап. Мы же не дадимся в зубы дракону, правда?

Он улыбнулся:

— Ты о чем, Луиза?

— Да так, читала Сати сказку. — Немного помолчав, я сказала: — Папа, я хочу кое-что у тебя попросить. Мне нужно в больницу.

— Что? Что случилось? Тебя шрамы беспокоят? У тебя что-то болит?

— Нет, дело не в этом. Я хорошо себя чувствую. Лучше, чем когда-либо... На самом деле я хочу поведать Тома.

Папа безуспешно попытался скрыть улыбку.

— Ах да. Том — тот парень, которого избили в парке? Я кивнула.

— Хорошо. Я могу отвезти тебя, если хочешь.

— Мне бы хотелось поехать одной. На велосипеде.

— Не знаю, Лу. В городе сейчас неспокойно.

— Я буду осторожна, пап.

— Думаешь, тебе хватит сил, чтобы доехать до-туда?

— Да, я же сказала, что хорошо себя чувствую.

— Ты уверена? Все-таки больница...

Он знал, что я поклялась: ноги моей больше не будет в больничных коридорах. Но теперь все было по-другому.

— Все в порядке, пап. Это как драконы. Больница меня больше не пугает.

Папа помялся несколько секунд. Я видела, что он разрывается между моими желаниями и своими страхами.

— Нет, Лу, — произнес он наконец, — я не уверен, что это хорошая идея. Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Ты же видела, что произошло в парке...

— Но, пап, ты же сам говорил, что наша страна все больше становится похожа на диктатуру? Так что же, мы теперь вообще ничего не будем делать, потому что кто-то так решил? Перестанем ходить в парк, в школу, будем сидеть сложа руки, ты этого хочешь?

Папа потер свою лысину.

— Лу, смотри, ты прекрасно знаешь, что...

Я схватила его за руки:

— Папа. Если мы запремся в четырех стенах, они победят.

Пока он обдумывал мои слова, я добавила:

— Ну и вы с Патрисией сможете побыть наедине.

Папа покраснел, сам того не желая. Мы с ним были очень похожи.

— Лу, ты еще хуже, чем мама.

— Я знаю, пап.

Я вывезла из гаража свой розовый велосипед. Я не пользовалась им уже несколько лет. Он был маловат для меня, но мне было плевать.

Папа обнял меня на прощание.

— Будь осторожна, Лу.

Я натянула на голову капюшон накидки. Нужно было поторопиться. Посетителей в больницу пускали только до девяти часов вечера.

В городе было пусто.

Я крутила педали так быстро, насколько могла. Чувствовала себя прекрасно. Стержни, шрамы, боли — все это было в прошлом. Я ощущала, как у меня в висках пульсирует кровь, а мои мышцы быстро откликались на сигналы мозга. Это было приятное ощущение, несмотря на холод.

В центре города мне навстречу попались две полицейские машины, и я каждый раз сворачивала в сторону, чтобы они меня не заметили. На улицах не было ни души. На темных фасадах тут и там мерцало голубоватое свечение телевизионных экранов. Все спрятались по домам и, скорее всего, смотрели очередную передачу про Мутацию, которая продолжала распространяться и которой было все равно, кто станет ее жертвой: богатый или бедный, верующий или атеист. У парка дежурила группа мужчин в белом с палками в руках. Я опустила голову и стала крутить педали еще быстрее. Они что-то кричали мне, но я не расслышала. И мне совсем не хотелось останавливаться и просить их повторить сказанное.

Я проехала мимо стадиона, на котором в этот час было безлюдно. За трибунами в темноте виднелись огни. Я остановилась. Это был настоящий лагерь с палатками, ковриками и натянутым брезентом. В воздухе витал запах нескольких Кошек. Их было, наверное, около десяти. У котелка, переделанного в жаровню, собрались три силуэта. Повсюду бродили коты, их глаза горели, словно желтые светлячки. Вдруг из темноты вынырнула Фатия:

— Ну что, Лу? Отец выставил тебя за дверь?

— Вовсе нет. Я просто проезжала мимо и хотела убедиться, все ли в порядке.

Фатия ухмыльнулась.

— У нас все прекрасно, лучше не бывает. Настоящий дворец, — сказала она, показав на самодельные палатки.

К нам подошли две девушки.

Я чувствовала смесь недоверия и любопытства.

Фатия представила нас друг другу:

— Жюли, Рыжая, а это Лу. Лу — идеалистка. Она еще верит, что люди — наши друзья.

Рыжеволосая девушка помахала мне рукой:

— Какая крутая у тебя накидка! Мне очень нравится!

— Спасибо.

Потом она протянула Фатии плакат, который держала в руках.

— Так пойдет?

Фатия посмотрела на плакат и протянула его мне.

— Что скажешь, Лу?

На фиолетовом фоне была изображена девушка с черной шерстью и хищнической улыбкой. Внизу листа был написан слоган: «Больше не жертвы!»

А в самом верху плаката большими буквами было выведено: «Кошки».

Фатия сказала:

— Рыжая чертовски хорошо рисует, а?

Я кивнула. Девушка обрадовалась.

— Что вы собираетесь с этим сделать?

— Мы кое-что готовим. Немного преобразим центр города. Нам кажется, там не хватает цвета. Цвета и шерсти. Правда, девчонки?

Обе Кошки расхохотались.

Фатия забрала у меня плакат.

— Если заскучаешь, приходи нам помочь.

— Давай с нами, сестра, — бросила мне Рыжая, — нам важен каждый. И мы будем рады девушкам в накидках!

— Не могу ничего обещать, я подумаю.

Фатия попрощалась со мной и вместе с двумя другими девушками пошла в сторону темного лагеря.

Я поспешила к Тому.

И вот передо мной возникла больница с приглушенным светом в окнах. Я очень хорошо знала это место. После аварии я провела здесь несколько долгих месяцев.

Я оставила велосипед у входа в реанимацию и направилась в приемный покой.

Дежурная медсестра очень вежливо со мной поздоровалась и сказала мне номер палаты Тома. Пока я еще не успела отойти, она как бы невзначай сказала:

— Будьте осторожны.

— Прошу прощения?

Она наклонилась ко мне:

— Я сказала: «Будьте осторожны». Знаете, не следовало вам выходить из дома в одиночку. Все будто

с ума посходили. Каждый вечер к нам в тяжелом состоянии поступает по несколько таких девушек, как вы.

Я хотела спросить, что медсестра имеет в виду под «такими девушками», хотя прекрасно знала ответ, но она не дала мне вставить ни слова.

— Понимаете, у моей дочери то же самое, — сказала она, покусывая губы. — Мутация. И я очень за нее боюсь. Конечно, она не такая, как все, но я все-таки ее мать, и я ее люблю. О боже, все вокруг точно посходили с ума, это факт.

Казалось, еще немного, и она расплачется. Я проормотала еле слышное «спасибо» и пошла прочь.

Как только передо мной открылись двери лифта, я погрузилась в пучину тошнотворных запахов, которые были слишком хорошо мне знакомы. Дезинфицирующее средство, полуфабрикаты, страдание, болезнь — все это помноженное на десять благодаря моим обостренным чувствам. На меня навалились воспоминания об аварии. Смятое железо, мигалки, пожарные, новость о маминой смерти, операции, стержни, реабилитация. Я почувствовала, что ноги перестали меня слушаться. Наверное, я переоценила свои возможности, когда сказала папе, что все будет хорошо. Я прислонилась к стене и начала глубоко дышать, чтобы успокоиться.

— С вами все хорошо? — раздался чей-то высокий голос за моей спиной.

Я обернулась. Позади меня стояла светловолосая женщина в бесформенных розовых спортивных штанах и в слишком больших кроссовках. От нее пахло спиртным и сигаретами.

Когда женщина увидела мою шерсть, ее глаза округлились, и она прикрыла рот рукой.

— Все в порядке, спасибо.

Я пошла дальше и уже была у палаты Тома, когда она окликнула меня:

— Подожди, я хочу с тобой поговорить.

Я остановилась.

— Ты... ты Луиза, подруга Тома?

Я кивнула.

— Он рассказывал мне о тебе.

— Вы его мама?

Женщина закивала, у нее были влажные глаза, словно у старой собаки.

— С ним все хорошо?

— Врачи говорят, у него сломан нос и раздроблены ребра. Он останется здесь на несколько дней для обследований.

— Мне очень жаль.

— Это мало что меняет.

— Я знаю, но мне правда очень жаль.

Женщина прикусила губу.

— Он рассказывал мне о тебе, Луиза. Но так странно тебя увидеть.

Что я могла на это ответить? Она выпила лишнего, и я, глядя на ее засаленную одежду, жалела ее.

— Том всегда был особенным, — добавила она, будто в извинение за то, что сказала до этого.

— Я знаю.

— А. Так, значит, он тебе рассказал?

— Про то, что ему нравятся парни? Да, рассказал.

Женщина вытащила из кармана носовой платок и высморкалась.

Я боялась, что она станет критиковать Тома, но я ошибалась.

— Меня это совершенно не смущает. Он может делать все, что хочет. Если он от этого счастлив. Знаешь, ему с его отцом пришлось нелегко. Тот никак не мог принять, что Том вот такой, поэтому этот никчемный человек и ушел.

Том мне об этом никогда не рассказывал.

— Ваш муж бросил вас из-за Тома?

Женщина пожала плечами:

— Да, не могу сказать, что я обрадовалась этому, но я и не расстроилась. Он постоянно бил Тома. Решать проблемы кулаками у него получалось лучше, чем словами. Ладно еще я, но когда он бил моего малыша, это было невыносимо. А если он открывал рот, оттуда не вылетало ни одного доброго слова. Он говорил, что Том ведет себя недостаточно по-мужски. И напрасно мальчишка занимался механикой, его отцу все было мало. Том боялся приглашать к себе друзей, потому что это всегда заканчивалось плохо. Мой муж над ними насмеялся. А родители мальчиков больше не приводили к нам своих детей. И все книги, которые читал Том, выводили моего мужа из себя. Парню было стыдно. Он читал тайком, прячась под кроватью. Мой муж говорил, что чтение — девчачье занятие.

Она замолчала и снова высморкалась.

— Так вот, я все это рассказываю, чтобы ты знала: мне плевать, что ты вот такая. Если вы с Томом дружите, то хорошо.

Я опустила глаза. Женщина похлопала меня по плечу:

— Иди, крошка. Скоро время посещения закончится. Надо тебе прямо сейчас пойти провести Тома. А я пойду разберусь с родителями этих трех идиотов,

которые вас побили. Они, кажется, этажом ниже. Дождутся они у меня.

Я осталась на месте, мои руки повисли вдоль тела.

Когда женщина подошла к лифту, она обернулась:

— И кстати, я надеюсь, что ты хорошенько врезала всем троим. Разговаривать с такими парнями бесполезно. Они хуже животных. Все, чего они заслуживают, — попасть в больницу, потому что их поколотила девчонка!

В палате царил полумрак. Том лежал на кровати, у него было забинтовано лицо. Когда я вошла, он повернул ко мне голову.

— Луиза?

Он, казалось, был удивлен.

— А ты кого ждал? Вампира, который предложит тебе вечную жизнь?

Он расхохотался, но смех быстро превратился в стоны.

— Не смейся меня, мне очень больно!

— Прости, Том. Я буду серьезной, обещаю.

— И перестань постоянно извиняться, это утомляет.

Я села на край кровати. И посмотрела в его голубые глаза и на его красивую улыбку, которые были видны из-под бинтов. Мне было очень его жаль, но я решила этого не говорить. Я взяла Тома за руку.

— Я встретила твою маму.

— А.

— Кажется, у нее все хорошо.

— Да, так и есть.

— Она рассказала мне про твоего отца. Почему ты мне никогда не рассказывал, как он с тобой общался?

Том закрыл глаза.

— Не знаю. Мне стыдно. Стыдно за него. Стыдно за себя. Когда я думаю об отце, у меня такое чувство, что мне снова десять лет.

— И тебе это не нравится?

— Нет. Когда мне было десять, я не мог за себя постоять. Я мог только опустить голову.

Он приподнял рукав своей больничной пижамы. У него по коже бегали мурашки.

— Видишь, когда я говорю о нем, меня сразу начинает знобить.

Я погладила его руку. У него была нежная теплая кожа.

— Но тебе уже давно не десять, Том.

— Я знаю. Но внутри мне до сих пор десять, и мне до сих пор страшно.

— Тебе больше нечего бояться.

— Думаешь? Вспомни, что сегодня произошло в парке.

— Я тебя защитила.

Том засмеялся и снова застонал.

— А ты все продолжаешь меня веселить!

Я замотала головой:

— Но я вообще-то серьезно! Посмотрел бы ты на их лица, когда я на них набросилась!

— Правда?

— Поверь, с тех пор как началась Мутация, я могу быть очень агрессивной.

— Так, значит, я должен тебя поблагодарить?

— Думаю, да, я в итоге оказалась в полиции.

— Правда?

Я осторожно, чтобы не сделать Тому больно, легла рядом с ним и рассказала обо всем, что произошло. Про допрос, про «Аврору», про Кэти, про то, как мы ехали домой.

Несколько минут мы лежали, молча разглядывая обшарпанный потолок, а потом я спросила:

— Ты мне не рассказывал, что тебе нравятся парни, потому что тебе было стыдно?

— Нет. Я боялся, что ты не поймешь. И что ты больше не захочешь меня видеть.

— С чего бы это мне так поступать?

— Я не знаю. Я чувствовал, что... что я тебе нравлюсь, и не хотел тебя разочаровывать.

Я усмехнулась:

— Ах, Том, сердцеед!

Он продолжал очень серьезным тоном:

— А потом, не знаю, со временем я стал что-то испытывать к тебе. Но я себя убеждал, что у меня нет шансов с такой девушкой, как ты.

На секунду я потеряла дар речи, а потом расхохоталась:

— С такой девушкой, как я?! С телом, раскрошенным в пыль, с кожей в шрамах и в вампирской накидке?!

— Да, с твоим телом, с твоими стержнями, с твоими шрамами и со всеми твоими комплексами.

Я ничего не ответила.

— Откуда у тебя эта накидка? Почему ты ее все время носишь?

Мне потребовалось время, чтобы ответить:

— Она мамина.

— Ох.

Немного помолчав, я сказала:

— Том, у меня есть вопрос: тогда на кладбище ты меня поцеловал...

— Да? И что?

— Почему?

— Почему?! Потому что мне захотелось!

— Не из жалости?

— Нет! — Он добавил: — Ты красивая, Луиза. Очень красивая.

Я почувствовала, как по телу разливается приятное тепло.

— Но... но все-таки тебе нравятся парни.

— Луиза, я никогда не принимал решения любить парней. Думаешь, любовь — это рубильник, на который можно нажать? Мой отец так считал. Это... это бред!

Я почувствовала себя глупо и промолчала.

— Я и сам не понял, что происходит. Я тебя поцеловал, потому что мне захотелось. Вот и все. И я надеюсь, что тебе тоже этого хотелось.

Том с трудом повернул голову ко мне.

— Да, — сказала я очень тихо. — Мне этого хотелось.

— И на качелях тоже?

— Да. И если я не вызываю у тебя отвращения... мне бы очень хотелось повторить это здесь.

Том ничего не ответил, но его голубые глаза сказали все за него. Мы с ним хотели одного и того же.

Я прижалась к Тому и прикоснулась своими губами к его губам. В этот раз я его целовала, и это было прекрасно, настолько прекрасно, что наши руки потерялись на телах друг друга и мне не хватало воздуха. Руки Тома скользнули мне под свитер, и я против своей воли отпрянула от него. Том растерялся:

— Лу, прости. Я не хотел...

Я сделала глубокий вдох.

— Том, дело не в тебе. Я... я тоже должна тебе кое-что рассказать.

— О чем?

Я не решалась заговорить, но Том сжал мою руку, и это придало мне смелости, чтобы не сбежать от него, не выскочить из кровати, не удрать из больницы.

— Ты можешь мне все рассказать, Луиза.

— Обещаешь выслушать меня? Молча?

— Обещаю.

Я повернулась к нему и, почти касаясь губами его забинтованного уха, рассказала то, о чем никогда не рассказывала.

Дело было летним вечером два года назад.

Сара решила устроить вечеринку в честь окончания учебного года.

Там были Морган, Фатия и еще куча девушек и парней из школы. Мы танцевали, смеялись и слишком много пили. В разгар вечеринки на кухне я наткнулась на Фреда, брата Сары, который только что вернулся из бара. Он тоже был навеселе.

Фред всегда мне нравился. Он любил развлекаться, вел себя расслабленно и был бунтарем. Он хвастался тем, что провалил собеседование на бумажной фабрике.

— Я бы никогда не стал работать на этой каторге. Я не раб. Я рожден не для того, чтобы вкалывать на заводе, я свободолюбив, как волк!

Когда мы с Сарой смотрели ужастики, Фред иногда садился на диван рядом с нами. Мне нравилось чувствовать, что он совсем близко. Нравилось видеть

его мышцы и вдыхать настоящий мужской аромат — смесь запахов кожаной куртки и табака. Фред всегда был очень приветлив со мной. Он иногда заигрывал, подтрунивая над моей одеждой или макияжем. Этим все и ограничивалось, но я была довольна.

Тогда на вечеринке он предложил мне выпить по пиву, и мы устроились в шезлонгах на плешивой лужайке в саду. Басы орущей музыки были слышны, наверное, всему району.

Когда я спросила Фреда, где их с Сарой родители, он ответил, что они на все выходные уехали к друзьям.

— Весь дом в нашем распоряжении, свобода!

Мне казалось, это так круто, что родители им доверяют. Я сказала Фреду, что у меня очень строгие родители. На самом же деле в тот момент они вот-вот могли разойтись, и я это знала. Им уже ничего не могло помочь. Мама была завалена работой. У папы дела обстояли не лучше. С тех пор как он узнал, что бумажная фабрика закрывается, он проводил все свое время на профсоюзных собраниях. Папа приходил домой поздно, мама просыпалась очень рано. Встречались они только по ночам в кровати. Их любовь трещала по швам. Мне это казалось почти нормальным. Любой мой разговор с мамой заканчивался ссорой. Она обвиняла папу в том, что тот мало занимается Сати и домом. Со мной она обращалась как с маленькой девочкой. Все мне запрещала. Считала, что я ношу слишком короткие юбки и кофты со слишком глубоким вырезом. Работа, дом, папа, мы — все ее утомляло.

Обо всем этом я, растянувшись в шезлонге, рассказала Фреду.

— Однажды я услышала, как мама сказала, что жалеет, что у нее есть дети.

Фред пожал плечами:

— Ну да, с женщинами в этом возрасте такое случается. Поэтому надо брать от жизни все, пока ты молода. Молода и красива, как ты.

Произнося эти слова, он дотронулся до моей щеки. И у меня перед глазами и в животе запорхали бабочки. Мы пили еще и еще. Фред протянул мне сигарету. Я не курила, но не сказала ему этого. Наверное, это была травка или что-то в этом роде, потому что в какой-то момент мне стало плохо, очень плохо. Я сказала Фреду, что мне надо полежать. Мы вернулись в дом. В гостиной Сара обнималась с каким-то парнем из школы. Музыка играла так громко, что у меня подпрыгивал желудок. Мне казалось, что меня вырвет. Фред, кажется, помог мне подняться по лестнице. Не помню, как я добралась до комнаты. Когда я открыла глаза, я поняла, что лежу на кровати; мне было холодно, меня трясло. Я почувствовала чьи-то руки у себя на животе. Руки Фреда. Я попробовала высвободиться. Но он все шептал мне на ухо: «Ш-ш-ш, все будет хорошо». Я попыталась его ударить. Он так сильно схватил меня за запястья, что я взвыла. Он больше не улыбался. И я поняла, что я в ловушке.

Сара так и не узнала, что произошло той ночью в спальне ее родителей.

Поэтому я не смогла сдержать злобу в парке.

Поэтому я была готова убить Фреда.

Том сдержал свое обещание. Он не произнес ни слова. Он только погладил меня по щеке.

— Потом... я ушла. Подальше от той комнаты, подальше от того дома, подальше от того района. Я шла через поля в полной темноте. Наверное, не один час. У меня не переставая звонил мобильник. Сара, мама,

папа. Я шла. Я засыпала. Меня рвало. Я чувствовала себя грязной. Очень грязной. Перед рассветом я наконец ответила на звонок. Это была мама. Она была вне себя. Она хотела знать, где я. Я сказала ей, что сама не знаю. Впереди я видела огни бумажной фабрики. Рядом проходила дорога. Дорога, которая спускалась в долину. И маленький мостик. Больше ничего. Мама ответила: «Я сейчас приеду». Чтобы как-то скрасить ожидание, я уткнулась в телефон. Тогда-то я и увидела фотографию, которую выложили во время вечеринки. Фотографию, сделанную на мой телефон. Украденную фотографию. Мы с Фредом лежим на кровати. По мне было видно, что я не в себе. Я смеялась с глупым видом. А Фред улыбался во все тридцать два зуба, поглаживая мне живот. И все мои подружки оставили в комментариях под этой фотографией сердечки и смайлики с розовыми щечками. От этого зрелища меня снова затошнило. Теперь, что бы я ни говорила, все будут думать, что я провела прекрасный вечер в объятиях Фреда. Одним быстрым ударом я разбила телефон о камень. Я ударяла снова и снова, пока от мобильного не остались одни крошки. Мама приехала полчаса спустя. Было еще темно. Я насквозь замерзла. У меня были жалкий вид, бледное лицо, рваная одежда. Мама сказал мне садиться в машину. Мне хотелось, чтобы она меня утешила так, словно мне шесть лет и я болею. Чтобы она ничего у меня не спрашивала. Чтобы она хоть как-то проявила нежность. Но нет, мама была рассержена. Мы начали ссориться прямо в машине. Атмосфера накалялась. Она крикнула, что я испорченный, слишком избалованный ребенок. Что, если я продолжу так себя вести, никто никогда меня не полюбит. Я ответила ей, что ненавижу ее. Что

больше не хочу ее видеть. Тяжелые, как камни, слова. И в этот момент кто-то выскочил на свет фар. Какой-то зверь. Не знаю, был ли это кабан, собака или кошка. Мама слишком резко повернула руль. Машина влетела в дерево. И я очнулась в этой больнице.

Я замолчала. Закрыла глаза. Я впервые рассказала о том, что со мной произошло. Рассказала на одном дыхании. Так же стремительно, как люди прыгают с обрыва. Том молчал, и я прижалась к нему; мне было так хорошо теперь, когда я выговорила.

Мы очень нежно поцеловались. И еще раз.

То, что казалось невозможным, случилось само собой. Как будто эти жесты, ласки, поцелуи, вздохи всегда были частью моего тела.

Я растегнула черную накидку. Она упала на пол, словно тень. Я одну за другой снимала с себя вещи. Я стянула с Тома белую пижамную кофту.

Я легла на него очень осторожно, чтобы ему не было больно.

И мы занялись любовью.

Там, в больничной палате, я впервые в жизни занималась любовью.

Мне было непросто открыть Тому эту тайну. Мне и сейчас нелегко об этом говорить. Мне до сих пор больно. Думаю, такие шрамы не затягиваются.

Поэтому я так старательно оттягивала момент, когда расскажу об этом.

И все, что я совершила потом, я сделала потому, что пережила все это. Потому что я была истерзана. Потому что я собрала себя по крупицам. И решила быть собой. Просто быть собой.

Но в нашем мире быть собой — это уже много.

Быть собой — это акт неповиновения.

Вероятно, главный из возможных.

Тогда я как раз начала много времени проводить с Фатией, Рыжей и другими девушками, жившими за стадионом. Как только заканчивались уроки, я летела в больницу проведать Тома. Нельзя сказать, что его состояние заметно улучшалось. Врачи подозревали у него какую-то инфекцию, поэтому решили подольше подержать его в больнице.

Когда я первый раз вернулась к стадиону после драки в парке, я принесла с собой пачку бумаги, которую стащила из школы, и немного еды.

Фатия улыбнулась, и на этот раз в ее улыбке не было и тени иронии. Это было совершенно искренне.

— Я рада, что ты пришла, Лу. Пойдем, я тебе все покажу.

Она провела меня по всему лагерю.

Под главным тентом, сделанным из двух кусков брезента, была обустроена общая комната. Фанерный стол, стоявший в центре, был заставлен горелками, железными мисками, кастрюлями, консервными банками и пачками риса. В одном из углов навеса две девушки играли в шахматы. Из радио доносилась какая-то рэп-композиция. Отчасти было даже душевно.

— Вот так мы и живем! Это общее пространство. И у каждой девушки есть своя палатка.

— Сколько вас здесь?

— Чуть больше десяти.

Фатия объяснила, что девушки живут в лагере, потому что от них отвернулись их семьи. Они в конце концов ушли из дома, потому что не могли больше терпеть осуждающих взглядов родителей. Мне с папой и Сати очень повезло.

— Но ни одна из девушек не жалеет о том, что ушла, — сказала мне Фатия. — Как я тебе уже говорила, между ними и нами все кончено.

Когда я спросила, кто такие «они», Фатия рассмеялась:

— Люди!

Я сказала ей, что она преувеличивает. Что, несмотря на все, мы остаемся людьми и что не все вокруг против нас.

— Ты права, — ответила Фатия. — Они не против нас. Но и не на нашей стороне.

— Ты ошибаешься. Возьми хотя бы моего папу, Сати. И Тома.

Фатия пожала плечами:

— Неужели ты думаешь, что Том захочет создать с тобой семью?

— Разве речь об этом, Фатия?! Я вообще о другом! Ты прекрасно знаешь, что...

— Ага. Ты сама все увидишь.

Я не стала спорить.

Фатия вместе с девушками смогла создать что-то по-настоящему стоящее. Что-то наподобие общины. Кошки называли друг друга сестрами, и я постепенно стала хорошо себя чувствовать в этой новой семье.

Поэтому я возвращалась туда снова и снова. Не говоря уже о том, что дома все шло не так уж гладко.

Бумажная фабрика окончательно закрылась, станки отправили за границу, а папа, как и все остальные, сидел без работы.

В один из дней перед фабрикой устроили мероприятие, на которое все бывшие работники пришли в черном. Что-то вроде похорон. Папа чуть не плакал, когда рассказывал мне об этом. Этот завод много значил для жителей нашего города. Можно сказать, он был легкими нашего города. Да, странными легкими — достаточно было увидеть желтый дым, который постоянно поднимался из труб, почувствовать запах, осознать, насколько фабрика загрязняет все вокруг, — и все-таки это были легкие города. На бумажной фабрике работало не одно поколение семей. И ее закрытие значило, что работу надо искать где-то в другом месте. Думаю, это событие сильно повлияло на то, что произошло потом. Люди были в отчаянии, внутри у них все кипело от гнева, от ощущения того, что их бросили, а мы, Кошки, приняли весь удар на себя.

В школе дела обстояли не лучше. После истории в парке Сара старательно меня избегала, а если мы все же встречались, смотрела на меня с ненавистью. Фред, да и два других парня не подали на меня жалобы в полицию. Думаю, здесь не обошлось без папиного участия. Он знал всех, кто работает на бумажной фабрике, и, наверное, поговорил с ними, чтобы все уладить.

Этим все могло и кончиться, но Морган и ее шайка из Лиги называли меня врагом номер один. Морган сняла видео, в котором во всеуслышание обвиняла меня в покушении на убийство.

Как-то утром мы с папой обнаружили, что на нашей входной двери появилась надпись, выведенная красным.

«Здесь живет грязная кошка».

Наши соседи, маленькие старички, отвернулись, когда папа спросил, не знают ли они, кто это сделал. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Это вывело папу из себя.

— Я позвоню в полицию, это ужасно.

Я положила руку ему на плечо.

— Папа, ты же знаешь, что это ничего не даст. Я сотру надпись.

Но папа ничего не хотел слышать.

Он позвонил в полицию. Когда он сказал, почему он звонит и кто он, полицейский на другом конце провода ответил:

— Надо лучше следить за дочерью, месье. Тогда никто и не будет ничего писать на вашей двери.

— Да... да как вы смеете...

В полиции бросили трубку. Папа от бессилия потряс головой.

— Ты была права, Лу. Нам придется разбираться со всем самостоятельно.

— Я сотру надпись, пап, не переживай.

Папе нужно было идти в центр занятости. Он был в ужасно мятом костюме, который был ему маловат, и попытался спрятать лысину, разделив волосы пробором на две равные части.

— Как я тебе? — спросил он.

— Ты прекрасно выглядишь, если намерен получить должность страхового агента в депрессии, который готов прыгнуть с моста. А если нет, то тебе стоит надеть что-то другое.

Папа посмотрел на меня, суксившись:

— Откуда в вас столько иронии, мадемуазель?

Я пожала плечами:

— Это честность, мой дорогой месье. Незаменимое качество для журналиста.

— Ладно.

Папа пошел переодеться и вернулся в свитере, джинсах, кроссовках и с беспорядком на голове. Это его нормальный вид.

— Так лучше? На кого я похож?

Я улыбнулась:

— На моего папу. То, что нужно.

Я поцеловала его, пожелала ему удачи, и он отправился в центр занятости.

У меня оставалось еще немного времени, прежде чем я должна была вести Сати в детский сад, поэтому я взяла ведро, чистящее средство и щетку и попыталась стереть гадости с нашей двери.

У меня получилось только размазать краску. Через полчаса вся дверь была красная.

Перед садиком Сати стояли вооруженные полицейские. Они не позволили мне войти. При этом я видела, что какая-то женщина вошла в садик вместе с ребенком, поэтому я возмутилась:

— Я же сказала вам, что это мой младший брат!

Они ничего не хотели знать.

— Новые меры безопасности в связи повышенным риском нападения, — роботообразным голосом ответил мне один из полицейских.

Родители, которые проходили мимо нас, смотрели на меня со страхом.

Я окликнула их:

— Вы меня знаете, я Луиза, старшая сестра Сати!

Но у них были непроницаемые лица. И тогда я поняла, что происходит.

Слухи дошли и сюда: уже некоторое время поговаривали, что Кошки воруют детей. Последние исследования подтвердили, что мы бесплодны. Я даже представлять не хотела, какие эксперименты ставили ученые, чтобы это выяснить. Эти слухи были ничем не подтверждены, но сплетни сильнее правды, и те Кошки, которые слишком близко подходили к детям, предавались народному суду.

Когда вокруг начала собираться толпа, я поняла, что до беды недалеко. Мне пришлось попрощаться с Сати у входа. Он не понимал, что происходит.

— Пойдем, Луижа, пойдем! — говорил он и тянул меня за руку.

— Нет, Сати, дальше ты должен идти сам.

Мой брат заплакал.

— Сати, мне больше нельзя заходить в садик.

— Все в порядке, я о нем позабочусь, — сказала мне краснолицая воспитательница. — А тебе лучше уйти поскорее.

Я уже шла прочь, когда она бросила мне вслед:

— И впредь прячь лицо!

Я ничего ей не ответила. Это было бесполезно. Я оставила этой женщине плачущего Сати и пошла в школу. У меня разрывалось сердце, но я не могла поступить иначе. Я знала, что Сати придется нелегко. Его друзья смеялись над ним, потому что его сестра Темная.

Оказавшись в центре города, я увидела, что и на других дверях появились оскорбления: «Здесь живет скотина», «Здесь — драная кошка», «Здесь — дикая зверюга». Люди даже не попытались стереть эти надписи.

Все Кошки, которые попадались мне навстречу, были с ног до головы укутаны в одеяние. Я чуть ли не единственная, кто его не носил, и, как ни странно, мне почти стало стыдно оттого, что я не прячусь за белой тканью. Я чувствовала себя уязвимой, потому что все могли видеть мою шерсть. Потом я подумала о Томе, о его руках на моем теле, о его теле, которое мне так нравилось ласкать, и решила, что никто не заставит меня чувствовать себя виноватой.

Перед школой, как всегда, стояла толпа из местных журналистов и сторонников Лиги Света. Они размахивали плакатами, кричали и что-то скандировали всякий раз, когда к воротам подходила Кошка в белом облачении. Таких девушек было немного, большинство предпочли вместо школы ходить в «Аврору».

У входа на территорию школы стояли полицейские, которые обыскивали каждую Кошку.

Я подошла к воротам, и женщина-полицейский знаком приказала мне остановиться. Остальные направили на меня оружие.

Женщина взглянула на карточку, прикрепленную к моей черной накидке.

— Почему ты не в одеянии?

— Потому что я не хочу его носить.

— Ты обязана.

Я пожала плечами:

— Нет такого закона.

— Закон — это мы! — крикнула какая-то женщина в толпе. — Мы должны иметь возможность видеть вас издалека! Мы должны понимать, что это вы!

На меня направили камеры.

— Да, она права, — согласился мужчина, стоявший чуть поодаль. — И вообще, мы уже насмотрелись на ваши звериные морды!

— Прикройся, грязное животное!

Я обратилась к женщине из полиции, которая стояла напротив меня:

— Вы позволите им так себя вести?

— Я советую тебе носить одеяние. В городе их раздают бесплатно.

Это вывело меня из себя, и я очень громко сказала:

— Я не буду носить одеяние!

— Тогда проваливай! — раздался чей-то голос из толпы.

Это была Морган. Казалось, она в ярости.

Она ткнула в меня пальцем:

— Проваливай!

Люди в толпе начали выкрикивать вместе с ней:

— Проваливай! Убирайся! Вон!

Вокруг меня теснились приспешники Лиги. Полицейские молча стояли на месте. Я напрасно просила у них помощи: они делали вид, что не слышат. Меня толкали, дергали за руки, кто-то зарядил мне кулаком в висок. Я зарычала, обнажив клыки, и люди с ужасом на лицах отпрянули от меня.

Повисло молчание. Все стояли, почти не дыша.

Камеры запечатлели все происходящее. Сторонники Лиги снимали на телефоны. Все взгляды были направлены на меня.

И вот тогда у меня появилась мысль.

Внезапное озарение.

Ответ ненависти и страху.

Я бросила рюкзак на землю.

Затем сняла накидку. Футболку. Штаны. Ботинки. И наконец, нижнее белье.

Я разделась догола.

Полностью.

Потому что мне было нечего скрывать.

Это мое тело со всеми его несовершенствами и с шерстью, которая вызывала у них такое отвращение.

Я разделась в полной тишине.

Не думайте, что это было легко, нет. Меня трясло. Я чувствовала, что в любой момент все могло пойти не так. Стоило кому-то из толпы закричать, и все набросились бы на меня. Их ярость не утихла до конца, она просто спала у них внутри. Все были шокированы моим поведением и боялись двинуться с места.

Раздевшись, я подняла голову и сказала:

— Меня зовут Луиза. Мне шестнадцать лет. Мой папа работал на бумажной фабрике, его недавно уволили. Моего младшего брата зовут Сати. Ему четыре года. Моя мама была сиделкой, она погибла в автомобильной аварии два года назад. Во время аварии я была в машине вместе с ней, мы ссорились. Я была зла. Очень зла. А мое сердце и тело были разбиты на мелкие кусочки, потому что незадолго до этого брат моей лучшей подруги напал на меня...

Я сделала глубокий вдох и произнесла это слово. Слово, которое я так долго держала внутри.

— ...Изнасиловал меня.

Я почувствовала огромное облегчение, когда сказала это.

Я продолжила свою речь, и вокруг было так тихо, что я слышала, как пульсирует кровь у меня в висках.

— После аварии я была развалиной. Раны, стержни, шрамы, стыд, глубочайшее чувство вины. Поэтому я сбежала в мир книг. Я много читала, и книги помогли мне выздороветь. Мало-помалу я восстановилась. Благодаря школе, книгам и любви, которую

проявляли ко мне брат и отец. И благодаря любви одного парня, который не считает меня ни жертвой, ни животным. Посмотрите на меня! Я Луиза! Мне нечего скрывать. У меня есть право на жизнь. Как и у миллионов других девушек. У нас есть право учиться, любить, жить и быть свободными!

Я произнесла это на одном дыхании и все время стояла с высоко поднятой головой.

Я собрала свою одежду, забросила рюкзак за спину и приблизилась к толпе.

Люди молча расступились, чтобы я могла пройти.

Старый Бурден открыл ворота.

Я прошла через школьный двор. На меня смотрели все ученики.

Ко мне присоединились три Кошки. Они тоже разделись. Я чувствовала, что они в ужасе, но к ужасу примешивалось что-то еще. Я не могла понять: страх это, злость или невыразимая радость оттого, что они побороли свой стыд.

Вот, теперь вы понимаете, какой я была и почему я так поступила.

Я ничего не планировала. Это просто случилось.

На нас накнулись директор, Бурден и охранники. Естественно, меня и трех других Кошек выгнали из школы.

Я оделась и тут же поспешила в лагерь за стадионом. Когда я рассказала, что натворила, девушки зарычали от радости.

Для Фатии и других Кошек это был героический поступок.

Я стала воительницей в их глазах. Я заслужила их доверие.

В тот день Фатия привела меня под навес поменьше. Там нас встретила Рыжая.

— Вот так встреча, привет, сестра!

Фатия рассказала ей, что произошло в школе. Рыжая хохотала до упаду.

— Раздеться догола, гениально, это отличная мысль!

Две девушки, стоя на коленях, корпели над плакатами, которые они рисовали потрепанными кисточками на кусках брезента. Фиолетовый. Черный. Полудевичий, полукошачий силуэт.

— Помнишь, я тебе говорила, что мы тут кое-что готовим? Так вот. Завтра вечером мы развесим плакаты по всему городу, — сказала мне Фатия. — Нужно, чтобы Кошки объединялись. Поодиночке мы ничего не добьемся. И уже точно ничего не получится, если мы будем ходить в эту «Аврору».

Кошек в школе и правда становилось все меньше. Большинство из них ходили учиться в центр, и по утрам я видела, как они шли туда, полностью закутанные в безупречно белое одеяние. Они напоминали процессию привидений. А некоторые Кошки перестали выходить из дома вовсе, боясь встретить фанатиков из Лиги. Нас не пускали во многие магазины. На дверях появились вывески, изображающие перечеркнутую Кошку. Я не могла зайти даже в булочную, куда обычно приводила Сати за полдником. «Вы что, не видели табличку?! Таким людям, как вы, сюда нельзя!» — едким тоном заметила мне возмущенная покупательница. Все это было незаконно, но никто не высказывался против, словно мы были людьми второго сорта.

— Но чего именно ты хочешь добиться?

Фатия пожала плечами:

— Чтобы мы объединились. Если Кошка одна, она в опасности. Мы через это проходили, когда были девушками, но сейчас все намного хуже. Поэтому мы и нарисовали плакаты, чтобы сказать другим Кошкам, что они не одни. А еще это предупреждение для людей.

— Предупреждение?

Фатия опустила на колени рядом с двумя девушками. Она взяла кисточку, намочила ее и опустила в баночку с краской. Она вывела буквы на куске брезента.

— Да. Видишь, я написала «сопротивление», и это значит, что мы не дадимся людям так просто. И что на каждый их удар мы будем отвечать ударом. Как ты ответила им в парке. Как ты ответила им в школе.

— Да, нас так просто не взять, — смеясь, согласилась Рыжая. — Мне плевать на ад и рай, говори правду или умирай!

Я подумала об Алексии и о девушках на видео, которых забросали камнями, о лагерях, в которых насильно держат Кошек, о полных ненависти речах Савини и приспешников Лиги, о Морган, о полицейских, которые унижали меня тогда в отделении, и, хоть я не была со всем согласна, я поняла, что Фатия права: нам нужно помогать друг другу.

Поэтому я под села к девушкам и взяла в руки кисточку.

Мы решили встретиться вечером следующего дня в центральном парке.

Выходило очень удачно, потому что мы были приглашены на ужин к Патрисии. Она жила в маленькой

квартире в центре города. Когда я прямо в прихожей сказала папе, что не пойду, он расстроился, но постарался этого не показывать.

— Если хочешь, я предупрежу Патрисию, что мы не придем, скажу, что Сати заболел, и мы останемся дома все вместе. Я приготовлю попкорн, послушаем музыку. Как ты на это смотришь, Лу?

Я попыталась успокоить его как могла:

— Дело не в Патриси, я просто хочу побыть одна.

— Ты уверена?

— Да, папа, все хорошо, не волнуйся. Поезжайте вдвоем. Патрисия будет рада повидать Сати. И он ее тоже обожает.

Папа нахмурился. Я явно зашла слишком далеко.

— Что ты задумала, Лу? Может, твоего друга Тома выписали из больницы и вы решили провести вечер вместе?

Я покраснела, но благодаря шерсти папа ничего не заметил. Когда он понял, что только что сказал, он сам покраснел так же густо, как и я.

— Ладно, хорошо, — пробормотал он наконец, — мы с Сати поедem, а ты оставайся дома.

Я чмокнула его в щеку:

— Спасибо, пап.

Когда они уехали, я села почитать. И чуть не опоздала на встречу, потому что время пролетело незаметно.

Оказавшись в парке, я увидела около десяти девушек в черном, которые прятали лица под капюшонами толстовок.

Фатия не смогла удержаться, чтобы не поворчать ради приличия.

— Ты опоздала. В следующий раз мы тебя ждать не будем.

Ко мне подошла Рыжая и довольно сильно хлопнула меня по спине.

— Я знала, что ты придешь, сестра!

Мы направились в сторону главной улицы.

Мы шагали плечом к плечу, и в этом было что-то пьянящее. Даже радостное. Десять Кошек, десять девушек, десять теней с горящими глазами. Мы шли, расправив плечи и стуча каблуками по асфальту. В темноте мы чувствовали себя как рыба в воде. Прохожие, попадавшие нам навстречу, переходили на другую сторону улицы, и, казалось, страх тоже перебегал на противоположный тротуар. Одна из Кошек несла ведро с клеем. У других в руках были кисти.

Нашей первой целью был центр «Аврора». Мы заклеили плакатами все его стены. Я ухмылялась, представляя себе лицо Кэти, которая была там за главную, когда она увидит все это завтра утром. Затем мы переключились на рекламные щиты. Мы нарядили в фиолетовое и черное полуголых женщин, которые служили приманкой для покупателей духов, автомобилей и встроенных кухонь. Все руки и шерсть у нас были в клее, но на лицах светились улыбки. Мы бежали по тротуарам, тыкая пальцем в следующие цели.

— Вон там на остановке реклама!

— Смотрите, витрина салона красоты!

— О да, да здравствует шерсть, долой эпиляцию!

— Фатия, а вот банкомат!

В ту ночь мы раскрасили город в черный и фиолетовый. Наш призыв был виден отовсюду. Слово «сопротивление» звенело, словно крик, обращенный ко всем девушкам, которые чувствовали себя пристыженными. В окна на нас смотрело несколько суровых лиц. Мы показывали клыки, и люди исчезали

в темноте. Собаки, взбудораженные нашими запахами, лаяли за закрытыми дверями, словно церберы.

Это было ужасно и прекрасно одновременно. Мы чувствовали себя свободными.

Но вскоре в темноте раздались звуки полицейской сирены.

В конце улицы засветились мигалки.

Мы побежали в обратном направлении, срезая путь по темным улочками и разбивая лампочки в фонарях, чтобы скрыться в беспроглядной ночи. Вой сирены остался позади. Мы были неподалеку от торгового района. Запыхавшиеся, но опьяненные успехом.

Девушки, улыбаясь, по несколько раз пересказывали друг другу свои подвиги.

Они предвкушали, как испугаются члены Лиги, когда, проснувшись, обнаружат плакаты.

Когда возбуждение немного улеглось, Фатия спросила:

— Чем теперь займемся?

Рыжая задумалась на несколько секунд и сказала:

— Может, пойдём потанцуем?

— Что?

— Ну, как вы смотрите на то, чтобы пойти в клуб? Девушки расхохотались.

— Да, пойдёмте в клуб!

Конечно, это был безрассудный и очень опрометчивый поступок, но мы разгорячились, нас опьянила свобода. Я даже не подумала о папе и Сати, которые в любой момент могли вернуться домой. Я вместе

со всеми встретила предложение Рыжей восторженным криком.

Мы прошли через пустыри и оказались возле клуба. Дело было в субботу, и на парковке было полно машин. Из клуба доносилась оглушающая музыка. У дверей стояло несколько компаний: молодежь разговаривала и курила. Самая обычная суббота. Вот только между машинами прятались мы. Мы были на чеку, словно попали сюда из другого мира. Все Кошки в нашей компании испытывали одинаковые ощущения. Мы боялись показаться людям. Наше внезапное желание пойти танцевать становилось все слабее.

— Пойдем? — нерешительно спросила одна из девушек.

— Пойдем, — ответила Рыжая. — Мы все это не просто так затеяли, правда? И плевать, что нас ждет! Пойдемте!

Она плюнула на пыльный асфальт.

Я согласилась:

— Да, она права! Пойдемте! Пусть освободят для нас танцпол!

Все остальные заразились моим энтузиазмом:

— Сегодня танцпол будет наш!

Мы вышли из тени и направились к толпе, стоявшей у входа. Молодые люди молча посторонились, чтобы дать нам пройти.

У двери нас пренебрежительно смерил взглядом чернокожий бритоголовый громила. Фатия, глядя ему прямо в глаза, взялась за ручку двери. Двери, на которой висела табличка: «Темным вход запрещен». Громила застыл на месте. Он так же пристально смотрел на Фатию, как и она на него. Это длилось несколько секунд. Наконец мужчина медленно скрестил руки

на груди и отвернулся к парковке, словно не заметил нас. Мне показалось, что я увидела улыбку в уголках его губ. Фатия толкнула дверь, и мы вошли.

От гремящих басов у меня тут же запрыгал желудок. В воздухе пахло алкоголем и потом. На меня хлынула лавина воспоминаний. Мы иногда приходили сюда с Сарой и Морган. Родители ничего об этом не знали. Я говорила им, что у нас с девочками пижамная вечеринка. Все очень чинно, с попкорном, ужасиками или романтическими комедиями. На самом же деле, как только родители Сары засыпали, мы переодевались в ее комнате, и Фред отвозил нас в клуб. Всю ночь мы танцевали, нас целовали парни, мы смеялись над всякой ерундой. Теперь это казалось мне таким далеким, словно я пережила все это в прошлой жизни.

— Эй, ты замечталась или что? — спросила меня Фатия.

Я вышла из оцепенения.

— Пойдем потанцуем, — сказала она и потянула меня к танцполу.

Заметив нас, танцующие отошли в сторону. Фатия и другие девушки стащили с себя толстовки с капюшонами. Я накидку снимать не стала, и мы начали танцевать, не глядя на людей, которые толпились вокруг нас.

Не знаю, приходилось ли вам видеть, как танцует Кошка, но это невероятное зрелище. Наверное, потому, что мы острее чувствуем музыку. В тот вечер мне казалось, что я не танцую, а превращаюсь в музыку, и все Кошки испытывали то же самое.

Наши тела кружились. Наши бедра колыхались, словно волны. Наши клыки блестели в свете лампочек. Мы были красивы, свободны и непобедимы.

Когда музыка чуть замедлилась, я увидела знакомое лицо. Темноволосый, довольно симпатичный мужчина. Больше тридцати ему не дашь. Несколько секунд я вспоминала, кто он, а потом поняла. Лемуан, молоденький работник министерства, который вместе с Ревером устраивал осмотр в школьном спортзале. Он говорил по телефону и неотрывно смотрел на нас. Было довольно неожиданно встретить его здесь. Я задумалась, не следил ли он за нами, начиная с центра города. Я испугалась, что он звонит в полицию. Нам нужно было поскорее уходить.

Я повернулась к Фатии, но ее на танцполе не оказалось. Она стояла у барной стойки, и, кажется, у нее что-то не ладилось с барменом.

Я бросилась к ней и чуть не сбила с ног проходившую мимо девушку. Я подняла глаза: это была Сара. Она несла два стакана, и у нее дрожал подбородок.

Несколько секунд мы стояли друг напротив друга. Во взгляде Сары было что-то странное. Я не сразу поняла, что именно.

— Вот это да, тебя пустили внутрь! — в конце концов пробурчала она.

Я подняла руки в знак примирения, но Сара была очень зла.

— Ты собираешь на кого-нибудь напасть сегодня? Моего брата тебе не хватило?

Я хотела объяснить ей, что произошло в парке, но она не давала мне вставить ни слова.

— Убирайся отсюда, Луиза. Я не хочу тебя больше видеть. Никто не хочет иметь с вами дело.

Она говорила холодным тоном, у нее блестели глаза. Блестели слишком ярко.словно два осколка стекла на дне реки. Как кошачьи глаза.

Вот тогда-то я все поняла.

— Ты тоже? — прошептала я.

Она покачала головой:

— Замолчи, не болтай глупостей.

Я положила руку ей на плечо. Она высвободилась, и один из стаканов разбился об пол.

В то же мгновение со стороны барной стойки раздался крик.

Музыка внезапно остановилась.

Бармен держался за окровавленную щеку. Фатия стояла, обнажив клыки.

— Ну что, теперь ты не будешь умничать, а?! Я ска- зала, что хочу выпить. И ты мне нальешь! Сейчас же!

Все стояли затаив дыхание. В толпе раздалось оскорбления:

— Грязные создания!

— Вечно с ними одна и та же история!

Я подошла к Фатии:

— Да ладно тебе, не бери в голову, пойдем от- сюда.

Она посмотрела на меня со злостью:

— Соппротивление. Помнишь? Это слово мы на- писали на плакатах. Оно начинается прямо сейчас. Я имею право выпить в этом дерьмовом клубе.

Я кое-как попыталась ее успокоить. В любой мо- мент все могло выйти из-под контроля.

— Фатия, есть вещи поважнее. Пойдем.

Бармен с искромсанной щекой дрожащей рукой поставил перед ней стакан.

Фатия выпила залпом и улыбнулась.

Она повернулась к толпе и спросила:

— Ну? Что такое? У вас все в порядке?

Все опустили глаза.

Рыжая посмотрела на меня и с виноватым видом пожала плечами.

И тут мы услышали полицейские сирены, доносившиеся с улицы.

Я крикнула:

— Копы, бежим!

Все Кошки кинулись к выходу.

В темноте светились мигалки двух машин, стоявших на парковке. Полицейские надевали бронежилеты.

Мы побежали к пустырям.

Они попытались нас догнать, но не смогли. Темнота не таила для нас никакой опасности.

Она была такой же ясной, как и свет.

Конечно, наши плакаты и поход в клуб стали причиной скандала.

Местные журналисты обеспокоенно писали о «радикально настроенных» Темных, а фанатики из Лиги убили не один час, срывая отовсюду наши плакаты.

Но на самом деле самый большой эффект произвело то, что я сделала в школе несколькими днями раньше.

— Так что же, начинается революция? — спросил меня Том, когда я пришла в больницу.

Он лежал в кровати. Его кожа, которая была видна из-под бинтов, покрылась синеватыми пятнами. Она была почти такого же цвета, как и его глаза.

Я села на край кровати и поцеловала Тома в губы.

— Ты о чем?

— Да по телику только тебя и показывают.

Он включил висевший на стене телевизор и переключил на новостной канал.

Там показывали сюжет, снятый у школы в тот день, когда я разделась. Камеры журналистов уловили каждое мое слово. Было странно слышать себя со стороны. Словно это я и в то же время кто-то другой. Казалось, что я сильная, уверенная в себе. Странно, как мне хватило смелости раздеться на глазах у всех. Это было не так тяжело, как рассказать, какой была моя жизнь до этого.

Ведущий программы комментировал кадры:

— Некоторые Темные последовали примеру девушки по имени Луиза. В социальных сетях, в разных городах Темные раздеваются в знак протеста.

На экране показывали Кошек, которые обнажались в магазинах одежды, в бассейне, в центрах наподобие «Авроры» и в мэрии. Всякий раз прохожие смотрели на девушек как замороженные, а полицейские очень быстро забирали их в отделение. На многих видео я заметила активистов Би, которые размахивали транспарантами «Я Луиза».

— Видишь, — сказал Том, — ты знаменита!

— Правительство принимает меры, — добавил ведущий. — Действия Темных представляют собой угрозу общественному порядку. Нарушительницам грозит...

Я взяла пульт и выключила телевизор.

Том погладил меня по щеке:

— Я горжусь тобой, Луиза.

Я ничего не ответила.

— И я тебя люблю.

— А я тебя.

Мы поцеловались, а потом я рассказала Тому о нашей недавней кампании по расклеиванию плакатов.

Его это явно впечатлило.

— Ты настоящая революционерка, Лу!

— Ну да, а потом мы пошли в клуб.

— Вот так и начинается революция!

— Слышал бы ты, какой нагоняй я получила от папы, когда вернулась домой посреди ночи.

На следующий день Тома должны были выписать. Я обещала, что познакомлю его с Кошками, живущими за стадионом.

На прощание мы слились в бесконечном поцелуе, и краски окружающего мира поблекли. Мы отпрянули друг от друга, услышав покашливание медсестры.

— Время посещений закончилось, — сказала она, нахмурившись.

Я уехала домой на розовом велосипеде. Мне казалось, что весь мир в моих руках. Меня все восхищало. Пронизывающий ночной холод. Огни бумажной фабрики. Хруст опавших листьев под колесами велосипеда.

Папа ждал меня, сидя на диване. Он только что уложил Сати.

Он тоже видел ролик, снятый у школы. Он крепко обнял меня.

— Я не знал, Лу. Мне очень жаль. Почему ты ничего не сказала?

За все эти годы я так и не решилась рассказать, что со мной произошло на вечеринке у Сары. Как и о ссоре с мамой.

— Потому что мне было страшно. Потому что мне было стыдно.

У папы в глазах стояли слезы. Я видела, что он ищет слова и не может их найти. Вот и я не могла подобрать слов, чтобы рассказать обо всем этом.

— Это был Фред, брат Сары? — спросил наконец папа.

Я молча кивнула.

— Завтра я пойду к его родителям. Я объясню им, что...

— Папа, его родители ни при чем. Ни они, ни Сара не знали.

Но папа меня не слушал. В его голосе звучала ярость, он сжимал кулаки.

— Мы пойдем в полицию. Утром мы первым же делом пойдем в эту чертову полицию, и принять нас будет в их интересах.

Я взяла его за руку:

— Пап.

— Не беспокойся, Лу. Мы напишем жалобу, и я клянусь, что...

— Папа!

Он заморгал глазами, как будто вдруг осознав, что я сижу рядом с ним.

— Что?

— Ты же знаешь, что мы не можем пойти в полицию. Я Кошка. Ты знаешь, что они скажут.

Папа закусил губу. Он знал, что я права. Полиция ничего не сделала, чтобы помочь Тому, она не стала разбираться, кто написал гадости на нашей двери, и в этом случае они тоже ничего не сделают.

— Я не понимаю... я не понимаю, как можно сделать... это. Каким чудовищем нужно быть, чтобы так поступить. Чтобы так поступить с тобой, моя маленькая.

Папа не смог сдержать слез, и они потекли по его щекам.

Мы прижались друг к другу. Нам больше ничего не оставалось. Прижаться друг к другу — лучший способ сказать, что мы друг друга понимаем. Что все, что было в прошлом, — это один большой дурдом. Что жизнь продолжается, несмотря ни на что. Что любовь никуда не делась.

Папа вытер слезы.

— То, что ты сделала в школе, — очень смелый поступок. Мама бы тобой гордилась.

— Спасибо, пап.

— Клянусь, она бы тобой очень гордилась. Я тоже горжусь моей взрослой дочерью.

У меня растаяло сердце.

— Пойдем, — сказал папа и потащил меня на кухню.

Он открыл банку персиков в сиропе, и мы принялись орудовать чайными ложками. Мы молчали довольно долго. Но это молчание не было неловким. Оно успокаивало.

— Звонили журналисты, — сказал папа с полным ртом. — Раз десять, начиная с того момента, как я пришел домой.

— Что ты им сказал?

— Я отправил их куда подальше. Они все из каких-то желтых газетенок. Им не очень-то интересна твоя история. Им нужна сенсация. Один из них даже предложил денег за интервью с тобой, представляешь? В какой-то момент я перестал брать трубку. Телефон просто звонил.

— А как Сати, в порядке?

— Да, но, думаю, в садике ему приходится нелегко. Его друзья знают, что ты Кошка. Они подсмеиваются

над ним. А он плохо понимает, что происходит. Ты его сестра. Точка.

Я с трудом проглотила кусок.

— Ты знаешь, что дети могут быть жестокими. Но Сати, по крайней мере, сегодня неплохо повеселился.

— Ты о чем?

— Телефон все звонил, и это раздражало твоего брата. Он каждый раз спрашивал, кто звонит и почему я не беру трубку. Я поднялся наверх переодеться, и вдруг телефон перестал звонить. И знаешь что? Сати стоял у телефона! Он снял трубку и рассказывал журналисту, как у него прошел день. Он во всех подробностях описывал, как они ходили в «базеин», как он «кувался» вместе с «воспитательницей» и про все остальное! Я пытался не смеяться, но, клянусь, это было непросто. Минут через десять на том конце повесили трубку. Когда телефон опять зазвонил, Сати спросил, может ли он ответить, и я разрешил ему и посоветовал не забыть рассказать про игры на прогулке.

Мы так громко рассмеялись, что чуть не подавились кусочками персика.

В этот момент в гостиной раздался ужасный грохот. Мы бросились туда.

Окно было разбито вдребезги.

На ковер только что приземлился кусок бетона. Серый брусок с острыми краями.

Через несколько секунд мы подошли к окну.

На улице стояло несколько мужчин в белом. Они направляли на наш дом фонарики. У некоторых из них были ружья. Они со смехом и звериными криками показывали на окно.

— Эй, ты спишь, обезьяна?
— Что, тепло тебе в твоём логове?
— Иди к нам, у нас есть бритвы. Мы тебе наведем красоту!

Папа сжал кулаки и пошел к двери. Я попыталась его задержать:

— Что ты будешь делать?

— Оставайся здесь.

— Нет, папа, пожалуйста, не ходи туда!

Он дотронулся до моей щеки:

— Все в порядке, Лу. Тебе нечего бояться. Поднимайся в комнату Сати.

Он открыл дверь и вышел, сунув руки в карманы.

Я осталась на пороге. Меня было не видно в тени.

Стоя на крыльце, я видела папину спину, гнусные лица всех этих мужчин и стальные стволы их ружей. Чуть вдалеке раздавались крики и выстрелы.

— Что вам нужно? — спросил папа очень спокойным тоном, словно кусок бетона только что разбил окно не в его гостиной.

Мужчины переглянулись.

Один из них проворчал:

— Она здесь?

— Вы о ком?

— Ты прекрасно знаешь, о ком мы, — прорычал мужчина. — Почему она не выходит?

— Моя дочь — подросток. В это время она спит, как и ее брат.

Мужчины ухмыльнулись:

— Твоя дочь, серьезно? Как ты можешь так ее называть? Ты видел, на что она похожа?

Папа закрывал меня своей спиной. Он держался очень прямо.

— Сейчас я вижу перед собой очень злых людей.
— Нам есть на что злиться, разве нет?
— Ты знаешь, что они опасны!
— Моя дочь боится вас больше, чем вы ее, — сказал папа.

— И правильно делает, — рассмеялся один из мужчин.

В темноте рыскали лучи фонариков.

— Вы мужчины, и вы ополчились против юных девушек. Не вижу в этом ничего героического. И уж тем более ничего забавного.

Мужчина, который смеялся, вскинул ружье и приблизился к папе.

— Ты же понимаешь, что здесь дела плохи? Фабрика закрылась, работы нет... и теперь повсюду шастают эти гадкие существа. Мы не можем делать вид, будто ничего не происходит!

Папа покачал головой:

— Скажи мне, какое это имеет отношение к моей дочери?

Мужчина повернулся к остальным, словно искал поддержку, словно хотел, чтобы они подсказали ему ответ. Но все молчали.

— Я тоже остался без работы, — сказал папа. — Моя дочь тут ни при чем. Идите по домам, пока не натворили глупостей.

Несколько секунд мужчины стояли в нерешительности. Казалось, некоторые из них готовы уйти, но тот, что стоял напротив папы, поморщился:

— Ну, хорош болтать. Дай нам пройти.

Папа не двинулся с места.

Мужчина наставил на него ружье.

— С дороги!

Я была готова наброситься на него, но папа сделал несколько шагов вперед и встал грудью к дулу ружья.

— Я вас знаю, — сказал он очень спокойным голосом. — Я всех вас здесь знаю.

И папа назвал их имена. Потом он добавил:

— Я работал вместе с вами на фабрике. Я знаю, что вы хорошие люди. И я знаю, что вы злитесь. Но есть одна вещь, которую я не позволю вам сделать. Никогда. Причинить вред моей дочери. Слышите? Если хотите до нее добраться, вам придется меня убить.

Мужчины опустили глаза.

— Ладно, пойдемте, — крикнул один из них. — Пойдемте отсюда.

— Ага, пойдем.

Кто-то хлопнул по плечу мужчину с ружьем:

— Оставь его, он скоро одумается.

Мужчина опустил ствол.

— Да, и тобой займется Савини.

Они скрылись в темноте, из которой доносились крики, выстрелы и звон разбитого стекла.

Папа вернулся в дом. Он закрыл дверь. И я увидела, что у него дрожат руки.

Я знаю, что многих тронуло то, что я сделала у школы, и что некоторые мои фразы превратились в лозунги. Потому что я была первой, кто решился открыто заговорить.

Сказать по правде, в тот момент я поняла, что я не одна. Мою историю проживали миллионы других девушек. Насилие, неприятие окружающих, стыд, одиночество: в моем рассказе девушки узнали себя.

Так и родилась мысль о Марше Кошек.

Благодаря социальным сетям все случилось очень быстро. По всем городам был послан призыв в следующую субботу выйти на улицы. Все Кошки стали готовиться. Идея была проста: сбросить с себя одежду и пройтись по улицам голыми, полностью голыми. Это был способ выступить против дискриминации и угнетения, которым нас подвергали, способ заявить о себе. Мы хотели показать миру, что Кошки вопреки всему не пустое место и что у нас есть права. Такие же права, как и у всех остальных.

Девушки, живущие за стадионом, были воодушевлены.

Когда я пришла к ним, Фатия сунула мне в руки плакат.

— Смотри!

На бумаге угадывались мой профиль и моя накидка. Наверху была надпись: «Я такая, какая есть. Я Луиза».

— Это очень мило, Фатия. Но мне кажется, ты не права.

— Да нет же, ты стала образцом для подражания.

— Я не хочу быть образцом. Нам образцы не нужны.

Прежде чем Фатия успела возразить, я скрылась в палатке, где девушки начали раскрашивать транспаранты. Я взяла кисточку, обмакнула ее в черную краску и замазала надпись «Я Луиза». Осталось только «Я такая, какая есть».

Я подняла глаза на Фатию:

— Так неплохо, но, думаю, можно сделать лучше.

Одним быстрым движением я закрасила слова «Я такая, какая есть» и обмакнула кисточку в фиолетовую краску.

Я написала: «Мы такие, какие есть!»

Я протянула Фатии плакат, с которого стекала краска.

— «Мы такие, какие есть» — это по-нашему.

Фатия с улыбкой посмотрела на меня:

— Ага, хорошо звучит: «Мы такие, какие есть».

Девушки, собравшиеся вокруг нас, закивали.

Одна из них сказала:

— Да, «Мы такие, какие есть» намного лучше.

Мы... мы Кошки!

Другая подхватила:

— И мы в ярости!

И тут поднялся настоящий вихрь криков и идей:

— Мы искры!

— Мы огонь!

— Мы буря!

— Мы влюблены!

— Мы принцессы!

— Принцессы с шерстью!

— Мы колдуньи!

— Злые!

— Станные!

— Могущественные!

— Пугающие!

— Необыкновенные!

— Мы окончательно чокнулись!

И все взорвались от смеха.

Когда мы немного успокоились, я сказала:

— Мы — будущее. И мы уже здесь.

Готовясь к Маршу, мы без устали рисовали транспаранты. Папа меня поддержал, и, раз уж из школы меня выгнали, а о том, чтобы посещать занятия в «Авроре», не могло быть и речи, я все время проводила за стадионом. Теперь там жили около

тридцати Кошек. Некоторые были из нашего города. Других привлекли плакаты или видео, снятое у школы. Они были из самых разных мест, все они были непохожи друг на друга и свободно говорили обо всем, не боясь запретов и осуждения. Лесбиянки, девушки, сбежавшие из дома, верующие, веганки, атеистки, обладательницы биполярного расстройства, беженки... Каждой нашлось место.

Беженки рассказали нам, как им удалось выбрать-ся из родной страны. Эти Кошки преодолели тысячи километров, их не испугали ни пустыня, ни море, им пришлось иметь дело с контрабандистами. А когда они добрались до нашей страны, им нужно было скрываться от полиции. Ужас. Но теперь, оказавшись с нами, они вновь обрели надежду.

Нас объединяли Мутация и то, как она перевернула наши убеждения.

Знаете, нас очень вдохновляли разговоры друг с другом, когда мы представляли, каким было бы общество, в котором есть место и для нас. Но постепенно мы разделились на две группы. Одни девушки считали, что окружающие в конце концов примут нас такими, какие мы есть. Другие были решительно настроены порвать все связи с миром людей. Мы вели ожесточенные споры.

— Не говоря уже о нас, посмотри, что люди творят с планетой, — сказала мне Рыжая. — Все загрязнено, животные вымирают, наши сестры чуть не утонули, пока бежали из своей страны, банки получают всё большую прибыль. Никогда в мире не было столько денег, но почему-то заводы закрываются, а людям приходится спать на улице. Ничего не напоминает?

Часть Кошек согласилась с Рыжей:

— Вот именно, она права!

Ее слова заставили меня вспомнить то, о чем говорил папа. Я попыталась возразить, но не могла не признать, что Рыжая отчасти права.

— Да, но есть и другая сторона медали. Человечество — это еще и наука, искусство... литература, живопись!

Рыжая поумерила свой пыл:

— Ладно, хорошо, есть и положительные моменты.

В разговор, язвительно улыбаясь, влезла Фатия:

— Эй, Лу, ты кое-что забыла. Есть же еще готовка, стирка, дети, красота, покорность — все, чего вечно требуют от женщин. Разве наша шерсть что-то меняет? Разве от нас не требовали всего этого раньше? Когда у нас волос было не больше, чем у них? Как же хорошо о нас позаботилось человечество, да?

— Да нет же, Фатия, ты все мешаешь в одну кучу. Это тут вообще ни при чем!

— Ах так? Ну давай, объясни.

Я сделала глубокий вдох и сказала:

— Весь этот груз на плечи женщин взвалило общество, наше общество. Потому что им очень долго управляли мужчины. Тут я с тобой полностью согласна. Но это не то же самое, что человечество. Человечество — это мы. Мы все. Мир такой, каким мы его делаем. И мы способны на многое.

Фатия согласилась.

— В кои-то веки ты права, — сказала она мне, подмигнув. — Теперь, когда мы сильнее их, мы покажем, кто мы!

Марш Кошек задумывался как мирное шествие, но я боялась, что начнутся беспорядки. Я знала, что Савини воспользуется малейшим предлогом, чтобы

еще яростнее нападать на нас в своих речах, и что правительство обязательно будет на него равняться.

— Нам нужно сохранять спокойствие. Мы можем быть решительными, не проявляя жестокости! Мы будем использовать наше собственное оружие, не опускаясь до их уровня!

Каждый наш спор заканчивался оглушительным гомоном.

Когда к нашей группе присоединился Том, возникли некоторые проблемы.

Мы едва успели слезть с его мопеда, как на меня набросилась Фатия:

— Что он здесь делает? Нам тут люди не нужны!

Я отвела ее в сторону и попыталась договориться.

— Да, Том — парень, но он на нашей стороне.

— Ну-ну, ты так говоришь, потому что влюблена в него.

— И что? «Мы такие, какие есть», помнишь, Фатия?

— Прекрасно помню. «Мы такие, какие есть» — это о Кошках.

— А что, по-твоему, значит быть Кошкой? Просто иметь хромосому Т и шерсть? Том с нами, а остальное неважно.

Фатия покачала головой:

— Он прежде всего человек. Он нас предаст, Лу. Он предаст тебя.

— Фатия! Сейчас не время ссориться. Если мы сестры, почему бы нам не завести братьев?

Она пожала плечами:

— Как тебе угодно, Лу. Но ты неправ.

Знакомство Тома с другими девушками прошло спокойнее. В качестве пожертвования и в знак своих мирных намерений Том принес из мастерской

баллончики с краской, а еще у него здорово получалось выводить на транспарантах безупречно ровные буквы. Рыжая тут же стала считать его за своего.

— Эй, да ты здорово обращаешься с кисточкой, брат! — сказала она, хлопнув Тома по спине.

Кроме транспарантов мы нарисовали плакаты, на которых была изображена Алексия. Мы срисовали одну из ее фотографий, которую печатали в газетах, а сверху написали дату ее рождения и смерти.

На следующей неделе Савини объявил, что в день Марша Кошек состоится большой общенациональный митинг Лиги. Грубая тактика, чтобы помешать нам осуществить задуманное.

Мы были полны решимости собрать больше людей и наделать больше шума, чем Савини.

Рано утром мы собрались в парке.

Нас было около пятидесяти. Я знала не всех Кошек. Поговорив с ними, я поняла, что некоторые из них впервые вышли из дома с тех пор, как у них началась Мутация. Они решили к нам присоединиться, увидев в соцсетях призывы выйти на митинг.

Сары среди нас не было. Но я была уверена, что ее тело тоже меняется.

Постепенно к нам присоединилось около тридцати мужчин и женщин, главным образом члены семей Кошек. Некоторые друзья Кошек тоже пришли: несколько парней и девушек, не скрывая лиц и рискуя прослыть Би, решили нас поддержать.

Со мной были папа и Сати. Я представила их Тому, и они с папой пожали друг другу руки.

— Рад с тобой познакомиться, — сказал папа.

Я не разобрала, что пробормотал Том. Он так покраснел, что его лицо стало похоже на яблоко.

Сати, который поначалу смотрел на Тома с недоверием, расхохотался во весь голос.

Все сразу же расслабились.

Я очень гордилась тем, что папа пришел. Я знала, что у них с Патрисией что-то не ладится. Папа рассказал мне, что они поспорили из-за меня. Патрисия считала, что Кошки должны учиться в центрах вроде «Авроры», а не в школах. Папа возразил ей, что я не Кошка, а его дочь и что я имею право получать такое же образование, как и все другие девушки, живущие в нашей стране. «Твоя мама никогда бы не сказала ничего подобного», — добавил папа.

Накануне Марша я отправилась на кладбище. Я положила на мамину могилу цветы. Скрежет гравия под ногами уже не казался мне таким удручающим, как раньше. Я долго стояла напротив стелы, закрыв глаза. Я думала о маме. О приятных моментах, которые мы провели вместе. О том, как она говорила мне: «Лу, мне бы хотелось, чтобы ты сделала собственный выбор. Чтобы ты слушала только себя». Думаю, тогда я начала понимать, что мама имела в виду. Мои размышления прервали трели малиновки, сидящей на кипарисе. Я улыбнулась птичке и с легким сердцем пошла с кладбища прочь. Я знала, что буду бороться и от маминого имени тоже.

Внезапно все разговоры вокруг стихли, и в этот же момент погасли фонари. Рассвело. Все молчали. У входа в парк стояла кучка журналистов. Они наставили на нас камеры. Никто не проронил ни слова, но все знали, что момент настал.

Несмотря на декабрьский холод, мы стали раздеваться.

Я сняла накидку и отдала ее папе. Мне больше не нужно было прятаться под маминой накидкой, которая долгое время служила мне броней.

Куртки, свитера, ботинки, джинсы, нижнее белье — мы сняли абсолютно все. Все, даже наши карточки, которые мы были обязаны носить постоянно. Мы показали себя такими, какие мы есть. Я была поражена, когда увидела все эти тела, покрытые шерстью. В свежем утреннем воздухе стоял запах Кошек. Полсотни разных запахов.

Я знаю, что для вас мы все одинаковые. Лицо, тело, шерсть — это все, что вы видите. Некоторые люди считают, что мы ничем не отличаемся от животных: для них мы единая масса безликих существ.

Но в то утро наши особенности были видны как никогда. Мы были так же непохожи друг на друга, как и до Мутации. Вот только раньше мы стыдились своих тел.

Нам постоянно твердили, какими мы должны быть. Нам без конца повторяли: «Будь красивой и молчи». Мы должны были быть стройными, нежными и с гладкой кожей. За нас решали, какой длины у нас должны быть ноги и какой формы грудь. А теперь в парке, когда девушки раздевались без тени стыда, я поняла, что шерсть на наших телах освободила нас от всех условностей, от всех заветов моды. Мы были рыжими, светловолосыми, темненькими. Мы были толстыми и худыми, низкими и высокими. Но прежде всего мы были собой. Мы все отличались друг от друга и гордились этим.

Мы развернули транспаранты, на которых большими фиолетовыми буквами была выведена надпись

«Мы такие, какие есть» и куча разных прилагательных, которые каждая Кошка выбрала для себя, и пошли к центру города.

Я шагала, расправив плечи и с гордостью сжимая руку Тома.

Девушки обнялись с родителями и друзьями, и все шли плечом к плечу. Две Кошки, которые шли почти в самом конце колонны, целовались. Другие девушки размахивали портретами Алексии. Нас отовсюду снимали камеры, и наше шествие действительно впечатляло.

Мы стали выкрикивать лозунги:

— Мы такие, какие есть!

— Довольно лжи, довольно стыда!

— Мы — будущее!

— И мы уже здесь!

Сначала наши голоса звучали неуверенно, но постепенно все в толпе запомнили придуманные нами лозунги, и скоро наши крики разбудили спящий город.

— Мы — будущее! — гремела одна часть колонны.

— И мы уже здесь! — отвечала вторая половина.

Вокруг нас было невообразимое количество полицейских. На каждой улице виднелось по несколько полицейских в полной экипировке для подавления массовых беспорядков. Некоторые из них держали на поводках собак. Псы были без намордников и яростно лаяли, когда мы проходили мимо.

Приспешников Лиги тоже собралось немало. Их белую одежду было видно издалека: они стояли по другую сторону полицейского оцепления. Естественно, они были в бешенстве. Они выкрикивали оскорбления. Те же, что и всегда, так что нет нужды

их повторять. Казалось, что у Савини и сторонников Лиги не слишком богатая фантазия. Кошки сохраняли спокойствие. Конечно, пару раз раздавалось рычание, но мы поставили себе предельно ясную цель: не поддаваться на провокации и не давать ни единого повода к тому, чтобы митинг превратился в кровавую бойню. Наши голые тела, наше спокойствие, наша энергия и решимость были нашим лучшим оружием.

Мы продолжали мирное шествие. На нас смотрели прохожие; на их лицах был написан ужас, смешанный с возмущением. К нам с аплодисментами присоединились один или два человека, но большинство людей нас оскорбляло. Я чувствовала, что напряжение нарастает.

Когда мы проходили мимо центра «Аврора», Кошки начали свистеть. Кто-то из них опрокинул урны, стоявшие у входа. Другие наклеили на стены плакаты. Из пластикового пакета вытащили белое одеяние, и я увидела, как Фатия его подожгла.

Белая ткань горела, а наши лозунги становились все более резкими:

- Мы — будущее!
- Довольно лжи, довольно стыда!
- Долой Савини!
- Долой Лигу!
- Кошки, сопротивляйтесь!

Должна признаться, что и меня все происходящее взбудоражило. Под давлением Лиги правительство унижало нас уже несколько недель. Было приятно видеть, как тлеет эта тюрьма из ткани, и слышать в воздухе гудение наших гневных голосов!

Но, услышав, что Кошки стали колотить в дверь и выкрикивать лозунги вроде «Долой людей!»,

«Долой мужчин!», «Сдохни, Савини!», я поняла, что все может очень плохо кончиться. Любая мелочь могла положить конец нашему мирному шествию. Я направилась к Фатии и самым радикальным Кошкам, чтобы попытаться их успокоить.

— Перестаньте, на том конце улицы стоят копы, они нас загребут.

Фатия ухмыльнулась:

— И что? Я их не боюсь.

— Не стоит нарываться, девчонки. Савини и его свита только этого и ждут.

— Она права, — сказал папа, который подошел к нам. — Постарайтесь сохранять спокойствие.

Две девушки оттолкнули его.

— Проваливай, человек! Ты нам не нужен!

Папа отошел в сторону. Сати, стоявший рядом с ним, заплакал.

Я оскалились:

— Не троньте их, это моя семья!

— Думаешь, нас это волнует? — бросила мне одна из девушек.

— Твоя семья — это мы! — сказала другая.

У наших ног догорало белое одеяние. Теперь это была кучка краснеющих лоскутков.

Девушки снова попытались выломать дверь «Авроры».

Я взяла Фатию за плечи:

— Ты же знаешь, что нам это не нужно. Мы можем защищать свои права, не проявляя жестокость!

Но она ничего не хотела слышать.

— Лу, ты ничего не знаешь о жизни этих девушек. Они прошли через ужасные вещи. И они хотят отомстить за себя!

— А я, Фатия? Мне тоже пришлось пройти через ужасные вещи, и ты прекрасно это знаешь. Знаешь ведь, да?

Ей пришлось согласиться.

— Я знаю, что ты тоже прошла через многое, особенно в семье. Но мы не исправим прошлое, если выломаем дверь и подожжем этот дурацкий центр. Это так не работает. А если мы разделимся, будет еще хуже!

Немного погода на лице у Фатии появился намек на улыбку.

— Ладно, Лу, хорошо. Сделаем вид, будто ты права.

— Мы решительны, но не жестоки.

— Ага. Решительны.

Мы подошли к самым буйным девушкам и уговорили их успокоиться и продолжить шествие.

— Что с ними такое? — спросил меня Том. — Они хотят все испортить?

— Их можно понять. Они в ярости.

— Мы все в ярости, Лу. Но если они продолжают в том же духе...

— Я знаю.

К нам подошел папа. Сати все еще рыдал, я взяла его на руки.

— Нам лучше пойти домой, — сказал папа. — Твоему брату слишком тяжело здесь находиться.

Я покачала головой. Я знала, что «тяжело» значит «опасно».

— Вы идите. А я останусь.

— Лу, это неразумно.

— Все в порядке, я здесь не одна. И ты знаешь, почему сейчас я должна быть здесь.

— Луижа, пойдем домой, — умолял меня Сати.

— Я не могу, но ты не расстраивайся, я скоро вернусь.

Папа почесал свою лысину.

— Ты упрямая, как мама.

— Знаю, — ответила я.

Я пообещала папе, что буду осторожна и что сразу уйду, если что-то пойдет не так.

Мне пришлось трижды поклясться папе в этом. Он тоже был упрямым. Как я.

Папа поцеловал меня в щеку:

— Береги себя, Лу.

Мы с Томом пошли дальше. Мы прошагали через центр города. Витрины многих магазинов были изрисованы. Я видела, как Рыжая и еще парочка девушек не стесняясь разукрасили их краской из баллончиков. Их граффити носили очень глубокий смысл: «Наша шерсть рождает беспорядки!», «Кошки: волосок к волоску», «Полиция — тупая бритва», «Осторожно: мы гладим против шерсти!», «От ваших правил у нас шерсть дыбом!», «Золотое руно — та же шерсть!», «Один волосок — переживем, миллион — со свету сживем...», «Пока вы бреетесь, мы и в ус не дуем!», «От эпиляции до психодрамы один шаг!». У Рыжей явно был талант, она была настоящей уличной поэтессой.

Мы прошли по мосту, который разделял город на две части.

Вокруг церкви выстроились члены Лиги, словно мы одним своим присутствием могли осквернить храм. Они скандировали свои лозунги, почти перекрикивая нас: «Мы — Свет!», «Мы на стороне Господа!», «А Господь на нашей стороне!». В толпе стояла Морган. На ее шее поблескивал крестик. Казалось,

так решительно она еще никогда не была настроена. Неподалеку от нее я заметила и отца Алексии. Он побледнел, когда увидел, что Кошки несут портрет его дочери.

Мы могли бы сделать вид, что не замечаем сторонников Лиги, и продолжить наш Марш. Но Кошкам уж очень хотелось с ними сцепиться. Наша группа оказалась напротив толпы приспешников Лиги. Мы выкрикивали свои лозунги, они — свои. И с той и с другой стороны, словно пули, летели оскорбления. Полиции в этом месте было не так много. Мы больше не могли двигаться вперед, атмосфера накалялась.

Том положил руку мне на плечо:

— Смотри, нас окружают.

Я обернулась. Действительно, на всех улицах виднелись полицейские в полной экипировке. Противогазы, опущенные забрала, выставленные вперед дубинки, яростные собаки — они были готовы броситься на нас. Это была подлая ловушка, и мы в нее попались. Бежать было больше некуда. Мы были заперты на этой площади.

Вдруг со стороны церкви раздался крик.

Через плечи девушек я увидела Морган, которая шла нетвердой походкой. Она обеими руками держалась за живот. А по ее белой тунике расходилось кровавое пятно. Как будто ее только что ударили ножом. Я не могла понять, что происходит. Неужели Морган ранил кто-то из Кошек? Да нет, в этом не было никакого смысла.

Увидев, что Морган ранена, сторонники Лиги завопили от злости. В их толпе произошло какое-то шевеление, и обе наши группы сошлись в рукопашную.

Это был сигнал.

Полицейские с прилегающих к площади улиц перешли в наступление. Со стороны церкви нас поджимала толпа членов Лиги с палками в руках. На нас отовсюду сыпались гранаты со слезоточивым газом и удары. Настоящий хаос. Хотя мы и были сильны, наши противники быстро взяли над нами верх. Девушки вокруг меня падали на землю. Белая одежда сторонников Лиги покрывалась кровью.

Я как могла пыталась защитить Тома, но сама задышалась от газа.

Я заорала:

— Беги к церкви! К церкви!

Но Том не хотел меня бросать.

Полицейские дали очередной залп гранат, и мы потеряли друг друга из виду. Воздух был настолько насыщен газом, что рассмотреть что-либо было просто невозможно. Я рычала, царапалась и кусалась, не зная наверняка, кто передо мной. Я вспорола живот собаке, которая пыталась укусить меня за ногу. И тут на меня обрушился град ударов дубинками. Я упала на землю, свернулась в клубок и стала ждать конца этого безумия. Больше мне ничего не оставалось делать. Просто надеяться, что я не умру.

Нас выстроили в одну линию. Заставили опуститься на колени. Положить руки за голову.

Нас окружили, наставили на нас дула пистолетов.

Все это напоминало приведение смертного приговора в исполнение, и на несколько секунд я действительно поверила, что нас, словно животных, расстреляют прямо здесь, на церковной площади.

Приспешников Лиги разогнали полицейские. Наши плакаты и транспаранты, измазанные кровью и грязью, валялись на тротуаре.

Многие из нас были ранены. Некоторых тошнило из-за газа. Морган унесли двое полицейских. Я не знала, жива ли она.

Я безуспешно искала глазами Тома. Скорее всего, ему удалось убежать. Фатии среди девушек, стоявших на коленях, тоже не было.

Между Кошками и людьми, которые оказались вместе с нами, ходили Ревер и Лемуан.

Мы несколько часов простояли на коленях, сложив руки за головой. Полицейские смеялись и время от времени бросали в наш адрес язвительные комментарии:

— Ну что, вы теперь не такие дикие, а?

— Посмотри, какие они смирные, — настоящие плюшевые игрушки!

— Оказывается, кошек не так сложно дрессировать.

Еще через час Ревер наконец сказал нам:

— Вы знаете, что обязаны носить идентификационные карты. Сегодня, выйдя на улицу без них, вы нарушили закон.

Полицейские стали по очереди отводить нас в фургон, где они устанавливали нашу личность. Они позвонили папе, но я не смогла с ним поговорить.

Потом нас согнали за фургон, где за нами следили пять полицейских с собаками. В толпе девушек я увидела Рыжую. Ее подбородок был в крови.

Я спросила, все ли у нее хорошо.

— Просто супер, — ответила Рыжая, шмыгнув носом.

— Что с нами теперь будет?

— Ты пойдешь домой.

— А ты?

Она пожала плечами:

— У меня нет дома. У меня больше нет семьи.

— Что ты будешь делать?

— Я не знаю. Они, наверное, запрет нас где-нибудь.

— Но они не имеют права!

Рыжая усмехнулась:

— О чем ты вообще? Они творят что хотят.

Один из полицейских схватил меня за плечо:

— Ты Луиза? На выход!

Я сжала руку Рыжей:

— Держись! Мы скоро встретимся, клянусь. Мне плевать на ад и рай...

— ...говори правду или умирай.

Рыжая произнесла эти слова, кивнув с жалким видом. У меня ком стоял в горле.

По другую сторону фургона меня ждали Том, папа и Сати.

Когда мы пришли домой, я оделась, и мы поужинали вчетвером.

Мы обсудили западню, которую нам устроила полиция, и то, что теперь будет с девушками, у которых нет ни дома, ни семьи. Я не могла не вспомнить о Морган. Жива ли она еще? У меня перед глазами стояло пятно крови, такое яркое на фоне ее белой туники. Я ненавидела Морган так же, как и она меня. Но я пришла в ужас, увидев, что она ранена. Она была очень бледной. Я знала, что никто из девушек не мог

так поступить. Напасть на кого-то из Лиги — это прямой путь к поражению.

— Наш Марш полностью провалился, — вздохнула я.

Папа положил руку мне на плечо:

— Нет, Лу. Вы прекрасно держались. Это уже достижение.

Папа был уверен, что все Марши Кошек, стихийные или организованные, обязательно заставят людей осознать, что Кошек много, что они такие же личности, как и все остальные, и что они имеют те же права и обязанности.

После ужина мы с Томом пошли укладывать Сати. Том прочитал моему радостному брату две сказки. Когда он уснул, я показала Тому свою комнату.

Было так странно видеть его в ней. Думаю, он испытывал то же самое. Нам было неловко и в то же время хотелось броситься на кровать. После такого дня мне была просто необходима нежность. Мы прижались друг к другу и поцеловались. На кухне зазвонил телефон, и нам пришлось остановиться.

— Папа внизу, нам, наверное, надо спускаться?

Когда мы пришли на кухню, папа был белый как полотно.

— Звонила Патрисия. На Савини было совершено покушение.

Мы втроем уселись на диван напротив папиного компьютера.

— Это произошло двадцать минут назад. С тех пор по всем каналам крутят видео.

Оскар Савини стоял на уличной сцене. На него были направлены прожекторы, и казалось, что его белоснежная улыбка и костюм сделаны из чистого света. В том, как он помахал рукой, было что-то воинственное и дружеское одновременно. Он поприветствовал своих приспешников, членов Лиги. Когда камера взяла общий план, мы увидели, что перед сценой стоит гигантская толпа людей в белом: все они на грани истерики, до того рады видеть своего героя, своего спасителя, такого белого, чистого, красивого мужчину по имени Оскар Савин.

Внизу под видео мигала красная надпись: «Экстренные новости!!»

Папа прибавил звук.

— Как вы знаете, не проходит и дня, чтобы мы не столкнулись с очередным проявлением агрессии, — произнес Савини, чеканя каждое слово. — Услышьте меня: из-за этих существ, из-за попустительства со стороны политиков наша страна превращается в племя дикарей!

В толпе прокатилась волна возмущения.

— Если мы ничего не предпримем, наша страна превратится в джунгли! Бóльшая часть этого отродья не занимается своим образованием, они днем и ночью шатаются по улицам. Они шантажируют наших детей и угрожают им, а их родители сидят сложа руки. Сегодня они голыми прошлись по улицам наших городов. Совершенно голыми! Какой прекрасный пример они подадут, не правда ли? Их так много, что наши дочери боятся выходить из дома. Повсюду страх, да, страх! Ответьте мне: станем ли мы терпеть, что наши дочери боятся?

— Нет! — прогремела толпа.

— А как же наши сыновья? Уверяю вас, рано или поздно это произойдет: одна из них овладеет одним из наших сыновей. Только представьте! Это начало конца. Хотя ученые и утверждают, что из-за хромосомы Т эти существа бесплодны, кто знает, что нас ждет в будущем? Кто хотел бы растить такого ребенка?! Кто?!

— Никто!

— Я слышу вас, друзья! Бог вас слышит! Поэтому мы, Лига Света, требуем, чтобы правительство выполнило свои обязательства. Нет ничего невозможного в том, чтобы найти выход из этой ситуации. Пути решения этой проблемы существуют. Правительства намного менее развитых стран, чем наша, не стали ждать, пока болезнь распространится! Они предприняли то, что нужно было предпринять, чтобы предотвратить заражение! Но наше правительство, ссылаясь на права человека, закрывает глаза на все происходящее! На границах было организовано несколько карантинных лагерей, но этого недостаточно. Прикрываясь правами человека, наше правительство приносит в жертву семью, первостепенную основу нашей нации!

Толпа возмущенно рокотала. Савини ликовал.

— Поэтому сегодня я и мы все требуем отставки премьер-министра, министра здравоохранения, министра внутренних дел, а также принятия чрезвычайных мер! Марши, которые проходят в данный момент, — это оскорбление, провокация! Мы не можем больше делать вид, что не знаем правду, и, как вам известно, правда на стороне Бога. Правда на нашей стороне!

В этот момент на сцену поднялась девушка в белом. Она была молода, красива и лучезарно улыбалась. Она аплодировала Савини, как и все, кто стоял

в толпе. На секунду мне показалось, что эта девушка — его дочь и что поэтому она и взошла к нему на сцену. Но когда лидер Лиги повернулся к девушке, я поняла, что что-то идет не так. Савини удивленно вскинул брови. Он сделал знак телохранителям, которые в большом количестве стояли вокруг сцены. Они были удивлены не меньше, чем Савини.

Все случилось очень быстро. Девушка стащила с себя белую одежду. Вещи упали к ее ногам. Ее тело было покрыто темной шерстью, и только лицо и руки были тщательно выбриты.

Девушка прокричала:

— Сегодня страх перешел на вашу сторону! Кошки! Сопровитяйтесь!

Я увидела, как девушка щелкнула колесиком за- жигалки, и вся ее шерсть тут же загорелась. Девушка превратилась в факел, в пылающий костер. Ее шерсть, должно быть, была полита бензином. От огня исходил такой жар, что телохранителям пришлось отскочить назад. Не медля ни секунды, девушка бросилась на Савини. Она обвила его руками, словно пытаясь прижаться к нему. Савини вырывался, но девушка, которую было не видно под языками пламени, держала его очень крепко. Телохранители попытались их разнять.

В толпе раздались крики, и камера снова взяла общий план. Перед сценой стояли и другие Кошки. Они разделись и теперь трясли кулаками над головой. Некоторые из стоявших перед сценой стали бить Кошек, другие просто кричали. Раздались выстрелы. Множество выстрелов. Начался неописуемый хаос. Все стремились убежать в разные стороны, мужчины и женщины падали, и по их спинам удирали другие люди.

Телохранители оттащили Савини в угол сцены. Они потушили огонь, накрыв его одеялом. Девушка, свернувшись калачиком, каталась из стороны в сторону в самом центре сцены. В ней уже не осталось ничего человеческого.

Видео прервалось, и на экране появился ведущий с искаженным лицом.

— Вот ужасающие кадры с места трагедии, которая произошла сегодня вечером. Точнее, в двадцать один тридцать во время общенационального митинга Лиги Света. Как мы сообщали вам несколько минут назад, Оскар Савини, к счастью, выжил, несмотря на ожоги. Эта подтвержденная информация. Я напоминаю, что, по предварительным данным, эта трагедия унесла жизни семнадцати человек. После покушения на Оскара Савини по всей стране, несмотря на запрет, с новой силой вспыхнули Марши Кошек. Во многих городах начались беспорядки, вызванные столкновением Кошек и вандалов с одной стороны и местного населения и стражей порядка — с другой.

За спиной ведущего показывали кадры с улиц, на которых виднелись последствия пожаров. Группы Кошек сражались против вооруженных полицейских в касках. На стороне девушек были и люди: одетые в черные толстовки с капюшонами, они бросали коктейли Молотова, разбивали витрины банков и модных бутиков. Бронежилеты, водометы, гранаты со слезоточивым газом, резиновые пули, дубинки — полиция применяла все возможные методы борьбы. На других кадрах Кошек окружала целая толпа. На улицах, застроенных самыми обычными домами, разворачивались сцены народного самосуда.

— Уже известно о нескольких жертвах как со стороны людей, так и со стороны Темных. И...

Кто-то положил на стол ведущему лист бумаги. Тот склонился над ним и поднял глаза, напустив на себя серьезный вид.

— Дамы и господа, мы следим за развитием событий в режиме реального времени. Прямо сейчас нам стало известно, что правительство ввело режим чрезвычайной ситуации. Собрания Темных в общественных местах запрещены. Объявлен роспуск всех групп и организаций, выступающих за признание прав Темных, а также групп, имеющих отношение к анархистским политическим течениям. В случае крайней необходимости правоохранительные органы смогут применять силу, вплоть до использования огнестрельного оружия.

На экране появилась красная надпись: «Темные: на пути к гражданской войне?»

— Теперь мы с нашим специалистом обсудим усиление радикальных настроений среди Темных. Я знаю, что они предпочитают называть себя «Кошки», но на сегодня термин «Темные» представляется куда более подходящим, ведь они показали себя крайне далекими от нашего общества. Правда ли, что мы наблюдаем процесс одичания, как заметил...

Папа выключил звук и повернулся ко мне.

Ночью стало известно, кто эта девушка, поджегшая себя на сцене.

Я узнала, что ее зовут Камий и что ее отец — писатель.

Я узнала, что она ваша дочь.

Простите, что мне пришлось описать то, что случилось в тот вечер на митинге Лиги. Но мне кажется важным, чтобы читатели понимали, как именно все произошло.

По большому счету то, что сделала Камий, послужило толчком для последующих событий.

В каком-то смысле так и есть.

Савини только и ждал предлога.

И он воспользовался поступком вашей дочери.

Я ни в коем случае не обвиняю Камий.

Она и другие Кошки, которые принимали в этом участие, хотели, чтобы страх перешел на другую сторону. Знаете, мне кажется, они не понимали, что страх уже царил повсюду в нашем обществе. В человеческих отношениях, в рекламе, на работе, в средней и старшей школе, на улице. Между мужчинами и женщинами, между теми, кто исповедует разные религии, между людьми с разным цветом кожи. Словно болезнь, которая только и ждала благоприятных условий, чтобы вылезти наружу. И принести с собой всю возможную жестокость.

Я знаю, что вы придерживаетесь того же мнения. Я читала вашу статью. Ту, в которой вы рассказываете о Камий, о ее мечтах, о ее идеализме, о ее самоотдаче. О том, как трудно ей жилось в таком обществе, и о том, как сильно это выводило ее из себя. Совершенно ясно, что вы обвиняете во всем Савини, Лигу и авторитарный курс правительства. Карантинные лагеря для беженков, карточки, белые одеяния, оскорбления, безнаказанная жестокость — не будь всех этих унижений, всей этой несправедливости, Камий не принесла бы себя в жертву таким

способом. Вас обвинили в том, что вы поддерживаете терроризм, вас смешали с грязью, ваши книги уничтожили, и вы перестали писать. Я согласна с вами, что некоторые Кошки из нашей группы могли бы поступить так же, как Камий. И в первую очередь Фатия. К счастью, с ней рядом были другие девушки, которые, как мы с Рыжей, верили, что еще не все потеряно.

Не могу сказать, что не испытывала ненависти. Я питала глубокое отвращение к Савини, Лиге и правительству. У меня все внутри вскипало, когда нас заставили встать на колени, убрать руки за голову и держали нас под прицелом просто за то, что мы устроили мирное шествие. Но я была уверена, что агрессия с нашей стороны только подольет масла в огонь, ведь они только и ждали от нас жестокости. Она была им необходима, понимаете? Им нужен был повод, чтобы нас уничтожить, ведь они знали, что у них в любом случае больше шансов на победу, чем у нас. Закон был на их стороне, у них было оружие, а у нас — только наша решимость. Хотя мы и стали сильнее благодаря Мутации, в любом поединке с ними мы были обречены на провал.

Я знаю, что Кошки со мной не согласятся. Я не уверена, что знаю всю правду. Я не уверена, что права.

Я много размышляла о жестокости после того, как стала жертвой изнасилования. Сделала ли я все возможное, чтобы отбиться от Фреда? Я долго сомневалась в этом из-за нашей совместной фотографии. Даже Сара, которая видела этот снимок, думала, что мы встречались на момент вечеринки. Что между мной и ее братом действительно что-то было. Что с его стороны не было никакого давления.

Вы знаете, что жертвам изнасилования часто задают один вопрос: пытались ли вы сопротивляться? Сопротивлялись ли вы изо всех сил? И мне невыносимо слышать этот вопрос. Фред воспользовался тем, что я была юной и хрупкой и к тому же пьяной. Чтобы овладеть мной, он выждал момент, когда я окажусь в наиболее уязвимом положении. В этом виновен только один человек, Фред. Невозможно заставить другого совершить над тобой насилие. Но можно стать жертвой. Решение изнасиловать принимает сам насильник. Он проявляет жестокость. Невообразимую, слепую жестокость. И, став ее жертвой, ты превращаешься в вещь, которую другой человек хочет присвоить себе и уничтожить.

У Савини была только одна цель: захватить власть. За его красивой улыбкой скрывалась ужасающая жестокость. Своими лживыми речами о Кошках он подпитывал страх людей, он подчинил их себе, он заставил поверить в худшее. Чтобы уничтожить нас и добиться своего, ему не доставало предлога. Этим предлогом стали отчаяние вашей дочери и ужас, который посеял ее поступок.

Поэтому я хочу рассказать свою историю и ради Камий.

Потому что память о ней, как и об Алексии, еще жива, и совсем неважно, какой она сделала выбор.

Для меня она не только ваша дочь, она мне как сестра.

То, что пришлось пережить мне, могло бы стать и ее участью.

В тот вечер, когда она погибла, ввели режим чрезвычайной ситуации.

Через два дня начались облавы.

Мы с Сати были в лавке месье Бланше, одном из немногих магазинов, куда еще пускали Кошек.

Я стояла у полок с потрепанными книгами, а Сати неподалеку от меня забавлялся тем, что запускал руку в банку с разноцветными шариками. Месье Бланше не делал ему замечаний, хоть и не мог сдерживать убийственных взглядов. Когда мы зашли в магазин, из него выходила покупательница. Я слышала, как она сказала месье Бланше: «Не стоит вам пускать их к себе. От них слишком сильно пахнет». Сказала она это громко, чтобы мне было слышно.

Уголек, сидевший на прилавке, озлобленно рыкнул и выгнул спину. Месье Бланше сделал вид, что пропустил слова женщины мимо ушей.

Женщина раздраженно хлопнула дверью.

— Раз у вас такие порядки, я теперь буду ходить в другой магазин.

Я открыла «Ловца на хлебном поле» и тут же услышала какой-то гам, доносившийся с улицы. Месье Бланше за прилавком встрепенулся. Я подошла к витрине.

По улице шагали около десяти вооруженных полицейских. За ними ехала бронированная машина. На ее крыше был установлен громкоговоритель, из которого вылетало: «Внимание. Согласно указу правительства, все Темные обязаны добровольно сдать органы правопорядка. Граждане, убедительная просьба сообщить о местонахождении Темных. Сокрытие Темных уголовно наказуемо. Любая попытка сопротивления карается...»

Вдруг вдалеке раздались крики. Перед витриной прошла Темная в белом облачении. Прохожие показывали на нее пальцем. Один из них завопил:

— Держите ее!

Какая-то женщина попыталась схватить девушку, но ей удалось сорвать только часть белого одеяния, обнажив шерсть, которая покрывала голову и плечи Кошки. Чуть дальше прохожий подставил девушке подножку. Та поднялась на ноги, и я с удивлением узнала в ней Сару.

У нее была темная, даже черная шерсть, а тело осталось таким же крепким и гибким, как раньше. Я сразу же поняла, что это Сара, даже не почувствовав ее запах.

Прохожие быстро окружили ее. Она рычала, царапалась, но толпа с угрожающим гиканьем все плотнее сжималась вокруг нее. Мне ужасно хотелось выбежать и помочь Саре, но тут я почувствовала в своей руке ладонь Сати.

Мой младший брат, нахмутив брови, спросил меня, что происходит.

— Ничего, не бойся, — прошептала я и оттащила Сати за манекен.

У наших ног с беспокойным видом расхаживал Уголек.

Мимо витрины пробежала кучка полицейских, они пробрались сквозь толпу, и на Сару обрушился град ударов. Ужасающая жестокость. Когда Сара превратилась в окровавленное тело, полицейские бросили ее в машину под восторженные выкрики прохожих, которые плевали в сторону моей бывшей подруги.

Вдруг к витрине повернулась женщина. Она показала пальцем на магазин. Я узнала ее: это она сделала

замечание месье Бланше. Полицейские хлопнули дверцами машины и направились к магазину.

— Давай сюда, — услышала я чей-то голос у себя за спиной.

Это был месье Бланше.

— Ну же, малышка, поторопись.

Он махал мне рукой, чтобы я зашла за прилавок.

Я засомневалась. Хотел ли он и вправду спрятать меня от полиции? Или он хотел меня поймать и сдать им?

Я сделала глубокий вдох. Я почувствовала только запах плохого настроения, в котором обычно пребывал месье Бланше. Между наших ног просочился Уголек, он уселся у двери подсобки.

Я все еще стояла в нерешительности, и тут месье Бланше сказал:

— Это кошка.

— Что?

— Уголек не кот. А кошка.

Полицейские были уже близко. Я потянула за собой Сати и бросилась за прилавок.

Месье Бланше изобразил на лице улыбку, похожую скорее на гримасу.

Я едва успела шепнуть ему «спасибо», как дверь подсобки закрылась за нами, а входная дверь магазина распахнулась.

Мы с Сати оказались в полной темноте.

Где-то рядом светились глаза Уголька.

— Мне страшно, Луижа, — сказал Сати.

Я опустила на колени рядом с ним.

— Я с тобой, не бойся.

Но у моего брата в глазах стояли слезы. Его трясло. Он сказал мне:

— Луижа, я украл шарики. — И Сати вынул из кармана десяток разноцветных мячиков. — Месье из-за меня разозлился?

Я попыталась его успокоить:

— Нет, Сати, спрячь шарики и постарайся не шуметь.

Я слышала, как по ту сторону двери полицейские обыскивают магазин.

— Где она? — спросил чей-то голос.

— А? — откликнулся месье Бланше.

— Темная. Нам сообщили, что в вашем магазине видели Темную.

— Темная? Вы о чем, юноша? Это новая марка стирального порошка?

Раздался оглушительный треск, как будто стеллажи попадали на пол. Уголек зарычал. Месье Бланше закричал:

— Да что вы...

— Не пытайся с нами фокусничать.

— Но я же сказал, не видел я тут никакой Темной.

— Это мы еще посмотрим. Парни, обыщите здесь все.

Месье Бланше спросил:

— Что происходит?

— Ты не в курсе? Савини только что назначили министром внутренних дел. Нам нужно найти всех Темных, чтобы предотвратить распространение болезни.

— А. Ну да, ну да, наверное, так и нужно.

Полицейские продолжали обыскивать магазин. Я слышала, как они ходят между полками.

— А что с ними сделают? — спросил месье Бланше.

— Их всех сгоняют на бумажную фабрику. А что будет дальше, решит Савини.

— Хорошо. Очень хорошо.

Из противоположного конца магазина раздался голос:

— Здесь пусто.

— И здесь тоже, — отозвался другой полицейский.

— Я же вам говорил. Здесь никого нет.

Я подумала, что мы спасены, но тут главный полицейский спросил:

— А это что за дверь?

У меня по спине пробежал холодок. Сати дрожал, прижавшись ко мне.

— А, эта дверь? Это просто подсобка.

— Открой, мы посмотрим, что там.

— Ну что вы, у меня там всякое старье хранится.

— Отойди, мы туда все-таки заглянем.

Я принялась искать запасной выход. По всем стенам тянулись полки, на них стоял товар. И больше ничего. В глубине подсобки я услышала мяуканье Уголька и рассмотрела полоску света.

Я прошептала Сати:

— Там есть дверь, пойдем!

Мы уже почти пересекли всю подсобку без единого шума, как тут из кармана моего брата выпали шарики. Всего лишь десяток маленьких шариков, но мне показалось, что они ударились об пол с бóльшим шумом, чем камни во время обвала в горах.

— Эй, парни, там кто-то есть! Открывайте дверь.

Я взяла Сати на руки и побежала.

В несколько прыжков я оказалась на другом конце подсобки.

На двери был замок, но, на наше счастье, из замка торчал ключ. Когда я открыла дверь, меня ослепил солнечный свет. Уголек потерялся о мои ноги. Несколько

секунд он смотрел на меня своими зелеными глазами. Словно прощаясь.

— Она здесь, она здесь! — крикнул кто-то за моей спиной.

Не оборачиваясь, я кинулась в переулок за магазином.

Мужчины побежали за мной.

Через пару секунд я услышала крики и тяжелый звук падающего тела.

— Твою ж мать, что это такое?!

— Шарики, чертовы шарики.

Уголек протяжно мяукнул, словно посмеиваясь над полицейскими.

Мы с Сати прятались до наступления темноты. Я не знала, что делать и куда пойти.

Весь город кишел полицейскими патрулями.

Я слышала завывание сирены и сообщение, которое непрерывно доносилось из громкоговорителей на машинах: «Согласно указу правительства, все Темные обязаны добровольно сдать органы правопорядка. Граждане, убедительная просьба сообщить о местонахождении Темных».

Нам с Сати удалось спрятаться за кафе, стоявшим на пригорке. Никто не станет искать нас на этой темной улочке, заставленной мусорными баками.

Время от времени туда приходил покурить повар, который, не подозревая о нашем существовании, кидал в нашу сторону бычки.

Из нашего убежища мне были видны огни бумажной фабрики. К ее воротам то и дело подъезжали

полицейские машины, из которых выводили Кошек. Вооруженные охранники выстраивали их друг за другом и уводили на территорию завода. Неподалеку от фабрики собралась толпа. Фанатики из Лиги. Журналисты. Несколько зевак. Может быть, отец, мать или брат одной из Кошек. Я не могла поверить, что семьи девушек сдали их по своей воле.

Спрятавшись в кустах, я слышала шум города. Если не брать в расчет полицейские сирены и сообщения из громкоговорителей, все, казалось, текло своим чередом. Люди ходили по магазинам. С террасы кафе доносился чей-то смех. Ничего не изменилось, для них все было по-прежнему. Это было что-то невообразимое. Сару избили и бросили в машину, словно животное. Все смотрели, и никто не вступился за нее. Вообще никто!

Мне казалось, что я просто оказалась в плохом сне.

Сати прекрасно понимал, что что-то идет не так. Я пыталась его успокоить как могла. Я рассказывала ему сказки, которые помнила. Про рыцарей и драконов. Он довольно скоро уснул у меня на руках. Я жалеяла, что у меня нет мобильного телефона: папа, должно быть, страшно волновался.

Когда стемнело, я разбудила брата:

— Пойдем, Сати.

Он потер глаза.

— Мы пойдем домой?

Я кивнула:

— Нам нужно быть очень осторожными, хорошо?

— Почему, Луижа?

— Знаешь, как в прятках. Нельзя, чтобы нас заметили.

Сати улыбнулся. Ему эта идея понравилась.

Я надвинула на лицо капюшон накидки, и мы быстрым шагом пошли по маленьким улочкам. Нам на встречу попалось несколько человек, но они не обратили на нас внимания. Старшая сестра с младшим братом за руку возвращаются домой в пятницу вечером. Все нормально. Даже слишком.

Я услышала сообщение, доносившееся из громкоговорителя на полицейской машине: «Соккрытие Темных уголовно наказуемо». Им были известны наши имена и адреса, они, наверное, поджидали меня, и действительно, когда мы подошли к нашей улице, я увидела две полицейские машины, припаркованные неподалеку от нашего дома. Я, наверное, могла бы как-то схитрить, но я не хотела впутывать во все это Сати, не хотела, чтобы папу арестовали.

Поэтому я решила пойти к Патрисии. Потому что никто не смог бы догадаться. Конечно, я не могла быть уверена, что она согласится нас спрятать. Мне было известно ее мнение насчет Кошек, оно было подозрительно схоже с позицией Лиги.

В окнах ее квартиры горел свет; на тротуаре было несколько прохожих. Я позвонила в домофон.

— Да?

— Патрисия, это Луиза.

Молчание.

— Лу?

— Да, это я.

— Но... но что ты здесь делаешь? Ты знаешь, что папа с ума сходит от беспокойства?! Он мне звонил и...

Я не дала ей договорить:

— Патрисия, я не знаю, куда пойти. Со мной Сати.

Снова молчание. Я уже смирилась с тем, что она оставит нас на улице, но она в конце концов сказала:

— Никуда не уходите. Я сейчас спущусь.
Через несколько минут дверь открылась.

У Патрисии был испуганный вид. Оглядев улицу, она впустила нас в дом.

— Спасибо.

Она мне не ответила и махнула рукой, чтобы мы шли за ней.

— Поднимайтесь поскорее. Четвертый этаж.

Я взяла Сати на руки и пошла по лестнице вслед за Патрисией.

Мы почти дошли до площадки второго этажа, как вдруг распахнулась дверь одной из квартир. На лестницу вышел довольно молодой мужчина с мусорным ведром в руках.

Патрисия была чуть впереди, и мы с мужчиной столкнулись нос к носу. Его глаза округлились от удивления. Я одернула капюшон накидки, но это было бесполезно: он заметил шерсть, которая покрывала мое лицо, заметил мои клыки и желтые глаза.

Патрисия, стоя выше на лестнице, покусывала губы.

Мужчина покачал головой.

— Что вы здесь делаете? — спросил он сухим тоном.

Я не знала, что ответить. В разговор вмешалась Патрисия:

— Все в порядке, она со мной. Она просто заскочила на пару минут, не беспокойтесь.

Мужчина поджал губы и посмотрел на мусорное ведро, которое держал в руке, словно забыл, зачем вышел из квартиры. Качая головой, он оставил мусор на лестничной площадке, развернулся и зашел обратно в свою квартиру. Я заметила, что, закрывая дверь, он доставал из кармана мобильник.

Патрисия подошла ко мне. У нее на лице был написан ужас.

— Лу. Он вызовет полицию.

— Я знаю.

— Что будем делать?

Мне нужно было уходить, другого варианта не было.

— Вы сможете присмотреть за Сати?

— Конечно, Лу.

Услышав это, мой брат скучился:

— Нет, не хочу к Патрише!

Я обняла Сати и вдохнула его запах.

— Послушай, Сати, ты пойдешь с Патрисией, хорошо? Она отведет тебя домой.

— А ты, Луижа?

— Мне нужно кое-что сделать. Но я хочу, чтобы ты сказал папе, что я его люблю. И что я скоро вернусь. Хорошо?

Сати не мог понять, почему я оставляю его с Патрисией. Он вцепился в меня:

— Нет, я останусь с тобой, Луижа!

— Все, Сати, мне пора идти, — сказала я.

Я с тяжелым сердцем поставила Сати на пол, попрощалась про себя с его телом, с его запахом.

Я сжала зубы, чтобы сдержать слезы.

Патрисия взяла Сати за руку и наклонилась ко мне:

— Мне очень жаль, Луиза.

— Не переживайте. Поцелуйте папу за меня. Скажите ему, что со мной все в порядке... И... спасибо.

Патрисия кивнула.

Я сбежала по лестнице и вышла на улицу.

У меня в голове было лишь смутное представление о том, что я буду делать дальше.

Мне нельзя было возвращаться домой. У меня не было подруги, которая могла бы меня спрятать. О том, чтобы пойти к Тому, не могло быть и речи; это обернулось бы для него большими неприятностями. Я была одна, совсем одна.

Я бродила по городу. Обходила стороной прохожих и яркие неоновые вывески.

Улицы уже украсили к Рождеству. Над моей головой мигали звезды и огромные снежинки. Это казалось мне такой нелепостью. Я вспомнила, как раньше мы с папой, мамой и Сати гуляли по городу, любовались гирляндами и елками в огоньках. Это был настоящий праздник. Как будто разноцветные лампочки могли преобразить серые улицы, заставить меня ненадолго забыть о том, что родители на самом деле больше не любят друг друга и что я уже почти не ребенок. Мы прогуливались вчетвером и со стороны были похожи на счастливую семью. Наверное, на несколько часов мы и вправду становились счастливой семьей. Я переставала дуться на маму, родители брались за руки, а у моего младшего брата при виде Дедов Морозов, подвешенных на балконах, от удивления округлялся рот. Но теперь все эти воспоминания казались мне невероятно далекими, и праздничные украшения не могли заставить меня забыть все, через что мне пришлось пройти. Я думала о Саре, которую на моих глазах полицейские избивали дубинками. Обо всех Кошках, которых согнали за ограду завода. О девушках, которые пока прятались в подвалах, на чердаках или на окраинах города.

Накануне я пришла за стадион, но лагерь Кошек сровняли с землей. Я совершенно не представляла, где они могут быть. Я пошла в сторону торгового

района, не надеясь, что это мне поможет. Я подумала, что, наверное, могу спрятаться в охотничьем домике Тома в лесу.

Я уже прошла мимо темного парка, как путь мне преградили двое мужчин в белом.

Я была готова бежать. Бежать или отбиваться. Но мужчины не двигались с места. Они просто смотрели на меня, скрестив руки.

Я слишком поздно почувствовала запах человека, который подходил ко мне сзади.

Меня ударили прямо в левый висок.

Я без сознания повалилась на землю.

Открыв глаза, я увидела скамейки, качели, деревья. Я была в парке.

Вокруг меня стояла дюжина мужчин в белом. У них даже не были закрыты лица. Я узнала полицейского, которого видела тогда в отделении. Потом я увидела Фреда: у него все лицо было в шрамах от моих когтей. Мужчины молчали и просто сверлили меня взглядом.

Я попыталась шевельнуться и поняла, что меня связали.

Закричать я тоже не могла: во рту был кляп. А кричать мне очень хотелось, уж поверьте.

Меня приподняли двое мужчин. Я попыталась их ударить, но это было невозможно.

Я гадала, что они станут со мной делать. Если бы они хотели сдать меня полиции, то уже давно бы так поступили. Нет, я чувствовала, что они задумали что-то другое.

Они оттащили меня под высокий бук.

Ко мне подошел полицейский, а двое других мужчин поддерживали меня. Фред тоже приблизился ко мне. Его губы, нос и правая щека были исцарапаны. Он улыбнулся, и на его лице будто появился еще один шрам.

Полицейский засунул руки в карманы и, не глядя на меня, сказал:

— Знаешь, у меня была охотничья собака. Молодой, немного дурной бордер-колли. Я его очень любил. С ним было непросто, как и со всеми молодыми собаками. Но я был уверен, что смогу его выдрессировать. Что у меня получится. Я прекрасно в этом разбираюсь. Я выдрессировал целую кучу собак. Я провел с ними сотни часов. Сидеть, стоять, лежать, и все в таком духе. Но тот пес не хотел меня слушаться. Поэтому мне пришлось пойти на крайние меры. Я этого не хотел, но это было необходимо, чтобы заставить его меня уважать. Палка, цепь, удары и все прочее. Но пес был упрям. Он никак не хотел делать то, что я приказывал. И вот однажды у него, видишь ли, сорвало крышу. Он набросился на меня и попытался меня укусить. Богом клянусь, его челюсти сомкнулись у меня прямо перед носом. Он мне чуть щеку не оттяпал. Поэтому я сделал то, что должен был сделать. Взял ружье и всадил в него пулю. Я очень любил этого пса, но у меня не было выбора. Он не поддавался дрессировке. Это был бешеный пес. Опасная собака. Прикончить ее — единственный выход. — Полицейский ткнул в меня пальцем. — А ты очень похожа на того пса. Ты опасна. Достаточно увидеть, что ты сделала с этим парнем.

Фред, стоявший рядом с ним, кивнул.

Мне очень хотелось возразить, сказать, что полицейский неправ, и рассказать о том, что со мной

сделал Фред, но из-за кляпа я не могла произнести ни слова.

— Поболтать охота, а? — спросил мужчина. — Ты меня своими складными речами не возьмешь. Знаю я вас, зверюг.

Кто-то накинул веревку на одну из ветвей бука.

— Мы попытаемся тебя выдрессировать. Мы не поведем тебя на бумажную фабрику к остальным. А сделаем то, что нужно.

На конце веревки была петля.

Они молча надели ее мне на шею.

Я в ужасе замотала головой.

Больше я ничего не могла поделать.

Мужчины окружили меня со всех сторон.

Некоторые из них снимали все происходящее на телефон.

Фред тоже достал мобильник. Он направил его в мою сторону, и меня ослепил свет фонарика.

В воздухе повисло молчание.

Потом полицейский кивнул.

Кто-то схватил веревку.

Я подумала, что все кончено. Закрыла глаза, из которых от гнева лились слезы.

Вот и все.

Вот что мы имеем.

Вот чего достигло человечество.

Сейчас я умру.

И в этот момент откуда-то появились коты.

Несколько десятков. Их глаза плыли в темноте, словно светлячки. Было слышно, как они порываются, сидя на деревьях.

Мужчины застыли на месте.

— Что происходит? — пробурчал полицейский.

И тут я почувствовала запах. Еще до того, как увидела его обладательниц.

Запах десятка Кошек, которые бесшумно прятались в темноте.

Они рассеялись по всему парку.

Раздался чей-то звонкий, чистый голос:

— Отпустите веревку.

Удивленные мужчины завертели головами во все стороны.

На свет в сопровождении котов вышли девушки.

Среди них я узнала Фатию.

Они были совершенно голые.

У некоторых из них за спиной были рюкзаки.

— Отпустите ее. Сейчас же, — сказала одна из девушек.

Мужчины стояли в нерешительности. Они пытались оценить свои шансы. Они прекрасно понимали, что проиграют, если дойдет до драки. Мужчины, которые поддерживали меня, разжали руки, и вся банда бросилась бежать.

Я упала на колени.

Через несколько секунд мужчины исчезли в темноте.

Все, кроме Фреда.

Фатия крепко держала его за шею. Она улыбалась, обнажив клыки, а он был до смерти напуган. Фонарик его телефона рассеивал вокруг голубоватый свет.

Ко мне подошли Кошки. Они перерезали веревки и вытащили у меня изо рта кляп.

Я смогла выговорить еле слышное «спасибо». Больше я ничего не могла сделать.

— Все в порядке? — спросила меня Фатия.

Я кивнула.

Одна из девушек помогла мне подняться, и Фатия подтолкнула ко мне Фреда.

Я растирала ноющие запястья. Девушки неотрывно смотрели на меня желтыми глазами.

О мои ноги терлись два кота.

— Смотри, кто здесь, — сказала мне Фатия. — Кажется, вам нужно уладить одно дело, м-м?

Фред был весь белый как полотно. Из-за шрамов у него был еще более жалкий вид. Он, коварный соблазнитель, теперь был скорее похож на циркового уродца. В воздухе витал пьянящий запах его страха.

Фатия усмехнулась:

— Ну что, каково быть жертвой, а не охотником?

С этими словами Фатия вырвала телефон у него из рук. Она посмотрела на него несколько секунд и направила камеру на Фреда.

— Я все записываю. Ты хочешь что-нибудь сказать в свое оправдание?

Фред, ослепленный светом, забормотал:

— Я... я прошу... прощения.

— Слышишь, Лу? Он просит прощения.

Фред кивнул. Но я не двинулась с места.

— Он попросил прощения. Мне кажется, не совсем искренне. — Фатия повернулась к другим девушкам. — А вы как думаете, девчонки?

Кошки качали головами:

— Да, совсем неискренне.

Фатия подвела Фреда к высокому буку, и две девушки надели ему на шею веревку.

— Я скажу тебе, что я думаю, — сказала она, наклонившись к самому уху Фреда. — Я считаю, что если бы ты действительно сожалел о том, что сделал с Луизой, нашей сестрой, то тебя бы уже не было

на этом свете. Потому что на этом свете нет места для тебя или твоих дружков-охотников, а ты этого не понимаешь. Вы, мужчины, как динозавры. Вы исчезающий вид. Мы больше не станем терпеть все то, что вы заставляли нас выносить не одну сотню лет. Теперь мир принадлежит нам.

Фред молчал, он опустил голову. Думаю, он плакал. Вокруг него кругами ходили коты, словно тигры вокруг косули.

Фатия направила камеру на себя и, улыбаясь, повторила:

— Теперь мир принадлежит нам.

Ее глаза блестели, как две звезды. Она напоминала мне какое-то дикое мифическое существо без возраста, а ее слова звучали как пророчество.

В тот же миг две девушки потянули веревку, и петля вокруг шеи Фреда затянута. Он всхлипнул, и его подбросило вверх.

Несколько секунд Фред висел в полной тишине. Он отчаянно дергал ногами, а по его пунцовому лицу катились слезы.

Я должна была испытать что-то вроде удовольствия, глядя на его страдания.

Но это было ужасное зрелище.

Настолько ужасное, что у меня не было времени подумать.

Я прыгнула вперед и одним движением вырвала веревку из рук девушек.

Фред упал к моим ногам, словно мешок с грязным бельем. Он закашлялся, держась за горло.

Я повернулась к Фатии. Я думала, что она начнет возражать или накинется на меня, но она не двинулась с места.

Она, ухмыляясь, продолжала снимать.

— А ты все такая же, да?

— Зачем все это, Фатия? — спросила я. — Зачем нам его убивать?

Фатия пожала плечами:

— Тебе виднее Лу. Ведь это тебя изнасиловали.

Меня пробрала дрожь. Я посмотрела на Фреда, лежащего на земле.

— Я не хочу мстить, Фатия. Я хочу добиться справедливости.

Фатия покачала головой:

— Где ты видишь справедливость на этой планете? Они тебя чуть не повесили, Луиза! Мы ведем войну. Настоящую войну. И тебе придется выбрать, на чьей ты стороне.

Она швырнула телефон Фреда к моим ногам.

Девушки вокруг нас стояли неподвижно. Их глаза сверкали. В воздухе витал запах бензина, который я до этого не замечала.

Я снова взглянула на Фреда. Я видела его загнанный взгляд, его лицо, на котором мои когти навсегда оставили три глубокие борозды. Он прекрасно знал, что я могу сделать с ним все, что захочу. Но если я его убью, то превращусь в чудовище, в настоящее чудовище, которое куда хуже, чем он сам.

Я сделала два шага в сторону Фреда и подняла его телефон. Я остановила запись видео и в несколько кликов разослала ролик всем его контактам, добавив подпись: «Не забудем, не простим». Он так же поступил с нашей общей фотографией в тот вечер, когда произошла авария. Вот только теперь все было по-настоящему. Теперь все узнают, кто Фред на самом деле и что он совершил.

Запустив рассылку, я бросила телефон на землю и повернулась к Фреду:

— Вставай и уходи.

Он подобрал свой мобильник и поднялся, стараясь не смотреть на меня.

Я добавила:

— Если ты еще раз поднимешь руку на девушку, я тебя убью.

Он кивнул и, покачиваясь, пошел прочь. Все Кошки смотрели ему вслед.

Ко мне подошла Фатия. Нельзя сказать, что она была настроена враждебно. Она не понимала, почему я так поступила. Будь она на моем месте, то не раздумывая повесила бы Фреда.

— Луиза, ты никогда не изменишься, да?

— Я уже изменилась. И теперь я знаю, чего я хочу, а чего — нет.

Фатия кивнула:

— Ты никогда не задумывалась, что мы стали такими из-за них? Из-за мужчин?

Я ничего не ответила.

— А вот я, — продолжала Фатия, — я уверена, что Мутация — это реакция на все то, что они с нами делали. С незапамятных времен.

Вдалеке раздался вой сирены.

— Фатия, надо уходить, — сказала одна из девушек.

— Куда вы пойдете? — спросила я.

— Мы не знаем. Полиция разрушила наш лагерь. Мы услышали по радио выступление Савини и пришли в город, чтобы спасти как можно больше девушек.

— И много их осталось?

— Думаю, что нет. Они почти все там, на заводе. А ты куда пойдешь?

— У отца Тома был охотничий домик на горе. Там сейчас никого нет.

Я объяснила Фатии, где именно находится домик, и предложила пойти со мной.

Она пожала плечами:

— Знаешь, сельская жизнь не для меня. И к тому же у нас осталось еще одно дельце.

— Вам для этого нужен бензин? Это он у вас в рюкзаках?

Фатия улыбнулась:

— Ага. Мы подождем «Аврору».

— Это подобно самоубийству.

— Мы еще посмотрим.

— Ты думаешь, это что-то изменит?

Фатия промолчала.

К нам приближались мигалки.

Мы попрощались, стоя посреди парка.

— Удачи, Фатия.

Она хищнически улыбнулась мне в ответ:

— Прощай, Лу. Прощай.

Я добралась до домика к полуночи. Я была совсем без сил.

Дверь домика хлопала на ветру.

Туда, наверное, заходил дикий зверь: стол был опрокинут, а в углу комнаты виднелась кучка фекалий.

Я даже не стала разводить огонь, у меня на это не было сил.

Я улеглась на скамейку, закуталась в накидку и погрузилась в беспокойный сон.

Мне снилось, как какие-то несуразные существа танцуют вокруг костра. В костре были мужчины. Они горели. И никак не могли догореть до конца.

Меня разбудил шум мотора.

Я выглянула в окно.

Кто-то ехал в сторону домика.

Одна фара, желтая, как луна, треск, как от старой кофемолки, — сомнений быть не могло, это мопед Тома. Который его отец так и не починил.

Я вышла из домика. Том резко затормозил и чуть не свалился с мопеда.

Он снял шлем.

— Луиза! Я тебя везде искал!

Я молча бросилась в его объятия и поцеловала его.

Я была счастлива увидеть Тома вновь. После всего, что случилось, я словно вынырнула из воды и вдохнула полной грудью. Я заплакала, прижавшись к нему.

Я рассказала ему о том, что произошло с Сарой, о том, как мне помог месье Бланше, о том, как мяукал Уголек, благодаря которому я нашла запасной выход, о Патрисии и Сати и, наконец, о том, как меня чуть не повесили в парке.

— Они все с ума посходили, — подтвердил Том. — Я смотрел новости, во всех городах происходит то же самое. Савини приказал арестовать всех Кошек. Я было поехал к тебе, но к дому не подобраться: перед ним стоит полицейская тачка. Поэтому я отправился искать тебя по городу. Но тебя нигде не было, так что я решил, что, возможно, найду тебя здесь.

Мы долго-долго целовались, а потом вернулись в домик.

Мы разожгли огонь в старой печке.

— Теперь ты в безопасности. Я привезу тебе еды и питья. И одеяла.

В печи потрескивал огонь, нам становилось тепло.

Том протянул мне свой мобильник, и я позвонила папе.

Он ответил после первого гудка, словно уже несколько часов держал руку на трубке.

— Лу, ты в порядке?

— Все хорошо, пап, не волнуйся.

Я сказала ему, что я в безопасности и что со мной ничего страшного не произошло, но, конечно, дела обстояли совсем не так.

— А как Сати, с ним все хорошо?

— Да, он спит. Он рассказал мне все, что с вами приключилось. Патрисия очень переживает... Она действительно хотела тебе помочь.

Мы помолчали. Потом я спросила:

— Что станет с девушками? Зачем их согнали на бумажную фабрику?

— Я не знаю. Савини что-то говорил о защитных мерах, об охране здоровья населения. В общем, всякую чушь. Все это плохо кончится, очень плохо.

— И ничего нельзя сделать?

— Те, кто защищает Кошек или помогает им, рискуют оказаться в тюрьме. Лига теперь у власти, и они творят все, что им угодно. Чрезвычайное положение, Лу.

— Знаешь, я думаю, что могла бы вернуться домой, если...

— Лу, — сказал папа, — тебе нельзя возвращаться в город. Ни в коем случае. Иначе тебя поймают и посадят под замок.

— Но... что мне делать?

— Том с тобой?

— Да.

— Отлично. Оставайся там, где ты сейчас. Том расскажет мне, как до тебя добраться. Я приеду как можно скорее. Вот только... у нашего дома постоянно дежурят полицейские. За мной следят. Я подумаю, как с тобой встретиться, хорошо?

Я ничего не ответила.

— Лу, я люблю тебя.

— А я тебя, папа. Я люблю тебя. Поцелуй Сати от меня.

Я повесила трубку.

Я ощутила огромную пустоту внутри себя.

Том обнял меня, и мы сидели, глядя на огонь.

Я прошептала:

— Фатия сказала, что идет война. Между ними и нами.

— Между ними и нами? Она ошибается, Савини поддерживают далеко не все.

— И не все Кошки хотят войны.

Я рассказала Тому, что среди мужчин, напавших на меня в парке, был Фред и что Фатия надела ему петлю на шею.

— Все, что я пережила, — его вина. Но маму не вернуть, и прошлое стереть невозможно. Не было никакого смысла его убивать. Абсолютно.

Том молчал.

Я рассказала ему о догадках Фатии. О том, что Мутация — это некий ответ на жестокость мужчин.словно в Кошек нас превратили какие-то боги, поэтому что пришло время взять реванш.

— Она, может быть, права, я не знаю. Но я уже говорила ей, что раз Кошки — сестры, значит, у нас могут быть и братья.

Том согласился.

— Да, многие парни чувствуют, что Кошки им близки. Все, кто не могут найти свое место в этом мире. Да и потом... кто знает, может, Мутация распространится и дальше.

— Что ты имеешь в виду?

— Подумай, а что, если это только начало? Начало великой Мутации! Мы все покроемся шерстью. И парни, и девушки. Да и различий между парнями и девушками не будет. Будут просто Кошки. И мы изменим этот мир.

От этих слов мне стало смешно; я не могла представить, чтобы месье Бланше стал Кошкой. Это невозможно.

Но я была совсем не прочь изменить мир. Превратить его в нечто красивое, блестящее и новое.

— Знаешь, что так усложняет нам жизнь? — продолжал Том. — Стремление людей загнать друг друга в рамки: мужчины должны быть такими, а женщины сякими. Мой отец мыслил именно так. Мужчина должен быть сильным, смелым, суровым. Женщина должна быть красивой, нежной и заниматься детьми. Но это все полнейшая чушь. Это способ загнать нас всех, мужчин и женщин, в рамки. В крошечные прямоугольники.

— Так жить невозможно.

— Я бы не смог вернуться в свои рамки, — сказал Том, положив руку на живот.

— Ты прав, нам больше подходят круги, а не прямоугольники!

Том снова стал серьезным и добавил:

— Я согласен с Фатией, что прежде всего жертвами жестокости со стороны мужчин становятся женщи-

ны. Но есть и парни, которые страдают от нее, если не вписываются в рамки. Я об этом знаю не понаслышке. Я, сколько себя помню, ощущал себя скорее девушкой, чем парнем.

— Ты и девушка, и парень, и ты любишь парней, девушек и Кошек.

— Я тебя люблю, тебя!

— А я тебя. Потому что ты ужасно странный.

— Не страннее тебя! Знаешь, благодаря Кошкам я понял одну вещь: можно быть тем, кем ты хочешь. У нас есть право быть теми, кем мы хотим быть.

Я поцеловала Тома в шею.

— Это был бы хороший рекламный слоган, да?

— Да. Если бы нам было что продавать.

— Но у нас ничего нет.

Я протянула руки к огню.

— У нас есть только любовь. А продавать нам нечего.

Я прожила в охотничьем домике две недели. Просыпалась рано утром. На улице было свежо, озеро поблескивало.

Я вычистила весь домик. Плакаты с голыми женщинами сожгла в печке. Теперь на стенах висели только оленьи рога. Я нарвала свежего папоротника и устроила себе кровать, а Том помог мне собрать небольшую библиотеку. Я целыми днями читала и гуляла по тропинкам вокруг домика.

Меня опьяняли лесные ароматы. Я никогда не была близка к природе. Мы с родителями пару раз гуляли в лесу по осени — и все. Мне больше нравились

оживленное движение на главной улице, неоновые вывески магазинов, ухоженные деревья в парке. Еще два года назад я бы пришла в ужас от одной только мысли, что мне придется провести ночь в этом уединенном домике. Но теперь я чувствовала себя прекрасно. На своем месте. Меня восхищало буквально все вокруг: запах мелкой поросли, шуршание листьев, бледный свет луны холодными ночами, солнечные блики на поверхности озера, длинные черные рыбы, скользившие между светом и тенью. По утрам я поджидала лисиц, у которых была нора неподалеку. Иногда они подходили к домику, словно хотели проверить, не ушла ли незнакомка из их туалета. Я, наверное, казалась им очень странной. Как-то вечером я увидела большого оленя, который пришел к озеру попить. Он меня, конечно, тоже почуял, но не воспринял как опасность. Он спокойно стоял на берегу озера, а я любовалась им.

Теперь, когда я ощущала все по-настоящему, мне казалось, что лес и в самом деле живой и что я часть этого мира. Вопреки всему, что говорили Савини и его приспешники, Мутация не проклятие и не болезнь, даже наоборот. И это не способ взять реванш, как думала Фатия. Быть может, хромосома Т была признаком эволюции. Единственной возможностью выйти за рамки. Человек всегда стремился к тому, чтобы контролировать природу, контролировать все, что происходит с телом. Мутация же помогала нам по-другому взглянуть на наши тела, внешность, на наши отношения с окружающими и со всем миром.

Том приносил мне еду и свежие городские новости. Кошки сидели взаперти на бумажной фабрике, за ними следили вооруженные охранники. Том

как-то раз приходил к воротам завода. Девушки исхудали, у них был изможденный вид; они были одеты только в белые туники, на которых были написаны номера. Том принес им немного шоколада и пару одеял, но охранники его выгнали. Им было запрещено принимать пожертвования. Все это походило скорее на концентрационный лагерь, чем на карантинную зону. В течение нескольких дней к воротам фабрики то и дело подъезжали грузовики. Ревер и Лемуан контролировали все происходящее. Охранники разгружали машины. Том понятия не имел, что привозили в грузовиках, но было очевидно, что за стенами завода ведутся какие-то приготовления.

По всей стране происходило примерно то же самое: в заброшенных промзонах организовали лагеря для Кошек. Правительство настаивало, что это «карантинные лагеря», предназначенные для девушек, ожидающих лечения. Эти люди, как всегда, очень умело обращались со словами. Я прекрасно знала, что Мутация не болезнь и что никакого препарата против нее не существует.

С тех пор как в стране ввели чрезвычайное положение, в тюрьме оказалось множество Би и тех, кто сочувствовал Кошкам, а сами девушки все чаще становились жертвами агрессии. Некоторых из них прилюдно побрили. Несколько Кошек убили. Полиция смотрела на эти преступления сквозь пальцы. Когда Савини назначили министром внутренних дел, правительство приняло целый ряд законов. Продолжалось обсуждение закона, согласно которому Кошек должны были лишить человеческого статуса. Это был последний бастион, сдерживающий варваров. Если этот закон примут, нас приравняют к животным.

Том заезжал к папе: он купил мне мобильник. Это был единственный способ связи, потому что полиция непрерывно наблюдала за нашим домом.

Я звонила папе каждый вечер. Сати всякий раз спрашивал, когда я вернусь.

Папа был в отчаянии от всего происходящего. Я как могла пыталась его приободрить. Я рассказывала ему о красоте леса, о лисицах, об олене, об озере. Я сказала ему, что помню наши прогулки в лесу. Что это приятные воспоминания. И по папиному молчанию я поняла, что он расплылся в задумчивой улыбке.

В течение этих двух недель мы с Томом много разговаривали. С тех пор как началась Мутация, мы постоянно вращались в водовороте событий, и нам никак не удавалось обсудить будущее. Наше будущее.

Мы мечтали о том, что будет дальше. О том, что мы сделаем, и о том, чего делать не станем. О том, как мы будем жить по-нашему. Оставаясь такими же странными.

Когда мы с Томом лежали у озера, я начала составлять список:

- Отправимся в путешествие.
- В Нью-Йорк, как в «Ловце на хлебном поле».
- И еще дальше. Совершим кругосветное путешествие.
- На мопеде?
- Пешком. Ну или в фургончике. Запряженном лошадьми.
- Будем писать стихи. Прямо на асфальте.
- Напишем поэму длиной в три миллиона километров.
- На дорогах, на стенах заводов.

— На рекламных щитах, на серых стенах, на уродливых многоэтажках.

— Везде. Мы подправим отвратительную рожу этого мира.

Я кивнула:

— Да! Высечем из него улыбку.

— Словами, словно резцами.

— Вопьемся ему в затылок.

— Вырвем ему клыки.

— Заставим вернуть награбленное.

— Сведем его с ума.

— Будем ласкать его, пока он не заплачет.

— Ага. И снимем фильм, — продолжал Том. — Про нашу жизнь.

— На старую пленочную камеру. Можно взять папину.

— Ты будешь Красавицей. А я Чудовищем.

— Мы будем вне закона. Сумасшедшими. Бродягами!

— Никаких больше сумок и рюкзаков. Будем ходить голыми.

— Нам только и останется, что любить друг друга. Том поцеловал меня в шею:

— Будем читать ночами напролет. А днем спать.

— В полдень будем заниматься любовью.

— И в полночь.

— Будем пировать персиками в сиропе.

— Будем жадно наслаждаться губами друг друга.

— И жить наоборот.

— А горбатиться на работе?

— Нет. Горбатиться не будем. Но будем делать разные интересные вещи.

— Но не слишком много.

Я подумала о своих планах стать журналистом и добавила:

— Будем делать разные вещи, потому что они имеют смысл. Но так, чтобы не было ощущения, что мы работаем.

— Будем жить, одним словом.

— И никогда не соглашаться на то, чего мы не хотим.

Нам было совершенно ясно одно. Мы будем рядом, пока любим друг друга. Мы никогда не поступим как взрослые. Не будем оставаться вместе по привычке, от скуки или от страха. Это казалось нам очевидным.

Мы поклялись в этом друг другу, сидя на берегу озера.

Я сказала:

— Если однажды ты поймешь, что твое сердце при виде меня больше не начинает биться быстрее, беги. Сразу же. Со всех ног. Не оглядываясь. Или я тебя убью.

— Если однажды ты поймешь, что у тебя внутри больше ничто не вздрагивает, когда я прикасаюсь к тебе, столкни меня в это озеро. Скорми меня рыбам. Сделай так, чтобы я исчез, забудь меня.

Я спросила:

— Клянемся?

— Клянемся.

— Мне плевать на ад и рай, говори правду или умирай.

— Чего?

Я поцеловала Тома:

— Рыжая так говорит.

— И что это значит?

— Что боги и демоны — это мы. Что наша жизнь — здесь и сейчас. А не завтра, не где-то далеко.

Том повторил за мной:

— Мне плевать на ад и рай, говори правду или умирай.

Я резко вскочила на ноги.

— Пойдем купаться!

— Купаться?

Я повернулась к озеру.

— Ну да. Я же русалка. Ты не знал?

Том встал и развел руками.

— Но... как же твоя шерсть?

Я пожала плечами:

— Высохнет. Как и твои шмотки.

И я тут же прыгнула в воду, потянув Тома за собой.

От ледяной воды у нас перехватило дыхание.

Я прижалась губами к губам Тома, чтобы его согреть.

— Ты знаешь, что русалки околдовывают мужчин... прежде чем сожрать их?

— Ты ненормальная.

— Но мы живы!

Как-то утром я возродила свои социальные сети. После аварии я закрыла все аккаунты. Увидев фотографию своего профиля, я мысленно перенеслась на два года назад. Детское лицо, светлые волосы и поза, подсмотренная у кого-то из звезд реалити-шоу. Глядя на эту фотографию, я поняла, как сильно изменилась моя жизнь.

Я сделала селфи на фоне озера — на фотографии были прекрасно видны все особенности моего нового тела — и начала писать. О, казалось бы, мелочах, от которых у меня было так тяжело на сердце. О жизни в лесу, в котором я прячусь. О любви к Тому. В ответ я получила не только оскорбления и призывы немедленно сдаться полиции, но и слова поддержки.

Мне было важно говорить во всеуслышание. Выйти из молчания, в которое нас загнали. Через несколько часов мои аккаунты заблокировали. Цензура была настороже. Я завела новые странички. Один за другим появлялись #ЯЛуиза, #ЯЛуиза2, #ЯЛуиза3.

На мои аккаунты изредка подписывались Кошки. Постепенно они заводили все больше и больше профилей. Получилось что-то вроде цепной реакции. Мы больше не могли выходить на улицу, но те Кошки, что сидели в укрытии, понемногу захватывали социальные сети. Мы все рассказывали о нашем быте в подполье, о наших страхах, мечтах и надеждах. О вещах, близких каждому человеку. О чем-то очень простом и знакомом всем людям. Мы показывали, что не имеем ничего общего с тем, какими нас пытаются изобразить Лига, правительство и вся официальная повестка. Я выставила несколько снимков, на которых мы с Томом обнимаемся, и это вызвало поток комментариев.

Через некоторое время об этом заговорили СМИ. Хотя правительство и блокировало аккаунты Кошек, оно не могло заставить нас замолчать. В сети публиковали отрывки наших публикаций с комментариями экспертов. Некоторые из них рассуждали, правильно ли поступил Савини, решив запретить всех Кошек. Могли ли мы быть уверены в том, что Мутация — болезнь? Правда ли, что те, кто ей подвержен, опасны для общества? Ответ со стороны правительства не заставил себя ждать. Сочувствующие Кошкам эксперты отправились в тюрьмы вслед за Би. Наши профили продолжали блокировать, но мы создавали новые.

Как-то раз, когда ко мне приехал Том, мне показалось, что он взволнован.

Когда я спросила, что случилось, он вытащил из-под кофты газету и положил ее передо мной.

На первой странице большими буквами было написано: «Борьба с террористками».

Под заголовком была фотография, на ней — тела, лежащие на бетонной плите.

— Это группа Фатии. Два дня назад они попытались проникнуть на завод. Они клещами вырвали из ограды несколько прутьев. Думаю, они хотели вызволить Кошек из лагеря. Но их заметил охранник. Произошла перестрелка... Полиция выследила девушек, и вчера их нашли на заброшенном складе в промышленной зоне. Полицейские даже не попытались вести переговоры, а сразу пошли в атаку. Большинство девушек казнили на месте.

Я напрасно всматривалась в фотографию: лиц я разглядеть не могла.

— А Фатия? Ее... ее тоже убили?

— Не знаю. В статье сказано, что двум или трем Кошкам предположительно удалось скрыться.

Мне потребовалось время, прежде чем я решилась прочесть статью.

Это был набор клише и всяких глупостей.

Создавалось впечатление, что статью написал один из членов Лиги. Девушек в ней называли террористками и дикими зверями, которые жаждут крови. В статье не было ни слова о том, кем они были, ни слова об их жизни. Уточнялось, что трупы девушек кремируют, а прах захоронят в общей могиле.

Думаю, именно в тот момент я решила, что нас должны услышать как можно больше людей. В газетах и соцсетях невозможно рассказать историю чьей-либо жизни.

Тогда-то я впервые подумала о вас.

О вас, писателе.

Я не читала ваших книг, но ваше имя мне было знакомо.

Я слышала его в тот вечер, когда произошло покушение на Савини. О вас говорили как об отце Камий, девушки, которая подожгла себя во время общенационального митинга Лиги.

Я ничего не знала ни о вас, ни о ваших взглядах. Быть может, ваша дочь принесла себя в жертву, потому что вы от нее отвернулись.

Только не обижайтесь. Но мне ничего не было известно о вас. Так что и такая версия представлялась возможной.

Я немного поискала и нашла статью, которую вы написали после смерти Камий. В ней вы обвиняли Савини и правительство в том, что они воспользовались отчаянием Кошек, чтобы завладеть властью. Вы описывали Камий как несколько мечтательную девушку, идеалистку, которая ужасно страдала от всего, что ей пришлось пережить с начала Мутации. Она вовсе не была фанатичкой, как о ней писали в СМИ. Вас ужасно раскритиковали за эту статью, обвиняли в том, что вы поддерживаете терроризм. После этого вы перестали писать, по крайней мере больше ничего не издавали. Казалось, что и вы исчезли навсегда.

Мне удалось найти ваш электронный адрес. Я долго сомневалась, но потом рискнула написать вам с предложением встретиться.

Мне казалось, что если вы согласитесь написать о Кошке — неважно, обо мне или о другой девушке, — то люди поймут, какие мы на самом деле.

К сожалению... все пошло совсем не так, как я задумала.

Мы с Томом занимались любовью. А теперь дремали, прижавшись друг к другу под одеялом. В печке потрескивал огонь, а на улице все было белое от инея. Нам было очень хорошо. Мне казалось, что мы перенеслись на несколько недель назад, когда мир еще не потонул в пучине хаоса и безумия. Том выбирал книгу, чтобы почитать мне вслух, как вдруг у меня шерсть встала дыбом. Это сигнал. Тревога.

— Что происходит? — спросил Том.

— На улице кто-то есть. С собаками.

Том нахмурился:

— Ты уверена? Я ничего не слышал.

— А слышать и не надо. Я их почувствовала. Они еще далеко, но идут в нашу сторону.

— Может, это просто охотники?

— Возможно. Но они все равно не должны меня увидеть.

Мы поскорее оделись и вышли на холод. Я не взяла с собой накидку, она могла помешать мне, когда придется убегать. Заросли папоротника были усеяны кристаллами инея. Вокруг царило спокойствие. Вдруг из леса донесся собачий лай. Раздались крики:

— Сюда!

Это были не охотники. Эти люди искали меня.

— Как они нас нашли?! — недоумевал Том.

Тогда я вспомнила про телефон. Думаю, что полицейские все-таки выследили меня по публикациям в интернете и теперь пришли арестовать.

— Наверное, это моя вина. Тебе пора уходить.

Том покачал головой:

— Даже не думай! Я останусь с тобой!

Я вернулась в домик и засунула в сумку пару вещей.

— Что ты делаешь?

— Я спрячусь в лесу. Это мой единственный шанс.

А тебе нужно уходить.

Том взял меня за плечи:

— Нет, Лу. Я не оставляю тебя одну...

Я погладила его по щеке:

— В лесу я справлюсь сама. Я могу делать то, что тебе не под силу. Мне очень жаль, но это так.

— Лу, я пойду с тобой, — повторил Том.

Теперь я ясно слышала голоса, доносившиеся снаружи. Нужно было уходить, поэтому я сдалась.

— Хорошо. Пойдем.

Мы побежали в глубь леса за домиком. Я хорошо знала эту местность. У нас были все шансы уйти незамеченными.

Я свернула на тропинку, которая поднималась к вершине горы, и мы остановились у каменистой гряды, возвышавшейся над озером. Мы были прямо над домиком. Через несколько минут из леса на поляну вышло с десяток человек. Среди них были полицейские в полном обмундировании и несколько мужчин в камуфляже. Скорее всего, местные охотники. У каждого за спиной было по ружью, а трое из них держали на поводках немецких овчарок.

— Мы можем спрятаться здесь, — предложил Том.

Я замотала головой:

— Нет, это бессмысленно.

Если бы не собаки, мы могли бы остаться там. Есть множество фильмов и романов, в которых герои отрываються от стаи собак, присыпав свои следы перцем, сняв обувь или переплыв водоем. С тех пор как началась Мутация, я знала, что все это бесполезно.

Запахом управлять невозможно. А запах Кошек — совершенно особенное явление. Собака замечает его так же легко, как человек светящуюся фару в темноте. Вот и тогда псы учуяли меня довольно быстро. Одна из овчарок встала в стойку и залаяла в сторону леса. Она взяла наш след.

Я прошептала Тому:

— Пойдем скорее, нужно искать другое место.

Мы могли скрыться от них только одним способом: уйти как можно дальше и заставить их выбиться из сил. Через час погони собаки устанут, и облава закончится. Я могла продержаться это время. Оставалось понять, выдержит ли Том такой марш-бросок по горам.

Мы стали подниматься к самым вершинам. Склон был крутой, на нашем пути то и дело возникали густые заросли и засохшие деревья. Я даже не пыталась петлять, чтобы запутать след. Нам было важнее уйти как можно дальше.

Я слышала собак за нашими спинами. По нашему следу они дошли до гряды. Мы поднимались все выше и выше. Лес здесь был темный и густой. Время от времени у нас под ногами хрустели сухие ветки. Испуганные птицы отчаянно били крыльями и оглушительно кричали при нашем приближении.

Тому было очень тяжело. Он спотыкался, задыхался, цеплялся за колючие кусты. Мне не единожды приходилось протягивать ему руку, чтобы помочь.

— Прости, Лу.

— Ничего, мы справимся.

Через пятнадцать минут такой гонки мы вышли на небольшое гранитное плато, на котором совсем не было растительности. Там стояла каменная хибарка

с металлической крышей, в которой раньше, видимо, жил пастух. На западе виднелись разрушенный загон для скота и бескрайнее пастбище с блестящей от инея травой. На востоке — заросшая кустарником тропинка. Выше над нами — еще один ряд стройных черных елей, а за ними — только отвесные скалы и заснеженные вершины.

Том, согнувшись пополам, пытался перевести дух.

Я почувствовала в воздухе запах собак. Скоро они будут здесь.

— Том, ты пройдешь вот здесь, — сказала я, показав на загон для скота. — А я пойду дальше наверх.

— Ни за что. Я пойду с тобой.

Я подошла к нему поближе.

— Так у нас ничего не выйдет.

Это было очевидно. Том был слишком медленным, слишком неуклюжим. Я была в два раза быстрее него. Я вспомнила, как еще несколько месяцев назад мне приходилось опираться на перила, когда я поднималась по лестнице дома. Теперь же ничто не могло меня остановить. После нашего марш-броска у меня едва сбилось дыхание.

— Собаки будут идти за мной, но им не удастся меня поймать. Я быстрее, чем они. Мы встретимся у озера сегодня вечером.

Том недовольно скривил рот, но я не дала ему времени на возражения.

— Я люблю тебя.

Я поцеловала его в губы и побежала к виднеющимся наверху елям.

Мне не хотелось оставлять его одного, но это был единственный способ уйти подальше от преследователей.

Я была уже у кромки леса, когда почувствовала, что собаки совсем близко.

Обернулась.

Внизу на расстоянии ста метров из чащи на плато выбежали две собаки. Я выругалась сквозь зубы. Том был чуть дальше, неподалеку от загона для скота. Он тоже обернулся.

Собаки топтались на месте, они обнюхивали наши следы, пытаясь понять, куда мы побежали. Одна из них повернула морду в мою сторону. Мне очень повезло с ветром: псу было нелегко различить мой запах, но я знала, что это всего лишь вопрос времени.

Том принялся кричать и размахивать руками во все стороны. Он хотел привлечь внимание собак, дать мне возможность убежать.

Я сжала кулаки.

Собаки вскинули головы и, не думая, бросились на Тома.

Том побежал к пастбищам, но он был слишком медленным. Еще немного, и его разорвут на мелкие кусочки.

Услышав, что Том взвыл, я, подгоняемая гневом, ринулась по склону вниз. Том упал на землю. Одна из собак остервенело вцепилась в его левую ногу. Вторая пыталась схватить его за горло.

Я зарычала и бросилась на второго пса.

Овчарка, истекая кровью, повалилась на бок.

Вторая собака отпустила Тома и прыгнула на меня.

Я отскочила от нее и ударила локтем по голове. Пес заскулил и без сознания упал на землю.

Тут очнулась вторая собака с окровавленной мордой. Она, порывая, стояла напротив меня. Из-под ее рассеченных губ виднелись желтоватые клыки.

— Лу, осторожно, — прошептал Том.

Из-за деревьев выскочила третья овчарка, которая выслеживала нас через весь лес. Она встала рядом со второй.

Теперь вокруг нас ходили две собаки. У них были прижаты уши. Им никогда не приходилось иметь дело с таким существом, как я. Несмотря на годы дрессировки, на беспрекословное подчинение хозяевам, они не понимали, как поступить: атаковать или отступить.

Я глубоко вздохнула. Отогнала от себя страх и гнев. Я стала спокойнее горного ручья, спокойнее облаков, плывших по небу, спокойнее инея, покрывавшего пастбище.

Я выпрямилась в полный рост, опустила руки и развернула ладони к небу. В знак мирных намерений.

Одна из собак перестала рычать и с удивленным видом наклонила голову.

Через несколько секунд она облизала свою израненную морду и уселась на землю. Вторая собака втянула носом запах моего тела и почесала левое ухо.

Я очень медленно опустилась на колени и протянула овчаркам руки. Они подбежали ко мне, чтобы я их погладила.

Я уткнулась носом в их шерсть.

— Вот так, все хорошо, все хорошо.

Собаки, успокоившись, завияли хвостами.

И в этот момент на плато раздался чей-то голос:

— Так-так. Вот мы тебя и нашли, грязное животное.

Я подняла голову.

Полицейские и охотники держали меня под прицелом.

Один из них пинками отогнал от меня собак.

Том с окровавленной ногой мотал головой, пока ему надевали наручники. Охотники стали издеваться над ним:

— Теперь понятно, почему твой отец сбежал: с таким-то сыном!

— Тем лучше, — ответил им Том с вымученной улыбкой.

Один из мужчин так сильно ударил Тома кулаком, что тот повалился на землю.

Я крикнула:

— Том!

Но больше я ничего не могла сделать: стоя под прицелом, я понимала, что полицейские только и ждут повода, чтобы выстрелить.

Том с разбитым носом лежал на земле.

Я вспомнила, как Фатия сказала мне: «Том тебя предаст». Она ошиблась. Том не предал меня. Меня поймали только потому, что я хотела его спасти. Ведь однажды он спас меня от самой себя.

Я в сопровождении полицейских спустилась по склону, а Тома несли двое мужчин. Нос и нога у него были в крови. Нас затолкнули в две разные машины. Один из полицейских пророчил Тому несколько лет тюрьмы. А меня пообещали выдрессировать.

То, что я сейчас скажу, покажется вам невероятным.

И я знаю, что в это трудно поверить.

Вы ведь тоже видели кадры, сделанные в этих лагерях, в «центрах “Аврора”», как их называют. Их обычно устраивали в заброшенных промзонах. Там живут

послушные, сытые девушки, которым предлагаются занятия по этике, по развитию гражданской позиции и еще масса различных мероприятий, откуда не изобретут лекарство от «болезни». Это все сфабрикованные репортажи.

Савини поступил очень хитро. По всей стране в лагерь переоборудовали десятки старых заводов. Кошек заперли подальше от людских взглядов за решетками и заборами там, где раньше трудились рабочие. Так, говорил Савини, мы воздаем должное памяти предков. Савини считал, что Темные — необразованные дикарки. Поэтому необходимо было показать им, что в нашей стране существуют ценности, которые нужно чтить. И лучший способ научить этому Кошек — погрузить их в славное, но не слишком далекое прошлое.

На самом же деле в стране было недостаточно тюрем, чтобы поместить туда всех нас, да и так можно было заставить людей забыть о безработице и закрывающихся заводах.

Савини, как и все великие диктаторы, был невероятно предприимчив.

Я села на кровать с номером 113 и посмотрела вокруг.

Голые серые стены, разбитые окна, сотня кроватей, шершавые одеяла и тошнотворный, всепроникающий запах целлюлозы. По помещению расхаживали девушки. У них у всех был усталый вид. Вдалеке был слышен глухой гул мотора, и я задумалась, что это может быть.

Лагерь занимал львиную долю бывшего завода. На входе у меня забрали все имущество: телефон и одежду. Мне снова пришлось пройти осмотр, а потом мне выдали белую тунику. На груди и на спине был напечатан мой номер: 113. Нигде не упоминались ни мое имя, ни фамилия. Я не была для них Луизой, я была номером. Просто 113.

Я спросила у охранницы, стоявшей у входа, могу ли я позвонить отцу. Она ухмыльнулась и ответила: «Посмотрим на твое поведение, крошка». Меня отвели в общую спальню, которую обустроили в ангаре. Вдоль решеток стояли охранники с оружием в руках.

Я подумала о Томе. Он сейчас, должно быть, сидит в камере.

Я чувствовала себя одинокой, потерянной. Я бы все отдала, чтобы оказаться рядом с ним.

Раздалась сирена, и все Кошки вышли во двор.

Одна из отстающих сказала мне, проходя мимо моей кровати:

— Поторопись, 113, а то останешься голодной.

Я пошла за ней к выходу.

По пути мы встретили полсотни изможденных Кошек, выходивших из другого здания.

— Что происходит? — спросила я у одной из девушек.

— Ты новенькая, что ли?

— Да. Меня только что привезли.

— Ты все узнаешь. Добро пожаловать в рай Савини, 113.

Мы двумя длинными колоннами вошли в здание напротив. Это было огромное серое помещение, заставленное швейными машинками и заваленное тканью. Я не сразу поняла, зачем здесь все это.

Кошки одна за другой садились за свои машинки. Со своего места я видела только их спины в белых туниках с напечатанными номерами. Бесконечные ряды чисел.

В глубине зала на небольшом возвышении стояла женщина в белом, окруженная военными. Я ее узнала. Это была Кэти, та, что устроила нам экскурсию по «Авроре».

— Девушки, — сказала Кэти одновременно сильным и нежным голосом, — как и всегда, напоминаю вам, что вы находитесь здесь, чтобы предотвратить распространение среди населения болезни, носителями которой вы все являетесь. Эта защитная мера введена ради вашего собственного блага, а также ради безопасности ваших близких и всех наших сограждан. Прямо сейчас ученые денно и ночно работают над созданием лекарства, которое позволит вам вернуться в общество. Конечно, такая забота и помощь имеют свою цену. Вам обеспечили жилье и питание, ради вас задействовано множество персонала — все это не бесплатно. Девушки, вы тоже должны внести свою лепту в общее дело. Вы молоды, быстры, в прекрасной форме. Приступая сегодня к работе, помните, что вы участвуете в мощном общенациональном порыве! Желаю вам хорошего дня!

Как только Кэти замолчала, в цеху зашумели моторчики и неистово застучали иглы. Кошки не покладая рук работали за швейными машинками. Кэти с довольным видом ушла.

Я была потрясена.

Так вот какие лагеря создал Савини. Лечением или карантином здесь и не пахло. Это был всего-навсего... трудовой лагерь.

После двух недель, проведенных в горах, шум машинок был для меня настоящей пыткой. Не могло быть и речи о том, что я стану работать на Лигу. Я единственная осталась стоять, так что меня очень скоро заметил охранник, который направился ко мне с дубинкой в руке.

— Что ты делаешь, 113?! А ну садись!

Он указал мне на свободную машинку.

Я замотала головой.

— Эй, 113, — сказал кто-то у меня за спиной. — Не теряй времени, принимайся за работу.

Я обернулась и увидела Рыжую. Мне захотелось подбежать к ней и обнять ее, но она покачала головой.

Она помахала охраннику:

— Все в порядке, я о ней позабочусь. Она новенькая!

Охранник поджал губы.

— В ее интересах научиться всему как можно быстрее.

Рыжая повела меня к машинке. У нее на спине был номер 86.

— Садись. Ты умеешь шить?

Я пожала плечами:

— Э-э-э... Скорее нет, чем да.

— Нужно научиться, сестра, иначе тебя не будут кормить. Я тебе покажу.

Я села за машинку. Рыжая взяла кусок белой ткани и объяснила мне, как нужно шить.

— Ты давно здесь? — спросила я.

— После Марша Кошек они привезли меня сюда вместе с другими девушками, у которых нет родителей или документов. Нас обвинили в нападении на ту девчонку из Лиги.

Рыжая, конечно, говорила о Морган.

— А где Фатия? Ты что-нибудь про нее слышала?
Я читала статью в газете.

Рыжая скривилась:

— Да, она как-то попыталась пробраться на завод. Тут стреляли со всех сторон. Но больше я ничего не знаю.

К нам подошел охранник и недоверчиво покосился на нас:

— 86, ты чем тут занимаешься?

Рыжая хлопнула меня по плечу:

— Давай, 113, соберись, у тебя складки на ткани!

Через несколько минут Рыжая прошептала мне:

— У Фатии и ее команды ничего не выйдет. Но мы все равно победим.

— Каким образом?

— А ты не догадываешься, что мы делаем прямо сейчас?

Я опустила глаза на швейную машинку. Нет, я догадывалась только о том, что мы находимся в рабстве у Савини.

Наш разговор прервал охранник:

— Ну все, она и сама неплохо справляется. 86, возвращайся на свое место!

Рыжая похлопала меня по спине:

— До скорого, 113!

Я работала до самого вечера.

Это было утомительное и даже отупляющее занятие.

Мне так осточертел шум, стоявший вокруг, что я не могла думать ни о чем другом. Ни о папе, ни о Сати, ни о Томе.

Когда я вышла из цеха, было уже темно. Я пошла за толпой девушек к полутемной столовой. В воздухе

стоял запах капусты и прогорклого сала. Охранники выстроили нас в колонну, а очередь двигалась в порядке возрастания номеров. Повар выкрикивал номера, и девушки получали миску с едой и кусок хлеба.

Мой номер называли почти в самом конце. Суп в миске был не прозрачнее мыльной воды, а хлеб уже давно зачерствел.

Я была без сил и рухнула на ближайшую скамейку. Некоторые девушки перешептывались, но большинство из них слишком устали и молча хлебали суп, склонившись над мисками.

Рядом со мной села Рыжая.

— Ну что, сестра, нелегко нам приходится, а?

— И так каждый день?

— Ну да, мы постоянно работаем. Кроме воскресенья.

Рыжая объяснила мне, как все устроено в лагере. Мы должны были работать с рассвета до вечера. В цеху за нами постоянно следили десять вооруженных охранников. По другим помещениям было расставлено около двадцати охранников: во дворе, в спальне, в душевой и в столовой. У каждого из них были дубинка, автомат и электрошокер. В «свободное» время делать было особо нечего: оставалось либо спать, либо бродить по двору. Книги, телефоны, музыка, рисование и игры были под запретом. А еще нам было запрещено разговаривать с людьми, которые иногда приходили к решетке, чтобы узнать, как обстоят дела у девушек. Дни были наполнены работой и скукой, которые перемежались очередями в столовую или в душ. Кормили два раза в день. В душ пускали раз в два дня. Воскресенье было днем свиданий для Кошек, у которых есть родители и кото-

рые хорошо себя вели. Поведение девушек оценивала Кэти, директор лагеря.

— И все молчат? Ты считаешь, что работать в таких условиях — это нормально?

Рыжая отправила в рот кусочек хлеба.

— А ты не знала, что заключенных в тюрьме заставляют работать? Так вот, двойное наказание существует уже очень давно. Взять хотя бы каторгу или исправительные дома. Тебя не просто сажают за решетку, ты еще и горбатишься забесплатно. Дешевая рабочая сила — дешевая продукция. Все только выигрывают от этого.

— Но... мы-то тут при чем?

— Думаешь, наше мнение кого-то волнует? Не хочешь подчиняться — отправляйся в карцер. Слишком много болтаешь — в карцер. Слишком медленно работаешь — в карцер. И это я тебе еще про избиения не рассказала. Кэти тебе не простит, если ты нарушишь правила.

Это была какая-то бессмыслица.

— Но откуда они достали столько машинок?

— Не знаю. Видимо, забрали с какого-нибудь завода, который закрылся. Ешь, а то остынет, в холодном виде это еще хуже.

Я без особого желания выхлебала суп и прожевала хлеб. У меня до сих пор тряслись руки в ритме вибрации иглы на швейной машинке. Мне хотелось только лечь и забыть об этом проклятом заводе.

Покончив с едой, мы пошли в холодную спальню.

Двор освещали натриевые фонари. У высокой решетки стояли вооруженные охранники, они внимательно следили за нашими передвижениями.

Я наклонилась к Рыжей:

— И отсюда еще никто не сбежал?

— Даже не думай, сестра. Отсюда невозможно выбраться. Даже Фатия со своей командой ничего не смогла сделать.

Мы вошли в общую спальню.

— А Сара? Я видела, как ее арестовали. Она здесь?

Рыжая не была знакома с Сарой. Я описала ее внешность.

— Нет, такой девушки здесь нет. Ложись, доброй ночи.

Я дошла до кровати с моим номером.

Девушки ложились спать, даже не снимая белые туники.

Свою я тоже не стала снимать. Я рухнула на кровать и погрузилась в сон так же быстро, как камень опускается на дно озера.

Я провела в лагере два месяца.

Я до сих пор вижу его в кошмарах.

Стук иголок. Руки в волдырях. Затекаящая спина. Болтовня Кэти. Крики охранников. Скрежет ключей в замочных скважинах. Вой сирены. Стоны по ночам. Фонарики охранников, совершающих обход. Шум подошв, ступающих по холодному бетону. Ледяная вода из душа. Вонючие туалеты. Кашель простудившихся девушек. Тошнотворный запах капусты. Драки. Решетки, к которым иногда в надежде посмотреть на нас прибегали дети. Одни и те же речи об усилиях, которые мы должны приложить. Словно эта изнурительная работа должна была нас очистить и вернуть нам, животным, дикаркам, нечестивицам,

Темным, человеческий облик. Прошло уже немало времени, но мне до сих пор все это снится. Я навсегда в какой-то мере останусь номером 113. Будто это число выжжено на моей душе раскаленным железом. Я перестала быть Луизой. Я стала номером 113, одним из множества других номеров в лагере. 113 — символ голода, холода, лишений и унижения.

Побег из лагеря казался чем-то невообразимым.

Почти вся территория завода была окружена высокой стеной с колючей проволокой и камерами. В некоторых местах вместо стены стояли решетки в четыре метра высотой. Перелезть через них было почти невозможно. Фатия попыталась. И потерпела неудачу.

Неподалеку от ворот располагались пост безопасности и домики, в которых жили охранники. О том, чтобы подойти к воротам и при этом не столкнуться с двумя десятками вооруженных мужчин, не могло быть и речи. Позади завода были еще одни ворота, к которым раньше подвозили грузы, но у них стояли только заброшенные ангары, так что и туда было не пробраться.

Слева от ворот находились административные здания. На втором этаже, где раньше располагалась дирекция фабрики, жила Кэти. Она никогда не покидала территорию завода. На первом этаже было несколько разных служб и душевые, а в самом конце коридора — комната для свиданий. В ней была дверь, которая вела за территорию завода и в которую входили редкие посетители. На двери был электронный замок. Магнитные карты, с помощью которых его можно было открыть, были только у охранников и у Кэти.

Чуть глубже во дворе были ангары, в которых обустроили спальни, душевые и столовую. Еще дальше — гигантское здание с цехом, в котором мы работали; оно было увенчано огромной дымовой трубой. Двери всех этих помещений запирали на замок всякий раз, когда мы входили или выходили из них. Охранники никогда не расставались с тяжелыми связками ключей, которые при ходьбе ударялись об их бедра.

Не было ни единого шанса сбежать.

Оставалось только самоубийство.

Но охранники были очень бдительны. В столовой были пластиковые миски и приборы. Ремни и шнурки у нас забрали, когда привезли в лагерь.

Мы были в западне.

Да и все равно мы были слишком измучены, чтобы попытаться что-либо предпринять. Некоторые девушки говорили, что в еду что-то подсыпают. Чтобы мы оставались спокойными. Чтобы отбить у нас всякое желание поднять мятеж. Нас и вправду было так много, что мы могли бы разорвать на мелкие кусочки всех охранников, хоть они и были вооружены. Да, скорее всего, в еду действительно что-то добавляли, но нам так хотелось есть, что выбора у нас не было.

Когда нас не заставляли работать, мы пытались отвлечься от скуки и усталости, прогуливаясь по голому двору, который насквозь продувался зимним ветром. Кто-то из девушек играл в крестики-нолики или в шашки прямо на пыльной земле. Остальные же довольствовались тем, что разглядывали город через огромную решетку.

Иногда до нас доносился сухой хлопок выстрела. К лагерю довольно часто приходили коты. Охранники ради забавы стреляли по бедным животным.

Им от этого было очень весело. Они хвастались своими подвигами друг другу по рации.

Но иногда случалось так, что котам удавалось пробраться за ограждение. Стены, решетки и пули не были для них преградой. Если кто-то обнаруживал во дворе кота, новость об этом распространялась с удивительной быстротой. Мы все собирались вокруг усатого и тщательно следили за тем, чтобы охранники его не заметили. Все девушки хотели погладить кота, словно существа мягче не было во всем мире. За протянутыми руками животное было почти не видно. Кот не пытался нам сопротивляться и закрывал глаза от удовольствия. Девушки, напротив, держали глаза широко открытыми. Им не хотелось пропустить ни секунды от встречи с котом. Они чуть слышно шептали ему: «Ты мой красавец. Ты мой сладенький. Какой ты хорошенький. Лапуля моя». Этот прилив нежности длился ровно до тех пор, пока не начинала выть сирена. Нам скрепя сердце приходилось выпускать кота из рук. Он уходил на другой конец двора и перелезал через решетку, а мы оставались с пустыми руками, которые еще хранили тепло кошачьей шерсти. Каждая из нас, покусывая губы, молилась про себя, чтобы кот поскорее вернулся, и каждая надеялась найти его раньше остальных. Первой запустить руки в его мягкую шерсть. Первой завести маленький мурчащий моторчик внутри кота.

Помню, как я впервые увидела папу и Сати после долгой разлуки.

Дело было в воскресенье. Воскресенье — день посещений. Родственники в комнате для свиданий ждали лишь немногих из нас. Думаю, большинство Кошек потеряли всякую связь с семьей. Были среди

нас девушки родом не из нашего города, некоторые приехали издалека. Их привезли к нам, потому что в их регионе такие центры были переполнены, так что посетители к ним приходили редко.

До административных зданий меня довел охранник. Мы прошли через несколько дверей, которые он открывал ключами из связки. Комната для свиданий располагалась в конце коридора, раньше это помещение использовали в качестве приемной. Это была светлая, хорошо обставленная комната. Тихая музыка, диванчики, книжный шкаф, горячие напитки для всех желающих, чистые туалеты. Когда я пришла туда из ангаров, мне показалось, что я попала в другой мир. В настоящий маленький рай, который так далек от нашей тюрьмы на заводе.

Когда я вошла в комнату для свиданий, в ней была Кэти. Она натянуто улыбнулась. Мне рассказывали, что Кэти в день посещений сидит в комнате для свиданий и что она всегда готова во всех красках расписать родителям успехи их дочери в «Авроре». На самом же деле она следила за нами. Нам было велено ничего не рассказывать об условиях жизни на заводе. Но было кое-что похуже: от постоянных нравоучений и проповедей, от издевательств и от крайней усталости некоторые девушки поверили, что они заслуживают такое обращение. Что общество поступает с ними таким образом ради их же блага. Они были убеждены: шерсть, покрывающая тело, резкие перемены настроения и беспомощное положение, в котором они оказались, — это что-то вроде божественного возмездия. Кэти и охранники часто ставили этих девушек нам в пример. Этим Кошкам полагался суп погуще, поэтому все другие девушки их ненавидели.

Я села на стул и стала ждать папу и Сати. Я неотрывно смотрела на железную дверь в глубине комнаты и не могла поверить, что за ней — свобода. Совсем близко. По ту сторону этой металлической пластины. Охранник вытащил магнитную карту, которую он носил на веревочке вокруг шеи, вставил ее в считывающее устройство, и дверь издала звук, похожий на вздох. Словно она испытала облегчение оттого, что наконец-то открылась.

Когда папа с Сати вошли в комнату для свиданий, охранник куда-то исчез, и их с широкой улыбкой на лице встретила Кэти:

— Добро пожаловать в «Аврору»!

Я не смогла усидеть на стуле и поспешила им навстречу, чтобы обнять.

Мы долго стояли, обнявшись втроем, и то смеялись, то плакали от радости. Я заметила, что папа постарел. Казалось, его лысина стала еще больше. Он, моргая, осматривал комнату, словно не узнавал место, в котором проработал столько лет.

Сати меня расцеловал. Он неплохо подрос и стал лучше говорить.

— Он теперь ходит к логопеду, — сказал папа, когда мы садились на диван.

— Логопеда зовут Шарль! — поспешил уточнить Сати.

Я взъерошила ему волосы.

Папа внимательно разглядывал меня с головы до ног. В честь свидания на мне была не униформа с номером 113, а просто безупречно белая туника из очень мягкой ткани.

— Лу, ты так похудела!

Я пожала плечами:

— Ну, я от этого не сильно страдаю.

Наш разговор подслушивала Кэти, сидевшая в кресле неподалеку. Я знала, что если скажу папе правду, то потом все будет только хуже.

— Тебе хватает еды?

— Да, не беспокойся.

— Где вы спите?

— В одном из ангаров. Там теперь общая спальня.

— С тобой здесь хорошо обращаются?

— Мы все помогаем друг другу, пап.

Папу было не так просто обмануть. Он наклонился ко мне поближе:

— Лу, мы сделаем все, чтобы вытащить тебя отсюда. Тебя и остальных девушек. Я присоединился к группе родителей, и мы наняли адвокатов. Найти их было нелегко, но те, что согласились нам помочь, искренне этого желают. Мы все надеемся на лучшее. Держись.

Сати вытащил пазл из коробки с игрушками, приготовленными для родственников Кошек, и упросил нас, чтобы мы собрали его втроем.

Пока Сати сравнивал два кусочка картона, я спросила у папы про Тома.

— Ко мне приходила его мать. Она за словом в карман не лезет. Тома привлекли к суду за то, что он тебе помог. Процесс состоится на следующей неделе. Ему грозит до пяти лет тюрьмы. Савини воспользовался режимом чрезвычайного положения и ужесточил наказание для тех, кто помогает Кошкам.

Я сжала кулаки.

Сати возмутился:

— Нельзя ломать пазлы!

У меня в ладони был смятый кусочек картона.

— Прости, Сати.

— Мать Тома не намерена сдаваться, — добавил папа. — Она с нами, в нашей группе. Она попросила передать тебе привет от Тома и отдать тебе вот это.

Он вынул из внутреннего кармана книгу. «Ловец на хлебном поле».

Я взяла книгу дрожащими руками. На первой странице было написано: «Это тебе, Лу, со всей моей любовью. До встречи. В скором времени».

Это был тот самый экземпляр, который служил нам почтовым ящиком в магазине месье Бланше. Это была наша книга.

И эти несколько строчек давали мне надежду, что мы с Томом увидимся вновь.

— Том сказал, что это очень важно. И кстати, барахолка закрылась.

— А что стало с месье Бланше?

— Не знаю. Он уже в возрасте. Наверное, вышел на пенсию.

У меня вдруг возникло странное ощущение. Слово только что испарилась часть моей жизни.

— Я принес тебе еще кое-что, подумал, это тебя порадует.

Папа протянул мне фотографию, на которой мы были все четвером: папа, мама, Сати и я. Мы сидели на берегу моря. Я помню, как папа попросил какого-то азиатского туриста сфотографировать нас на старую камеру. Я была не в духе, потому что предпочла бы провести каникулы вместе с Сарой. Чтобы заставить меня улыбнуться, мама сунула мне в руки Сати. Он беспрестанно вертелся в разные стороны. Пытаясь успокоить Сати, я стала подбрасывать брата вверх, и его в конце концов вырвало

прямо на меня. В этот же момент турист щелкнул затвором фотоаппарата. Так что на снимке я вышла со смешной гримасой на лице, а мама с папой покатывались со смеху.

Несмотря на это, я отдала бы все на свете, лишь бы вернуться в то место, в то время. Если бы это было возможно, я была бы самой счастливой девушкой в мире. Пусть и измазанная рвотой младшего брата.

Сати надоело собирать пазл. Он с любопытством водил пальцем по фотографии, машинально пожевывая одну из деталек.

Папа взял меня за руки:

— У нас все получится, Лу. Обещаю.

Мне было непросто сдержать слезы.

Скоро к нам повернулась Кэти.

— Время посещения истекло, — сказала она грустным тоном. — Но не переживайте, на следующей неделе вы встретитесь вновь... если Луиза будет хорошо себя вести.

Папа медленно отпустил мои руки.

Я вложила фотографию в книгу.

Кэти наклонилась к Сати:

— Ты ведь тоже будешь послушным, как и твоя старшая сестра, правда?

Сати показал ей язык, но она этого не заметила, потому что уже вела папу к выходу.

— Мы будем молиться о том, чтобы ученые нашли средство от болезни, которой страдает Луиза.

— Я вам уже говорил, что это не болезнь, — ответил папа.

Кэти с улыбкой наклонила голову, словно перед ней стоял упрямый ребенок.

— Неважно. Мы обязаны сделать все возможное, чтобы вернуть Луизу на путь истинный.

Кэти проводила папу и Сати до двери, которую открыла с помощью магнитной карточки.

Прежде чем дверь захлопнулась, папа успел помахать мне рукой. Мне так хотелось уйти вместе с ними. Провести нормальное воскресенье, как раньше. Такое воскресенье, когда все ложатся немного вздремнуть после обеда. Когда можно спокойно прогуляться в лесу. Когда нужно делать уроки на понедельник. Но это было невозможно. Вдох двери вернул меня в реальность.

Кэти повернулась ко мне.

Улыбка исчезла с ее лица.

Она показала на книгу, которую я держала в руках.

— 113, отдай это мне.

Я покачала головой.

Кэти повторила очень медленно:

— 113, отдай это мне.

Я не хотела ей уступить. Это была книга Тома. Это была наша книга. Между ее страниц лежала фотография, с которой улыбается мама. О том, чтобы я отдала книгу Кэти, не могло быть и речи.

— Отдай. Сейчас же.

Вместо ответа я раскрыла книгу и начала читать ее вслух.

Сначала тихо, потом в полный голос, наконец, увидев, как исказилось лицо Кэти, я стала выкрикивать строчки романа. Я расхаживала взад-вперед по комнате для свиданий и чеканила каждое слово. Каждое слово этой книги о любви и свободе.

Я была вне себя. Ничто не могло меня остановить. Ни Кэти, которая так отчаянно дула в свисток, будто

начался пожар, ни охранники, которые еле связали меня втроем, ни удары дубинок, которые обрушились на мое тело, лицо и губы. Слова лились у меня изнутри. Чтобы остановить этот поток, надо было зашить мне рот.

Карцер.

Глухое помещение шесть метров в длину, три метра в высоту и три в ширину.

Я это точно знаю. У меня было достаточно времени, чтобы нагуляться по карцеру. Пройти его вдоль и поперек.

Стены и пол были из металла. В потолке — вентиляция. На полу — пластиковое ведро. В углу — окошко, в которое можно было просунуть миску с водой. Больше в карцере ничего не было.

За заводскими цехами располагалось несколько десятков таких комнат.

В них сажали девушек, которые осмелились ослушаться, но перед этим снимали с Кошек всю одежду и проверяли, нет ли у них с собой какого-нибудь предмета, с помощью которого можно покончить с собой.

У меня забрали книгу и фотографию. Меня держали в карцере три дня. А может, и четыре. В темноте очень легко потерять счет времени. В темноте можно даже лишиться рассудка.

Я изо всех сил цеплялась за слова. За те, что Том нацарапал на первой странице «Ловца на хлебном поле». За строки самого романа. За строки всех книг, которые я прочла, когда лежала в больнице. За все

отрывки, которые Том читал мне вслух. За все строки, которые запали мне в душу. Я по кругу повторяла все эти фразы. Я воскрешала в памяти описания пейзажей, портреты персонажей, диалоги.

Я словно улетала из карцера, я больше не была зверем, запертым в железной клетке. Я была где-то далеко. Я была свободна. Я неспешно прогуливалась по улицам Нью-Йорка. Бродила по ночам. Шла под палящим солнцем. Чувствовала, как мне в лицо дует ветер.

А в ушах у меня звучал шепот Тома: «Мы снимем фильм. Про нашу жизнь. На старую пленочную камеру. Ты будешь Красавицей. А я Чудовищем. Мы будем вне закона. Сумасшедшими. Бродягами! Никаких больше сумок и рюкзаков. Будем ходить голыми. Нам только и останется, что любить друг друга. Будем читать ночами напролет. А днем спать. В полдень будем заниматься любовью. И в полночь».

Я слышала его голос так же отчетливо, как и представляла тот день, когда мы, лежа у озера, вместе составили план по улучшению мира.

У меня могли забрать все что угодно. Книгу Тома, фотографию, с которой улыбается мама. Но только не это. Только не слова.

В тот момент я стала размышлять над тем, что бы я могла вам сказать и как я могла бы поделиться с вами моей историей. Я не знала, получили ли вы мое письмо, но все-таки начала восстанавливать про себя ход событий.

Я подбирала слова. Правильные слова. Мои слова. Через три дня дверь открылась. Кэти думала, что я выползу из карцера сломленной.

Я вышла из него, расправив плечи.

Девушки, улыбаясь, хлопали меня по спине.

Все они хотя бы раз побывали в карцере. Несколько дней в темноте было достаточно, чтобы присмирить самых непокорных.

— Как ты, справилась? — спросила меня Рыжая.

— Да, я была не одна.

Рыжая нахмурилась:

— В смысле?

— У меня в голове куча разных историй.

Рыжая недоверчиво улыбнулась.

Я рассказала ей, как оживила темноту и одиночество персонажами и пейзажами, которые встречались мне в книгах. Она внимательно выслушала меня, а потом сказала:

— Сестра, ты в курсе, что ты странная?

— Да.

— Расскажешь мне эти истории сегодня вечером?

— Почему бы и нет.

В общей спальне теперь было полно народу. Все кровати были заняты. Вновь прибывшим Кошкам приходилось устраиваться прямо на полу. В столовой происходило то же самое. Очередь и перечисление номеров тянулись бесконечно долго. Когда меня только привезли в лагерь, я была одной из последних. Теперь же очередь продолжалась и позади меня, суп становился все жиже, а куски хлеба все меньше.

— Что происходит? — спросила я у Рыжей, которая стояла передо мной.

— Ты до сих пор не поняла?

— Что я должна была понять?

— Мы же целыми днями шьем, так?

Я не понимала, к чему она клонит.

— Да. И что?

Рыжая закатила глаза:

— Лу. Мы шьем туники. Белые туники...

И тогда я осознала, что Рыжая имеет в виду.

— Погоди. Ты хочешь сказать, что мы шьем эти туники для...

— Да, для других Кошек! У некоторых девушек трансформация занимает больше времени, но Мутация коснется всех, это уж наверняка! Мне плевать на ад и рай...

— ...говори правду или умирай.

Я вспомнила, что, когда я впервые оказалась в цеху, Рыжая сказала: «У Фатии и ее команды ничего не выйдет. Но мы все равно победим».

Это было очевидно. Если все девушки превратятся в Кошек, у Савини никогда не выйдет запереть нас всех. Совсем скоро что-то должно было измениться.

Но пока мы оставались в плену у заводских стен и швейных машинок.

Изматывающая рутина шла своим чередом.

Подъем, работа, столовая, душ, отбой.

Подъем, работа, столовая, душ, отбой.

Подъем, работа, столовая, душ, отбой.

Каждый день одно и то же.

Вечера стали моментом, когда мы могли получить хоть немного радости.

Мы собирались вокруг чьей-нибудь кровати, и каждая девушка рассказывала историю.

Естественно, тихим голосом, ведь любые разговоры после отбоя были запрещены.

Поначалу мы собирались вчетвером или впятером, включая Рыжую. Затем к нам стали присоединяться и другие девушки.

Сперва я пересказывала мифы, которые прочла в книге, подаренной мне мамой. О Кассандре, горгоне Медузе, Каллисто. Но истории этих девушек, изводимых богами, слишком походили на нашу жизнь, так что я решила обратиться к сказкам, которые читала Сати. Ко всем известным историям про людоедов и драконов. Чтобы рассмешить девушек, всех чудовищ, появлявшихся в моих историях, я нарекала именами Кэти или Савини. Кошки прыскали от смеха и беззвучно аплодировали, когда в конце концов монстры оказывались убиты или посрамлены.

Другие Кошки стали припоминать сказки из детства. Постепенно мы начали делиться друг с другом воспоминаниями. До этого Кошки молчали не одну неделю. словно какофония швейных машинок заменяла собой все другие звуки. Мы стали рассказывать друг другу о нашей жизни. О родителях, сестрах, братьях, влюбленностях, радостях, горестях, душевных ранах — обо всем, что было с нами до Мутации.

Именно по ночам, когда мы прятались в темноте и делились своими историями, мы по-настоящему чувствовали друг друга сестрами. Мы чувствовали, что связаны невидимыми, но крепкими узами.

Воспоминания о прежней жизни могли бы нагнать на нас тоску или грусть, но все было иначе. Проговаривая вслух то, что принесло нам боль, мы становились сильнее. Для каждой из нас слова были территорией свободы, и мы часто посмеивались, слушая откровенные истории друг друга. Рыжая лучше всех рассказывала пошлые шутки, от ее историй мы всякий раз заливались смехом. Иногда мы еле могли сдерживать дикий хохот, и тогда нам приходилось утыкаться лицом в подушку, чтобы не привлекать внимание охранников.

В канун Рождества в лагере царило особое оживление. По случаю праздника Кэти освободила нас от работы и, что еще удивительнее, разрешила родителям передать нам посылки с едой. Охранники обыскиали каждый пакет, прежде чем отдать гостинцы нам. Я получила от папы банку персиков в сиропе и шоколадку. Как и другие девушки, я с теплом вспоминала, как мы встречали Рождество, когда я была маленькой. Мне было жаль, что в этом году я не смогу отпраздновать его с папой и Сати. Но мы с Кошками решили, что сами устроим торжество, и у всех сразу же поднялось настроение. Мы договорились, что выставим на общий стол всю еду, которую нам прислали. Кто-то из девушек, может, схитрил и что-нибудь припрятал, но, думаю, большинство от чистого сердца поделилось своими запасами.

Нам разрешили накрыть один большой стол в столовой; на него мы и выложили всю присланную родителями еду. Было много печенья, апельсинов и шоколада. Целая куча сладостей, которых мы так долго были лишены и при одном взгляде на которые у нас текли слюнки.

Когда стемнело, мы все собрались в столовой; нас было больше сотни. Охранники не спускали с нас глаз, но нам было плевать. Намного важнее было то, что мы вместе. Девушки были в восторге, все болтали без умолку, и нам казалось, что мы на настоящем празднике. Только музыки не хватало — тогда бы мы все пустились в пляс.

В столовую вошла Кэти, и все разговоры стихли. Мы встретили ее гробовым молчанием. Она объявила нам, что в цеху проводится рождественское богослужение.

— Разумеется, вы все приглашены.

Не получив никакой реакции, Кэти добавила:

— Те, кто придет, будут освобождены от работы завтра утром.

Девушки переглянулись, но ни одна не двинулась с места.

Кэти поджала губы.

— Хорошо. В любом случае желаю вам счастливого Рождества, девушки, — сказала она и вышла, хлопнув дверью.

Все девушки тут же прыснули со смеху, и в столовой снова поднялся гомон.

Через десять минут Рыжая попросила всех замолчать. Несколько секунд стояла полная тишина, а потом Кошки стали выкрикивать:

— Речь! Толкай речь!

Рыжая подождала, пока все успокоится, прочистила горло и принялась очень точно пародировать Кэти.

— Девушки. Как и всегда, напоминаю вам, что вы находитесь здесь, чтобы предотвратить распространение среди населения болезни, носительницами которой вы все являетесь. Конечно, такая забота и помощь имеют свою цену. Вы тоже должны внести свою лепту в общее дело.

Кто-то из девушек засвистел. Охранники не знали, как реагировать.

Рыжая несколько раз стукнула кулаком по столу, чтобы восстановить порядок. Она приняла очень серьезный вид.

— Девушки, вы молоды, энергичны, красивы и привлекательны... Так что желаю вам счастливого Рождества... и приятного аппетита!

Эти слова послужили сигналом, и мы набросились на угощение.

Конечно, его было не так много, чтобы все могли наесться досыта, но я до сих пор помню, с каким наслаждением я впивалась зубами в консервированный персик или клала на язык дольку шоколада. Нам и без слов было понятно, что все мы чувствуем одно и то же. От удовольствия мы были словно в экстазе: глаза прикрыты, а на губах улыбка. Будто нам в желудок отправлялись кусочки неба.

Немного погодя одна из девушек запела. Эта песня была популярна за несколько месяцев до начала Мутации. Несколько девушек стали танцевать посреди столовой, и я к ним присоединилась. Вскоре мы сдвинули столы и стулья к стенам, и столовая превратилась в настоящий танцпол. Девушки заводили одну песню за другой, иногда звучали самые дурацкие композиции, но нам было все равно. Нам безумно хотелось праздника. Мы во все горло вопили припевы, придумывали странные движения и с криками подталкивали друг друга локтями. Я так смеялась, что у меня заболел живот.

Потом одна из девушек спела старую песню на английском. В ней говорилось о странных деревьях и плодах. Было в этой мелодии что-то грустное, отчего хотелось положить голову на чье-то теплое, мягкое плечо. Я перестала танцевать. Я не могла не вспомнить о папе, Сати и, конечно, о Томе. О Томе, которые встречал Рождество в тюремной камере. Думает ли он обо мне? Сколько девушек и парней сейчас сидят за решеткой, потому что кто-то решил, что они не такие, как все?

Голос Рыжей вернул меня в реальность:

— Эй, сестра, что за печаль на лице? У нас же праздник!

Я улыбнулась ей:

— Да, действительно, ты права.

И тут, не задумываясь, я обняла Рыжую. Положила голову ей на плечо. У нее был идеальный рост для этого. Она, смеясь, обняла меня в ответ. Я чмокнула ее в щеку.

— Ну что ты!

Когда грустная мелодия закончилась, все похлопали девушке, которая ее исполнила, и Рыжая запела песню из какого-то старого мюзикла. Мы обе закружились в танце, двигаясь почти синхронно, словно мы сестры-близнецы. Наши па были далеки от идеала, но мы вложили в них всю душу. Поначалу другие девушки просто смотрели на нас, а потом тоже составили нам компанию на танцполе.

Мы веселились до полуночи. А потом охранники приказали нам вернуться в спальню. Мы хотели еще немного побыть в столовой, но они достали дубинки. Праздник закончился. Но воспоминания о нем еще долго грели нам сердце, подобно солнечным лучам, которые в пасмурный день пробиваются сквозь тучи и ласково гладят прохожих по щекам.

Через неделю после Рождества случилось кое-что странное.

На протяжении нескольких дней у меня было какое-то неприятное ощущение, словно за мной следят.

Ничего особенного не происходило. Просто чуть покалывало затылок.

Я постоянно оборачивалась — в спальне, в столовой, в душе, — но все было по-прежнему, ничего

необычного я не замечала. Я видела только толпу Кошек в белых туниках и слышала, как повар выкрикивает бесконечный ряд номеров. Девушки вокруг были покрыты шерстью всех возможных оттенков и испускали самые разные запахи. Нас теперь было больше полутора сотен.

И охранники, и Кэти вели себя как обычно.

Конечно, на нас иногда пялились зеваки из-за решетки, но я была уверена, что тот, кто шпионит за мной, находится в лагере. Мне казалось, что кто-то издали наблюдает за мной, прилагая все усилия, чтобы остаться незамеченным.

Я не стала рассказывать об этом Рыжей. Я не знала ничего наверняка, так что повода для беспокойства не было. Дни сменяли друг друга, это странное чувство меня не отпускало, но я списывала его на счет ужасной усталости.

Как-то вечером я рассказывала Кошкам в спальне историю Арахны.

— Арахна была обычной девушкой, но она обладала особым талантом к ткачеству. Ее работы были так прекрасны, что слава о ней облетела весь мир и дошла даже до богини Афины. Та, приняв облик старушки, пришла в дом к Арахне. Полотна, вытканые девушкой, действительно были редкой красоты, поэтому Афина позабавовала Арахне... и решила вызвать ее на состязание.

— Батл на иглах! — подсказала одна из девушек.

— Да, точно! И вот, хоть тогда еще и не было соцсетей, все говорили только об их поединке. В назначенный день весь город пришел посмотреть на состязание. Как думаете, кто победил?

— Конечно же богиня, — прошептал кто-то. — Боги всегда выигрывают.

— Тсс, — сказала другая девушка, — пусть она расскажет!

Я продолжила:

— В тот день Афина соткала потрясающее полотно из золотых нитей. Арахна же превзошла саму себя. На ее полотне были изображены Зевс и разные животные, образ которых принимал верховный бог, чтобы соблазнять смертных девушек. Это полотно было настолько красиво, что никто и не заметил работу Афины. Она, разозлившись оттого, что проиграла, и оттого, что Арахна поведала всем о неверности Зевса, разорвала полотно девушки на мелкие кусочки. Униженная Арахна заперлась в своей комнате и решила повеситься. Афины замучала совесть, и она в последний момент спасла девушку, превратив ее в паука. Теперь Арахна была обречена вечно ткать свою паутину.

Девушки слушали конец истории, затаив дыхание.

Миф об Арахне был одним из самых страшных, но мне он очень нравился. С тех пор как я прочла эту историю, я перестала бояться пауков. Мне, напротив, стало казаться смешным, что кого-то могут испугать эти создания, которые терпеливо плетут паутину в темных уголках наших домов. А ведь пауки нередко становятся жертвами яростных людей, которые разрушают их творения. Мы проявляем к паукам такую же жестокость, как боги — к Арахне.

Я едва успела закончить свой рассказ, как в темноте раздался чей-то голос.

Голос, от которого меня бросило в дрожь.

Голос, который я хорошо знала.

Голос Морган.

Я ни разу не видела ее с тех пор, как во время Марша Кошек ее ранили в живот. Она жива, и теперь она здесь, с нами!

Я искала лицо Морган в толпе Кошек, стоявших вокруг кровати. Я заметила ее в уголке. Она перестала носить очки; у нее выросла каштановая шерсть. Она все-таки стала Кошкой. И конечно, это она в последнее время наблюдала за мной издали, не решаясь подойти и поговорить. На ее тунике был номер 182.

— История Арахны напоминает мне историю моей одноклассницы, — сказала Морган слабым голосом. Я против воли сжала кулаки.

Все девушки повернулись к Морган.

— Ее звали Алексия. Она была странной. Ее отец был с ней очень строг. В школе ее никто не любил. Она была козлом отпущения, гадким утенком. Над ней либо издевались, либо не обращали на нее внимания. А ведь она была очень умна и очень чувствительна. — Морган выдержала паузу и повернулась ко мне. — Я знаю, какой она была, потому что была с ней близко знакома. В детстве мы вместе ходили в воскресную школу. Я потом бросила эти занятия, но мы с Алексией продолжали дружить. Время от времени я приходила к ней в гости по субботам. У Алексии было много талантов. Она играла на фортепиано, рисовала, шила. Она шила тонкие, хрупкие вещи. Такие же хрупкие, как и ее душа. У нее были изящные белые пальцы. Она была чем-то похожа на старых кукол, которых продают на блошиных рынках. Все же видели таких кукол в кружевных платьях, с фарфоровыми лицами и грустными глазами?

Девушки закивали. Я тоже понимала, что Морган имеет в виду, она очень точно описывала Алексию.

— Музыка, рисование, шитье — все это позволяло Алексии сбежать от реальности. Было такое чувство, что она живет в кукольном домике. У нее дома всегда должен был быть порядок, а шуметь было запрещено. Мать Алексии не хотела, чтобы ее дочь выросла. Грудь, волосы, месячные — обо всем этом она и слышать не желала. Возможно, поэтому, хотя Алексия и была нашего возраста, она больше походила на больного ребенка, запертого в собственном теле. Но когда Алексия садилась за фортепиано или брала в руки иглу или карандаш, она начинала светиться изнутри. Она становилась собой. И мне это очень нравилось. Я ее обожала. В какой-то степени я ей восхищалась.

Морган помолчала несколько секунд. Я вспомнила, сколько раз она ухмылялась при виде Алексии и как оскорбляла ее. Я не могла поверить в то, что они дружили.

— Однако, — вновь заговорила Морган, — я делала вид, что не знаю ее. Я боялась, что кто-то узнает о нашей дружбе. Не знаю почему. Наверное, потому, что я не хотела, чтобы меня тоже перестали любить. Так что я вела себя как все вокруг.

На этих словах Морган посмотрела на меня с грустной улыбкой. У меня сразу же разжались кулаки.

Морган стала рассказывать дальше:

— Я должна была встать на ее защиту... Рассказать всем, как прекрасна Алексия, как здорово она играет на фортепиано и какие безумно красивые картины она вышивает. Но я молчала. Словно все это не имело для меня никакого значения. Я знаю, что это глупо. Алексия никогда меня ни в чем не упрекала. Ей было

так одиноко, что она не пыталась бороться. Но когда я приходила к ней в гости, когда мы сидели у нее в комнате, я была готова отдать все на свете, чтобы всегда быть с ней рядом.

Морган опустила голову. Мы все ждали продолжения. В тишине было слышно только ровное дыхание спящих Кошек.

— Несколько месяцев назад, в сентябре, мы сидели в комнате у Алексии; она только что закончила играть пьесу на фортепиано. От этой музыки мое сердце стало биться сильнее. И — не знаю, как объяснить, — когда Алексия доиграла до конца, мое сердце продолжало бешено подпрыгивать. Словно ноты все еще звучали внутри меня, в моем сердце, в моем теле и пальцах. А когда я взглянула на Алексию, я поняла, что она испытывает то же самое. Внутри нас продолжала искриться музыка, и мы, не думая ни о чем, взяли и... поцеловались. Не отходя от фортепиано. Это было странно. Странно, но очень нежно. Алексия такой и была: странной, но нежной. Это было очень приятно. Так что мы и после первого поцелуя не стали ни о чем задумываться. Мы поцеловались снова. И еще, и еще. Мы не услышали, как дверь комнаты открылась и как вошла мама Алексии.

— Вот черт, — выругалась одна из девушек.

Другие зашикали на нее, чтобы она молчала.

— Я убежала из дома Алексии, бросив ее одну. Прежде чем захлопнуть дверь, я слышала, как ее мама кричит: «Ты согрешила! Ты согрешила!», и я не понимала, к кому она обращается: ко мне или к дочери. Я должна была остаться, но я была готова умереть от стыда. Конечно, мне было стыдно перед мамой Алексии, но и за свое желание поцеловать подругу

мне тоже было неловко. Мне много лет твердили, что это плохо. Что любовь и все в этом роде может быть только между мужчиной и женщиной. Что все остальное — грех. Мало-помалу я убедила себя, что во всем виновата Алексия. Да, это она впутала меня в эту историю. Поэтому на следующей неделе, когда Алексия снова появилась в школе и попыталась со мной поговорить, я... я сказала ей ужасные вещи. Я сказала ей, что ненавижу ее и больше не хочу ее видеть. Никогда. Что она сгорит в аду и что она этого заслуживает. После мы не разговаривали. Это было прямо перед началом Мутации.

В воздухе вдруг почувствовалось напряжение. Некоторые девушки качали головой.

— В бассейне я впервые увидела, что у Алексии на теле выросли волосы. Над ней смеялся весь класс. Я тоже притворилась, что мне смешно. Но когда я увидела, что случилось с Алексией, мне стало страшно. Я была уверена, что она стала такой из-за нашего поцелуя. В тот день я воспользовалась тем, что учитель отвлекся, и сфотографировала Алексию. Да, я ее сфотографировала и выложила этот снимок в соцсети.

Я перебила ее, не успев подумать:

— Морган, так это была ты?! Я была уверена, что это дело рук учителя. Зачем? Зачем ты это сделала?!

— Я боялась, что стану такой же, как Алексия. А выложить ее фото в Сеть было для меня... чем-то вроде спасения. Я не могла предположить, что Алексия покончит с собой.

В спальне повисло глубокое молчание.

— И именно поэтому я потом вступила в Лигу, — добавила Морган сдавленным голосом. — Именно поэтому я сделала все это.

Девушки напряглись.

Я почувствовала, как по воздуху разливается злоба. Я подумала, что Морган, наверное, сошла с ума, раз рассказала Кошкам о Лиге, но она не растерялась. Она продолжала говорить очень мягким голосом:

— Вы хорошо знаете лозунг Савини: «Правда на стороне Бога». Мне казалось, что он прав. Но на самом деле мне было страшно. Я боялась, что со мной может произойти то же самое. Что и у меня начнется Мутация.

У некоторых девушек на лицах было написано отращение.

— Я знаю, что вы меня презираете. И я не могу на вас за это сердиться. Но теперь я с вами.

Мы ждали, что Морган скажет еще что-то, но она только еще раз прошептала:

— Теперь я с вами.

Я чувствовала, что Кошки настроены враждебно. Они ненавидели Морган и имели на это право. Некоторые девушки стали расходиться по кроватям. Другие повернулись ко мне, словно ждали от меня ответа. Можно ли доверять девушке, которая состояла в Лиге?

Тут Морган вытащила что-то из-под туники.

— Я не прошу вас любить меня, но я все равно теперь с вами.

И она помахала перед собой чем-то вроде самодельного ножа. Это была кривая темная металлическая пластина, которая, однако, была тщательно заточена.

— Что это? — спросила одна из девушек.

— Нож.

— Я знаю. Где ты его нашла?

Это и вправду было невероятно, ведь охранники внимательно следили за тем, чтобы нам в руки не попал ни один предмет, который мы могли бы использовать как оружие.

— Я сделала его из крестика, когда меня сюда привезли.

— Что?!

— У меня на шее был крестик. Когда со мной беседовала Кэти, я сказала ей, что глубоко религиозна. Мне пришлось доказать ей это, прочитав наизусть целую главу Евангелия. Она разрешила мне оставить крестик.

Лезвие, которое она держала в руках, было похоже на примитивное, но очень острое оружие.

— И что ты нам предлагаешь делать с твоим ножом? — проворчала Рыжая. — Совершить самоубийство?

Морган покачала головой.

— Нет, что ты. Таким лезвием можно много чего порезать. — Ее лицо просияло. — Мы будем Афиной и Арахной одновременно. Мы ломаем швейные машинки. Эти долбаные машинки!

Так мы и начали нашу подрывную операцию.

Кэти была настолько глупа, что еще нескоро догадалась, почему у нас постоянно ломались швейные машинки.

Достаточно было сделать глубокий надрез на катушке ниток, сломать иголку или провести лезвием по приводному ремню, и машинка выходила из строя. Чтобы не вызывать подозрений, мы составили очередь, и каждая девушка с нетерпением ждала своего

часа. Это было даже весело. Нам доставляло удовольствие подзывать охранников в цеху и наблюдать за выражением лица Кэти, когда она обнаруживала, что такую катушку использовать нельзя или что машинку надо отдать в ремонт.

Иногда мы проворачивали более изощренные диверсионные акты.

Мы сшивали вместе два куска ткани, но не оставляли места для рук или для головы. Такую одежду никто не смог бы носить. Некоторые девушки строили очень слабые швы. При малейшем движении такая туника распадалась на части. Охранники в цеху следили за нами не слишком усердно, так что, думаю, они ничего не замечали.

Одна девушка смогла стащить для нас пару фло-мастеров из зала свиданий, и мы писали послания на внутренней стороне туник, предназначавшихся для Кошек: «Борись!», «Революция, вперед!», «Кошки, объединяйтесь!», «Соппротивление!».

Мы словно бросали в море бутылки с записками, которые вода разнесет по всей стране. Это был наш способ сказать сестрам, что они не одни.

Конечно, некоторых девушек наказывали, били и отправляли в карцер. Но у нас была надежда: она чувствовалась повсюду, даже в темноте карцера.

Благодаря своей идее Морган завоевала уважение девушек. Некоторые считали ее настоящей бунтовщицей, несмотря на ее всегдашний потерянный вид. Вокруг Морган собралась небольшая группа верующих Кошек, и по вечерам они встречались в углу спальни. Я слышала, что они направляют свои молитвы богине, а не Богу. В каком-то смысле это было логично. Если Бог сотворил нас по своему подобию, значит, он был

женщиной. Думаю, девушки молились не только о судьбах всех Кошек, но и о победе над Лигой и Савини.

Как-то раз Морган подошла ко мне и спросила, известно ли мне что-нибудь про Сару. Я ответила, что ничего не знаю и что видела, как Сару сажали в полицейскую машину у магазина месье Бланше. Никто не знал, что с ней стало. Ее так и не привезли на завод...

Мы с Морган вспомнили, как втроем гуляли по главной улице.

— Мы считали тебя нашей служанкой, — призналась я в конце концов.

— Думаешь, я этого не замечала? Вы считали меня тупой. А мне просто хотелось с вами дружить.

Я сжала ее руку:

— Я знаю, Мо.

Я спросила у Морган о том, что произошло во время Марша Кошек.

— Тебя ранили, я видела. Но ты ничего не сказала об этом девушкам.

Она посмотрела мне прямо в глаза:

— Это сделал отец Алексии.

— Что?!

— Он не состоял в Лиге. Он пришел не на митинг против Кошек. Он пришел расквитаться со мной.

Я вспомнила, что видела его в толпе: он стоял неподалеку от Морган. Он был не в белом. На нем, как обычно, был темный костюм.

— Хочешь сказать, что это он...

Морган кивнула:

— Да, это он ударил меня ножом у церкви. Он считал, что ответственность за смерть Алексии лежит на мне. Что я согрешила и все в таком духе. Что это я во всем виновата. Он преследовал меня несколько

недель. А в день Марша он, увидев плакаты с портретом дочери, пришел в ярость. А может, он заранее решил полоснуть меня ножом, не знаю.

— Ох, Мо, почему ты не рассказала об этом девушкам?

Она пожала плечами:

— Я не жду жалости, Лу. Никогда.

Я погладила Морган по щеке.

— Я провела несколько дней в больнице, ничего страшного со мной не случилось. У меня было время подумать. Я поняла, что вся эта история с Темными зашла слишком далеко. Ну, то есть с Кошками. Их было слишком много. Когда меня выписали из больницы, у меня началась Мутация. И тогда я поняла, как сильно ошибалась. Я была кругом неправа.

Это была правда, но я не могла злиться на Морган за это. Алексия, Фатия, Сара, Морган и я — мы все выживали как могли.

— Мне так жаль Алексию. Я бы никогда не могла подумать, что...

— Что мы целовались?

Я помотала головой:

— Нет, я о другом. Я не знала, что вы были так близки.

— Я повела себя как полная идиотка, Лу. Я должна была справиться со всем этим, но испугалась. Прошлого не вернуть. Я просто надеюсь, что Алексия в раю и что она может играть на фортепиано сколько ей угодно.

Я вспомнила ту фразу про ад и рай, которую постоянно говорила Рыжая. Но, разумеется, Морган я ничего не сказала.

— В любом случае, — заключила Морган, — теперь у меня есть когти и клыки, так что обходить меня стороной в интересах отца Алексии.

Несмотря на радость, которую мне приносили диверсия и поддержка девушек, я чувствовала себя все слабее. Я смертельно устала, у меня часто болела голова. С тех пор как меня привезли в лагерь, я, наверное, потеряла около десяти килограммов. У меня постоянно были какие-то рези в животе, груди и спине, но девушкам я не жаловалась, потому что знала: всем приходится нелегко.

Но Рыжую я обмануть не смогла. Однажды, когда мы стояли в очереди в столовой, она положила руку мне на плечо:

— Держись, сестра.

— Все в порядке, не беспокойся.

Рыжая вдруг стала на удивление ласковой. Она погладила меня по щеке:

— Не ври. Я прекрасно вижу, что у тебя не все в порядке.

Мне пришлось признаться, что у меня болит все тело и что я совсем без сил.

— Здесь есть медпункт?

— Забудь это слово, Луиза. Посадить в карцер — вот все, что они могут для тебя сделать. Мы с тобой сходим к одной девушке, которая творит чудеса.

В тот день меня лихорадило, а от одной мысли о том, что нужно проглотить ложку супа, к горлу подступала тошнота. Я отдала свой суп девушке, сидевшей рядом.

На выходе из столовой меня дожидалась Рыжая.

— Ты ничего не съела, да?

Я не стала ее обманывать.

— Пойдем, надо найти Белянку.

Я уже видела эту девушку. Ее невозможно было не заметить: у нее была полностью белая шерсть. Поэтому она и получила свое прозвище. Незадолго до Мутации она начала учиться на врача. Она ничего не просила за свои советы и помощь, но Кошки всегда приносили ей какую-нибудь мелочь в знак благодарности.

Я сказала Рыжей, что мне нечего дать Белянке.

— Не беспокойся. Если Белянка может чем-то тебе помочь, она это сделает.

И она повела меня в угол двора.

Стояла ясная погода. В небе виднелись проблески солнца. Я закрыла глаза и с наслаждением подставила лицо под его ласковые лучи. До конца перерыва оставалось всего лишь полчаса, а мне хотелось, чтобы он длился вечно. Я вспомнила о вечерах, которые мы с Томом проводили у охотничьего домика: мы спокойно читали часами напролет, лежа под солнцем.

Мы дошли до туалетов.

Когда мы входили, на нас пристально посмотрел охранник.

Внутри здания стоял отвратительный запах. Туалеты строили на скорую руку, и они совсем не соответствовали нормам.

Белянка сидела на раковине. Вокруг нее стояло четыре девушки, и она тихим голосом давала им советы. Одна из Кошек кашляла без остановки. Было такое чувство, будто кто-то натер ей горло наждачной бумагой.

Я стала ждать своей очереди. Рыжая похлопывала меня по плечу:

— Все будет хорошо, сестра.

Прежде чем уйти, девушки положили в руку Белянке какие-то маленькие предметы.

Она посмотрела на меня и поманила рукой.

Рыжая ушла дожидаться меня снаружи.

— Как тебя зовут? — спросила Белянка.

— Луиза.

Она улыбнулась мне. У нее были удивительные голубые глаза.

— Это ты та самая Луиза из видео, которое сняли у школы?

Я смущенно кивнула. Мне казалось, что это произошло так давно.

— Я его смотрела. Оно появилось прямо перед тем, как у меня началась Мутация. Ты поступила очень смело.

Она положила то, что держала в руке, на край раковины.

Это были всего-навсего камушки. Три серых круглых камушка. И этим девушки отблагодарили Белянку?

Она заметила мой взгляд.

— Камушки — это что-то вроде символа, — сказала она. — Исцеление наступает в том числе благодаря этому. Благодаря вере и доверию. — Она махнула рукой, чтобы я подошла поближе. — Что с тобой, сестра?

— Я плохо себя чувствую. Очень плохо.

Белянка задала мне несколько вопросов, провела руками по моему телу и посмотрела мне прямо в глаза.

В ее голубых глазах отражался солнечный луч, проникавший сквозь крышу ангара.

Казалось, Белянка удивлена и обеспокоена одновременно.

— Луиза, это невероятно.

Я не знала, что сказать в ответ.

Она повторила:

— Невороятно.

— Что... что со мной такое?
Она мотнула головой и сказала:
— Луиза, я могу ошибаться, но...
— Что?
— Ты беременна.

Не могу вам сказать, что именно я почувствовала, услышав эти слова.

Я была ошарашена.

Ошарашена настолько, что не сразу поняла, что случилось.

— Но как...

Беянка погладила меня по щеке.

— Ты в порядке?

Вместо ответа я кивнула.

Я не знала, о чем говорить, о чем думать.

Насколько мне было известно, такого не случилось еще ни с одной Кошкой. Все вокруг твердили, что это невозможно. По этому поводу было написано несколько десятков статей. Ученые выяснили, что мутация хромосомы Х является отклонением от нормы. С появлением хромосомы Т Кошки стали отдельным видом, и, следовательно, «скрещивание» было невозможно. Савини даже использовал эту информацию, чтобы доказать всем, что мы не можем считаться божьими творениями. «Слава Господу, — провозглашал он в своих речах, — Темные бесплодны. Они никогда не смогут иметь потомство с нашими сыновьями! Разве это не указывает на то, что они не являются частью божественного плана?»

Когда мы с Томом занимались любовью в охотничьем домике, мы использовали презервативы, которые он принес. На всякий случай. Но в первый раз, в самый первый раз в больнице, мы об этом даже не подумали. И одного раза было достаточно.

Я очень долго молчала.

Я знала, что Беянка права. Я чувствовала: внутри меня зарождается жизнь.

Жизнь зарождалась, а я понятия не имела, что с ней делать. Я даже не знала, как это создание будет выглядеть. Я даже не понимала, хочу ли я это узнать.

Раздался вой сирены, и я пошла в цех.

В тот вечер мне не хватило смелости присоединиться к девушкам, которые рассказывали истории, собравшись вокруг кровати. Я осталась лежать на своем матрасе, пытаюсь разобраться с вопросами и сомнениями, которые роились у меня в голове. Я слышала, как шепчутся девушки, как по железной крыше барабанит дождь, и была готова отдать все на свете, лишь бы Том сейчас был рядом со мной и рассказал мне пару идиотских баек про обожаемые им ужастики.

Кто-то дотронулся до моего плеча. Я открыла глаза. Это была Рыжая.

— Как ты, сестра?

— Устала, но все хорошо.

— Что тебе сказала Беянка?

— Ничего особенного. Она уверена, что это просто грипп. Ничего серьезного.

Рыжая скривилась:

— Ты не умеешь врать, сестра.

Я вздохнула:

— Не понимаю, о чем ты.

— А я прекрасно понимаю. — Она положила руку мне на живот. — Потому что со мной такое уже случилось.

— Не понимаю, о чем ты, — повторила я.

Рыжая, притворившись, что не расслышала, прилегла рядом со мной. Я не стала противиться. Она прижалась своей щекой к моей. Рыжая так долго молчала, что я решила, что она уснула. Наконец я услышала, как она шепчет мне на ухо:

— Я даже не знаю, как его звали. Знаю только, что он был очень красивым. Это случилось на вечеринке у друзей. Я скучала, сидя на одном краю дивана. Он — на другом. Мы встретились взглядом и сразу же друг другу понравились. Сработал инстинкт. Иногда все происходит очень просто. Что бы мы ни говорили, мы остаемся животными. Я безумно желала его, а он меня. Было видно, что нам не нужно разговаривать и притворяться. Знаешь, это чувство в животе.словно катаешься на американских горках. Мы с тем парнем с первого взгляда поняли, что сидим в одном вагончике. Мы одновременно встали и вышли в сад. Мы занимались любовью на траве. Мы не думали. Ни о чем. Да, конечно, я могла спросить, есть ли у него презерватив. Он и сам мог бы об этом подумать. Но ни у него, ни у меня даже мысли об этом не проскочило. Так что иногда никто ни в чем не виноват. Или все виноваты во всем. Мы занимались любовью, словно больше нам делать было нечего. И нам было очень хорошо. Мы оделись, попрощались. И все.

Рыжая выдержала паузу.

— Мне было пятнадцать. Это был мой первый раз.

В темном углу спальни закашляла одна из Кошек.

— Через месяц я узнала, что беременна. Я не знала, как поступить. Я знала только, что это не то, чего я хочу. Я не могла представить, как расскажу об этом родителям. Особенно отцу, он у меня психованный. Он считал, что мне все еще восемь лет. Мне казалось, что моя жизнь разбита вдребезги. Я хотела стать художником, а не завести ребенка. Я чуть с ума не сошла. Медпункт у нас в школе закрылся задолго до этого. Центра планирования семьи в моем городе тоже не было. Поэтому я заявила к нашему семейному врачу. Он знал меня с самого детства. Это был очень милый старичок. Я ему очень доверяла. Он принял меня в своем кабинете, и я, бросившись в омут с головой, сказала ему, что беременна. Сначала он мне не поверил. Наверное, подумал, что я шучу. Подростковые причуды. Но он понял, что я говорю серьезно, когда я сказала, что покончу с собой, если он мне не поможет. Это была правда, я была готова на все. Я боялась только одного: что он откажет. Но он сделал все, что от него требовалось. Он даже не стал читать мне никаких наставлений, просто дал пару советов на будущее. Не подумай, что мне было легко, но я выдержала, потому что знала, что моя жизнь продолжится, что я смогу ходить в школу, выучусь на художника и все в таком духе.

Рыжая замолчала. Я ничего не говорила. В тишине раздавалось только ее спокойное дыхание, я чувствовала его тепло прямо у уха.

— Ну а через месяц мои родители развелись. Я осталась с мамой. В моей жизни все пошло не так, я никогда не училась в художественной школе, я бродила от одного заброшенного здания к другому,

я увлеклась граффити, стрит-артом. Я, можно сказать, наконец-то занималась тем, что мне было по душе. Понимаешь, мы можем строить планы, но жизнь — это не карта, на которой прочерчены все дороги. Север, юг, пункт А, пункт Б — никогда не знаешь, через что тебе придется пройти, чтобы добиться своего. Иногда я думаю о враче, который мне помог. Думаю, все было бы совсем по-другому, если бы он позвонил моим родителям или попытался убедить меня сохранить ребенка. Но он предоставил мне право выбора. И это бесценно.

Я покачала головой, стараясь сохранять спокойствие, но это было сложно. Я почувствовала, что у меня на глазах выступили слезы, и Рыжая обняла меня.

— Что мне делать? — спросила я.

— Тебе решать, — прошептала Рыжая.

— Я даже не знаю, как может выглядеть этот ребенок. Я думала... я думала, что это невозможно.

— Я тоже. Но твой пример доказывает обратное.

— Если я останусь здесь, Кэти и охранники непременно об этом узнают.

Мы молчали, слышен был только шум дождя над нашими головами.

— Может, Белянка знает, как от него избавиться.

— Я... я не знаю.

— Хочешь его сохранить?

Этого я тоже не знала. Любой исход казался мне невероятным.

— Только ты и можешь знать, — прошептала Рыжая. — Не позволяй никому решать за тебя. Никогда. Как бы то ни было, я буду рядом, мне плевать на ад и рай.

В конце концов новость разлетелась по всему заводу.

Сначала я подумала, что это Белянка всем разболтала. Но когда я спросила у Рыжей, она усмехнулась и показала пальцем на свой вздернутый нос.

— Нам слова не нужны, сестра. Достаточно почувствовать.

И она была права. Я поняла, что мой запах изменился. словно я побрызгалась духами. В этом опьяняющем аромате было что-то сладкое, тяжелое и дикое одновременно. Он напоминал запах белых бархатистых цветов, которые так любила мама и которые иногда стояли на столе в гостиной.

Девушки не спускали с меня глаз. Они уступали мне место в очереди за едой. Они аккуратно дотрагивались до меня, когда мы работали в цеху. Они решили, что я больше не участвую в подрывной операции.

— Тебе нельзя так рисковать, — заметила мне одна из них.

Я вырвала фломастер у нее из рук.

— Здесь я принимаю решения. Я!

Через несколько дней охранник из цеха нашел у одной из Кошек лезвие, сделанное из крестика. Он, видимо, был посообразительнее остальных, потому что понял, что мы использовали самодельный нож, чтобы разрезать катушки и выводить из строя машинки. Думаю, той девушке учинили строгий допрос, и она все-таки во всем призналась. Наутро охранники приказали нам встать и обыскали спальню сверху донизу. Они забрали фломастеры, книги, значки, украшения, клочки бумаги с нацарапанными посланиями. Забрали

все мелочи, которые девушкам удалось незаметно пронести на завод из комнаты для свиданий. Охранники отняли все подчистую, а девушек отправили в карцер.

Затем Кэти собрала всех в цеху: между швейными машинками толпилась огромная масса Кошек. Кэти поднялась на небольшое возвышение; на ней была белая тога, на фоне которой ярко выделялось ее пунцовое лицо.

— Девушки, — сказала Кэти дрожащим от гнева голосом, — девушки, вы меня разочаровали. Даже хуже: вы меня обманули. Вы обманули мое доверие к вам. Вы знаете, что мы все день ото дня трудимся, чтобы помочь вам вновь обрести истинный путь, путь добра, путь света. — Кэти сложила руки перед грудью в молитвенном жесте. — Поверьте мне, все усилия правительства и министра Савини направлены на то, чтобы наставить вас на путь света. Прямо сейчас ученые проводят исследования, пытаются найти лекарство от вашей болезни. Ведь все мы знаем, какие страдания эта болезнь приносит вам и вашим близким. Мы не теряем надежды, что однажды вы вновь окажетесь среди людей. Нет, мы продолжаем верить! — Она с грозным видом наставила на нас палец. — Но я уже говорила вам и повторяю это каждый день: вы тоже должны внести свою лепту в общее дело. Вы тоже должны приложить усилия. Иначе у нас ничего не выйдет, и вы навсегда останетесь заперты в позорной оболочке, в которую превратились ваши тела! Вы должны побороть в себе лень, глупость и животную грубость, которые оскверняют ваши души. Вы должны бороться с природными склонностями, которые свойственны животным! И в этом вам поможет работа. Труд защитит вас от животного начала!

По всему цеху стояли охранники с автоматами в руках. Мы чувствовали, что им не по себе, оттого что мы все собрались в одном помещении.

Кэти сделала несколько шагов вперед. У нее блестяли глаза, было такое чувство, что она сейчас заплачет.

— Знаете, мне больно. Я глубоко огорчена. Ведь мы прожили вместе не одну неделю, и мне казалось, что мы все становимся большой дружной семьей. Да, говорю вам совершенно искренне, я научилась принимать и любить вас, несмотря на ваши недостатки, словно мать, которая любит свою отсталую дочь. Мне было радостно видеть, как вы стремитесь к свету, я надеялась, что однажды вы станете нормальными женщинами. Да, я действительно поверила, что вы относитесь ко мне как с собственной матери.

Она замолчала, покачала головой и заговорила громовым голосом:

— Именно поэтому мне так трудно осознавать, что из-за подрывных действий небольшой группы девушек наши ежедневные усилия были напрасны. Столько труда пошло насмарку из-за шайки глупых, эгоистичных созданий! Я расцениваю это как предательство. Вы все должны расценивать эти действия как предательство со стороны тех, кого вы считали сестрами! — Теперь глаза Кэти пылали негодованием. — Пусть те, кто ломал машинки, выйдут вперед!

В зале повисла гробовая тишина, прерываемая только рыданиями некоторых девушек. Кто-то шептал «простите», закрыв глаза и сложив руки в знак раскаяния. Но большинство Кошек просто опустили головы, словно над ними бушевала гроза.

Кэти, охранники и все собравшиеся ждали.

И вот к возвышению, на котором стояла Кэти, направилась девушка. Номер 182. Морган.

Она молча шла между швейных машинок, высоко подняв голову.

К Морган кинулся охранник.

В этот же момент из толпы вперед вышла еще одна девушка.

А затем еще одна.

И еще. И еще.

Я тоже пошла вперед. Мы все молча пошли вперед.

Вся наша толпа без единого звука двигалась вперед. Кэти с охранниками смотрели на все происходящее и не верили своим глазам. На них молча шли девушки с шерстью разного цвета. Все смотрели прямо перед собой. Мы были едины. Я чувствовала все наши запахи. Разные, но в то же время похожие — примерно такое ощущение возникло у нас и на Марше Кошек. Мы были глыбой, которую невозможно сокрушить. Нас не могли остановить ни проповеди, ни дубинки, ни туники, ни швейные машинки. К нам присоединились даже самые покорные, самые забытые, даже те, кто всего несколько минут назад умолял о прощении.

Кэти, стоя на возвышении, бессильно качала головой из стороны в сторону.

Нас отправили в спальню. В тот день в цеху не было слышно треска швейных машин. В тот день никто не работал.

Это была победа.

Маленькая и даже ничтожная.

Но все-таки победа.

Фатия сказала мне: «Идет война». Она была права. Но она ошибалась, думая, что мы воюем против всего

человечества: мы вели войну сами с собой. Мы боролись с отчаянием, с чувством вины и стыда. С тем, что нам пытались навязать с самого детства.

Нам уменьшили порции в столовой, увеличили рабочий день, запретили свидания — последствия нашего бунта не заставили себя долго ждать.

Больше всего мы беспокоились о Морган.

На следующий день всех девушек, как и каждое утро, собрали во дворе под присмотром охранников. Небо было белого цвета. Ночью шел дождь, и земля блестела от инея. У стоявших на холоде Кошек изо рта вылетали облачка пара. В главные заводские ворота въехала черная машина в сопровождении полицейского фургона. Из нее вышли Ревер и Лемуан. Кэти сухо поприветствовала их.

Конечно, Ревер и Лемуан прибыли на завод не с дружеским визитом. Им, скорее всего, доложили о том, что ситуация ухудшилась, и они приехали навести в лагере порядок. Они осмотрели толпу неподвижно стоявших притихших Кошек, а потом Кэти пальцем показала на Морган:

— Вот она. Номер 182.

Ревер с Лемуаном подошли к Морган. Она не опустила глаз. Она так же пристально смотрела на мужчин, как и они на нее.

— Все произошедшее — ее рук дело, — не унималась Кэти.

Она делала все возможное, чтобы спасти свою шкуру. Это было очевидно: ей нужно было найти зачинщицу, возложить на кого-то всю вину, и она выбрала Морган, которая первая вышла из толпы в цеху.

Мне хотелось вмешаться. Что-нибудь выкрикнуть. Но девушки, стоявшие вокруг меня, словно почувствовали мой гнев и посмотрели на меня, качая головами.

— Мы ничего не можем сделать, сестра, — прошептала одна из них.

Они были правы. Вокруг нас стояли вооруженные охранники, и Морган даже не пыталась отпираться, когда Лемуан спросил:

— Это правда?

Она кивнула, выдавив улыбку.

Ей надели наручники и повели в полицейскую машину. Я до сих пор помню, как Морган смотрела через заднее стекло. Она смотрела не на нас. Ее невозмутимый взгляд был устремлен куда-то очень далеко, будто на ней не было наручников, будто она была свободна и ничто не могло лишить ее этой свободы.

Когда Ревер с Лемуаном уехали, Кэти вышла вперед и одарила нас убийственным взглядом. Взглядом, в котором читалось: «Не пытайтесь больше меня обхитрить. Иначе вас ждет кое-что похуже».

Заревела сирена, и мы направились в цех.

По дороге туда я догнала Рыжую.

— Как думаешь, что они сделают с Морган? — спросила я. — Посадят ее в тюрьму?

— Кошек в тюрьму не сажают, сестра.

— А что тогда ее ждет?

Рыжая покачала головой:

— Кажется, есть места похуже нашего лагеря. Оттуда никто никогда не возвращается.

Жизнь в лагере пошла своим чередом.

Атмосфера была нездоровая. Многие кровати в спальне пустовали. Это были кровати девушек, посаженных в карцер. Кошки, которые спали на полу,

воспользовались этим и перебрались на свободные койки. Только кровать Морган никто не занял. Кто-то выложил на ее подушке семь камушков в форме креста, и никто не решался их убрать. Мелочь, но, я уверена, для Морган это могло бы значить многое. Я не была религиозна, но если Бога — или богиню — можно было где-то обнаружить, то точно на рваном покрывале, хранившем память о Морган, а не рядом с Савини и приспешниками Лиги.

По ночам охранники постоянно ходили между кроватями с фонариками и рациями в руках, так что нам пришлось прекратить собрания, на которых мы рассказывали истории. На входе в цех и выходе из него нас обыскивали, а качество сшитых нами вещей тщательно проверяли.

Я все еще ощущала слабость и, несмотря на то что нам давали очень мало еды, с удивлением обнаружила, что у меня уже начал округляться живот.

О том, как у Кошек устроен обмен веществ, было известно не так много, не считая того, что в одном из генов хромосомы X произошла мутация. Это все, что я знала. Должна ли беременность протекать быстрее? Как будет выглядеть ребенок Кошки и человека? Казалось, эти вопросы нисколько не занимают девушек, которые заботились обо мне. Я прекрасно понимала, насколько это важно для них. Они верили изо всех сил. Верили, что однажды и они смогут родить ребенка, если захотят. Думаю, некоторые из них мне даже завидовали. А я не решалась сказать, что не уверена, хочу ли я этого ребенка. Однако держалась я только благодаря тому, что внутри меня втайне от людей росла новая жизнь. Потому что она напоминала мне о приятных моментах, которые я провела рядом с Томом. Потому

что она давала мне надежду на будущее, заставляла меня верить, что завтрашний день наступит.

Я знаю, что это может показаться смешным и что женщина не обязана быть матерью. Но я изо всех сил цеплялась за эту возможность. За новую жизнь. За каждую частичку жизни. Потому что все, что нас окружало, было отрицанием жизни как таковой. Вокруг нас не было ни нежности. Ни ласки. Ни тепла. Не было историй. Не было смеха. А то, что зарождалось внутри меня, было возможностью одержать победу над миром лагеря.

Конечно, нужно было как-то обхитрить Кэти и охранников. Я знала, что, если мой секрет откроется, я превращусь в подопытного кролика. Фатия уже проходила через это. Она рассказывала мне, что с ней произошло после превращения. Ревер с Лемуаном заперли ее в больничной палате и делали с ней то, о чем она даже не хотела говорить. Если кто-то узнает, что я беременна, меня запрут в клетке и будут изучать, брать у меня анализы, делать вскрытие не только мне, но и зародышу. Мне нужно было любой ценой скрыть беременность, хоть я и не знала, как все пойдет дальше. Я часто думала о Сати, Томе и папе. С тех пор как запретили свидания, у нас не осталось связи с внешним миром. Как-то вечером мне показалось, что у решетки стоит папа, но подходить к нему я не стала. Я надеялась, что группе родителей, о которой он мне рассказывал, удастся нас вытащить отсюда, но иллюзий на этот счет я не строила. Сбежать было невозможно. Мне оставалось только затаиться и скрывать свое состояние как можно дольше.

Я внимательно следила, чтобы никто не мог увидеть меня голой. Живот и грудь я затянула корсе-

том из куска ткани, который Рыжая стащила из цеха. Я всегда доедала свою порцию, даже если еда на вкус была отвратительной. Я твердо решила выжить. Выжить и родить ребенка.

Я верила, что это возможно. Я верила в это всем сердцем.

Однажды вечером, едва заснув, я почувствовала, как кто-то зажал мне рот.

Я открыла глаза.

Охранник знаком приказал мне молчать.

Второй рукой он держал наставленный на меня пистолет.

Я так ослабла, что даже не пыталась отбиваться.

Я с трудом встала с кровати. Все девушки вокруг спали.

Мужчина ткнул пистолетом мне в спину.

— Вперед, 113.

Мы вышли из спальни. Охранник сразу же закрыл дверь на ключ.

От ледяного ночного воздуха у меня перехватило дыхание. На улице было тихо и безлюдно. Я испугалась, что охранник расстреляет меня прямо здесь, во дворе.

Из его рации донеслось потрескивание.

Охранник ответил:

— Порядок, она у меня.

Затем он подтолкнул меня:

— Давай, вперед.

Я остановилась, я не хотела идти вперед, я не хотела умирать, не хотела, чтобы все закончилось таким

образом, не хотела, чтобы меня, словно животное, расстреляли посреди ночи.

Я помотала головой:

— Не надо, пожалуйста, не надо.

Мужчина снова подтолкнул меня, и я запнулась. За моей спиной раздался щелчок предохранителя.

— Тебе сказано идти вперед.

Я снова покачала головой:

— Нет.

К моему затылку прижался холодный металл пистолетного дула.

— Вперед, последний раз повторяю.

У меня не было выбора. Я со слезами на глазах пошла вперед.

Мы направлялись к административным зданиям. У ворот виднелся слабо освещенный пост безопасности.

Как они узнали мою тайну? Меня выдал кто-то из Кошек? Беянка? Рыжая? Нет, это было невозможно. Ни одна из девушек не предала бы меня.

И все-таки я в темноте шла, сама не зная куда, чувствуя затылком дуло пистолета. В конце пути меня, вероятнее всего, ждали Кэти, Ревер или Лемуан. В моем воображении сами собой возникли образы холодной лаборатории, хирургических ламп и множества острых блестящих предметов. Меня разрежут на части. Словно животное. Словно ярмарочного уродца.

Меня охватил гнев.

Я резко обернулась и ударила охранника по руке, в которой он держал пистолет. Ударил со всей силы. Мужчина вскрикнул, а пистолет полетел куда-то в темноту.

Я прыгнула и схватила охранника за шею. Он закачался на месте, повалился на землю, и я упала на него.

Я зарычала, обнажая клыки. Он пытался защищаться, но я была сильнее. Намного сильнее. Я была готова его убить. Ярость будто опьяняла меня.

Лицо охранника побледнело. Он в панике затряс головой.

— Нет... нет... это не то...

Я сжимала ему горло. Кончиками пальцев я чувствовала, что он задыхается.

— Это не то, что ты думаешь, — выговорил мужчина.

Я наклонилась к нему почти вплотную. Его страх придавал мне уверенности.

— Что ты сказал?

— Это... это не то... мне просто приказали привести тебя в комнату для свиданий.

— Кто? Кэти?

Мужчина покачал головой:

— Нет. Нет, клянусь. Не... не убивай меня, прошу.

— Почему? Назови хотя бы одну причину.

Он не знал, что ответить.

— Я... я...

Больше он ничего не сказал.

Я могла бы его прикончить. Мне было достаточно чуть сильнее сдавить ему горло.

Но я этого не сделала. Может, потому, что это «я» напомнило мне «мы» — с этого слова начинались лозунги, которые мы писали на плакатах для Марша Кошек. А может, и потому, что я сказала Фатии, что никогда не изменюсь.

Я разжала руки. Мужчина закашлялся.

— Больше никогда так не делай, — рывкнула я. — Никогда больше не пытайся угрожать ни одной из нас, понял?

Он в ужасе кивнул.

Я вскочила, подняла пистолет и дождалась, пока мужчина тоже встанет на ноги.

— Вперед, — сказал я, наставив на него пистолет.

Он, словно испуганное животное, нетвердо пошел вперед. В конце концов мы дошли до административных зданий.

Мужчина открыл дверь, и мы дошли до конца коридора. Он показал на стеклянную дверь комнаты для свиданий.

— Вот. Тебя... тебя там ждут.

Я пристально посмотрела ему в глаза:

— Если со мной что-то случится, ты мертв.

Мужчина с трудом сглотнул и кивнул головой.

Я открыла дверь. В комнате было темно. Я разглядела силуэт: кто-то сидел на стуле. Я подумала, что это, наверное, Кэти, но в воздухе стоял не ее запах. Нет, в комнате витал пьянящий аромат. Человек знаком пригласил меня сесть. Я почувствовала тяжесть пистолета в руке. Я была готова. Я прошла вперед и увидела совсем не директрису лагеря.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать происходящее. Я пролепетала:

— Сара?

Она кивнула:

— Да, Лу, это я.

Это был не сон. В комнате для свиданий действительно сидела Сара. На ней была самая обычная одежда. Черный костюм, который прекрасно подчеркивал ее формы. А ее лицо, руки и шея были совершенно гладкими. Ни волоска. Ни шерстинки.

Она пыталась скрыть свой животный запах сладкими духами, в которых угадывались нотки ванили и табака.

Только блестящие в темноте желтые глаза выдавали ее истинную природу.

Я бросилась ей на шею, и мы долго сжимали друг друга в объятиях.

— Лу, — прошептала Сара мне на ухо, — Лу, у нас мало времени, садись.

Я нехотя разомкнула объятия и села напротив нее.

Я стала ее рассматривать. Она была великолепна, очень красива, но в ее взгляде угадывалась усталость.

— Как ты сюда попала? — спросила я, положив пистолет на стол. — И где ты была все это время? И где твоя шерсть?

Мне хотелось так много у нее спросить, что у меня во рту словно не хватало места для всех вопросов.

Сара взяла меня за руки:

— Лу, у нас мало времени. Позволь мне все тебе объяснить.

Я кивнула, проглотив свои вопросы.

Сара сделала глубокий вдох.

— Прежде всего я хочу сказать, что мне очень жаль. За все то, что с тобой сделал Фред. Я видела ролик, снятый в парке. «Не забудем, не простим». Фред — мерзавец. Теперь, когда все в курсе, он не смеет приблизиться ни к одной девушке в городе. Но, Лу, я клянусь: я не знала, я правда не знала.

Я сжала ее руки.

— Еще я хочу извиниться за то, что наговорила тебе. Помнишь, что я тебе сказала, когда мы были в школьном туалете и рядом с нами была Морган?

— Сара, это в прошлом, не...

Она меня перебила:

— Пожалуйста, дай мне договорить. В тот раз я повела себя так, потому что у меня тоже началось превращение. И я боялась только одного: что об этом узнают, что Морган расскажет об этом всей школе и что все от меня отвернутся. Так что мне было проще ополчиться против тебя. Это был способ доказать Морган, что я стою на правильной стороне баррикад. Я очень глупо поступила, Лу, и я прошу за это прощения.

Я ничего не ответила. Я не сердилась на Сару, все это теперь казалось мне таким далеким.

Через стеклянную дверь комнаты для свиданий я увидела, как к первому охраннику присоединился еще один. Даже через стену я чувствовала, как они нервничают. Сара тоже ощутила их страх и заговорила снова:

— Есть еще одна причина, по которой я здесь. Прежде чем все это началось, я стала встречаться с одним человеком. Он меня старше. Я вам об этом не рассказывала, потому что он хотел сохранить наши отношения в тайне. Взрослому мужчине, который встречается со школьницей, может прийти несладко, если об их связи узнают. Я была влюблена в него, Лу. Безумно. Со мной такое случилось впервые. Когда началась Мутация, мне стало очень страшно. Я боялась, что он меня бросит. Я бы этого не пережила. Поэтому я тщательно пыталась скрыть все изменения. Но ты и сама знаешь, что это не просто. Что это невозможно.

С этими словами она дотронулась до своей щеки. У нее под кожей уже начинали расти новые волосы — это было видно, несмотря на слой макияжа.

— Какое-то время мне удавалось скрывать то, что со мной происходит. Но вскоре, как и тебе, как и всем девушкам, мне пришлось смириться с Мутацией,

и я перестала видаться с этим мужчиной, чтобы он не узнал, что я тоже стала Кошкой. Некоторое время спустя меня арестовали.

— Знаю, это случилось у магазина месье Бланше, я сама видела.

Сара кивнула:

— Меня привезли сюда одной из первых, Лу.

— Как тебе удалось отсюда выбраться?

Сара подняла глаза кверху.

— Мне помог мужчина, которого я люблю, Александр.

— Александр?

— Александр Лемуан.

У меня перехватило дыхание.

— Лемуан? Тот, что из министерства?!

Сара кивнула:

— Я знаю, о чем ты думаешь, Лу. И прости за грубость, но мне на это наплевать. Он хороший человек. Я его люблю. Точка.

— Но...

Сара сжала мои руки, лежащие на столе.

— Когда Александр узнал, что меня привезли в лагерь, он приехал за мной. Он принял меня такой, какая я есть. Он нашел мне квартиру в другом городе, подальше отсюда. Он знает, что рискует. Очень сильно. Но он меня любит. И сегодня я здесь благодаря ему. Александр устроил все это по моей просьбе. Он совсем непохож на своего коллегу Ревера. Он не против Кошек, клянусь.

Я отдернула руки. Мне казалось, что меня предали или сыграли со мной злую шутку. Я не могла понять, зачем Сара посреди ночи заявила в лагерь и рассказывает мне о своей личной жизни.

— Сара, что ты здесь делаешь?

— Я здесь, потому что Александр побеседовал с Морган.

Я прикусила губу.

— И Морган ему рассказала. Про тебя. Про тебя и ребенка.

Сара произнесла это на одном дыхании, украдкой поглядывая на темные силуэты охранников за стеклянной дверью.

— Лу, Ревер ничего об этом не знает. Александр заставил Морган пообещать ему, что она больше этого не расскажет ни одной живой душе. Об этом известно только Александру. И он тебя не выдал. Потому что он не согласен с действиями Савини и Лиги Света. Александр верит, что за Кошками будущее, Лу.

— Что ты имеешь в виду?

— Твой пример доказывает, что скоро все изменится, — прошептала Сара. — Ты живое тому подтверждение!

Сара снова попыталась взять меня за руки. Я не стала сопротивляться; я уже не знала, что и думать.

— Где Морган?

Сара покачала головой:

— Ее отвезли в другой лагерь. Там еще более тяжелые условия. Я ничего не смогла сделать.

Я посмотрела ей в глаза и спросила:

— А сюда ты зачем пришла?

Сара выпустила мои руки и, наклонившись, стала рыться в сумке.

Она положила на стол книгу.

«Ловец на хлебном поле».

Я раскрыла ее и на первой странице увидела послание от Тома. И фотографию родителей, вложенную между страниц. Я не понимала. Как Саре удалось

добыть все это? Все отобранные предметы Кэти хранила в кабинете, который располагался рядом с комнатой для свиданий. Она использовала их как средство давления на девушек. «Будете себя плохо вести, ваши маленькие сокровища отправятся в мусорку, так что подумайте, прежде чем творить глупости». Она отбирала у нас всякую мелочь, главным образом то, что напоминало о детстве, но больше у нас ничего не было, поэтому все эти предметы и правда были для нас сокровищами.

Я прижала книгу к груди.

— Что это значит, Сара?

— Я пришла тебя освободить, Лу. Александр обо всем позаботился. Охранники, которые стоят за дверью, с нами заодно. Мы готовились к этому несколько дней. Одна из девушек согласилась носить твой номер. Камеры выключены. Снаружи наш ждет машина. Ты поедешь со мной. В моей квартире хватит места и для двоих. Вот увидишь, все будет хорошо.

— Со мной? Но... как же остальные? Что будет с Кошками, которых держат в лагере?

Сара закатила глаза.

— Я знаю, что это несправедливо, Лу. Но пока мы можем спасти только тебя, ведь ты...

Я покачала головой:

— Так что же, ты это делаешь только потому, что я беременна? Другие девушки ничего не стоят?

— Перестань, речь совсем не об этом. Ты в наибольшей опасности именно потому, что беременна.

— Значит, ты это делаешь для очистки совести?

Сара усмехнулась:

— Может, и так, Лу. Но, уверяю тебя, я постоянно спрашиваю Александра о вас. Всякий раз, когда он ко мне приезжал, мне хотелось знать, как обстоят

дела у тебя, Морган, Фатии и у всех остальных девушек. Да плевать на мою совесть, Лу. Сейчас важно вытащить тебя отсюда. Потому что ты моя подруга.

Я закрыла глаза.

— Но я не могу их бросить.

Сара сжала мои руки. Так сильно, что мне стало больно.

— Лу, девушка, которая согласилась носить твой номер на форме, пошла на огромный риск ради тебя. Ты не можешь дать задний ход.

— Это Рыжая?

— Понятия не имею. Александр не стал вдаваться в подробности.

Я вспомнила о разговоре, который состоялся у нас с Рыжей в то утро. Дело было во дворе, мы направлялись в цех. Она вдруг остановилась и обняла меня. Не говоря ни слова. Я удивилась, но обняла ее в ответ. В ее запахе чувствовалась смесь беспокойства, усталости и радости. Через несколько секунд она немного отступила от меня и посмотрела мне прямо в глаза:

— Лу, о чем ты мечтаешь?

Я улыбнулась:

— Что?

— У тебя есть мечта?

Я рассмеялась:

— Конечно! Чтобы однажды утром Кэти проснулась вся в шерсти. С головы до ног.

— Я серьезно. О чем ты мечтаешь больше всего на свете?

Я поняла, что Рыжая не шутит, и задумалась.

— Конечно, я бы хотела, чтобы мы были свободными. А еще... а еще, думаю, мне бы хотелось стать журналистом.

Рыжая кивнула:

— Да, быть журналистом — это круто.

— А ты? — спросила я. — О чем ты мечтаешь?

— О чем я мечтаю? О том, чтобы рисовать. Я так давно этого не делала.

Нас заметил охранник и махнул нам рукой, чтобы мы шли вперед.

— 86 и 113, пошевеливайтесь!

Рыжая положила руки мне на плечи:

— Пообещай мне, что сделаешь все возможное, чтобы осуществить свои мечты.

Я улыбнулась:

— Хорошо. Но с одним условием: ты сделаешь то же самое.

Рыжая дала мне пять.

— Мне плевать на ад и рай...

— ...говори правду или умирай!

Теперь мне был понятен смысл этой странной сцены. Рыжая знала, что я выберусь из лагеря. Она знала и ничего мне не сказала.

— Об этом знает твоя подруга и все девушки в лагере, — сказала Сара. — Если ты останешься здесь, охранники в конце концов заметят, что ты беременна. Они доложат Реверу. И ты ведь догадываешься, что тогда тебя ждет?

Да, я догадывалась. Но мне было очень тяжело решиться на то, чтобы бросить Рыжую и остальных Кошек.

Сара наклонилась ко мне:

— Я знаю, что ты чувствуешь. Если бы Александр мог, он выпустил бы из этого лагеря всех. Но пока это невозможно. Однажды, думаю, очень скоро, это произойдет. Потому что все это не может продолжаться слишком долго. Постепенно девушки по всему

миру становятся Кошками. Этому ничто не может помешать. Что бы там ни говорили сторонники Лиги и члены правительства, нельзя изобрести ни вакцину, ни лекарство от Мутации. Савини это знает. Мы такие, какие есть, и такими мы и останемся. Это заложено в наших генах на самом глубоком уровне.

— Хромосома Т...

— Да! Люди начинают понимать. Все меняется. Скоро все будет иначе. Их мир, их старый мир рушится прямо на глазах. Савини лишится власти. Би, или как там их еще называют, выпустят на свободу. Я знаю, что твой парень Том сидит в тюрьме; его тоже отпустят. Лагерь закроются. Кошки обретут свободу. Но пока что, оставаясь здесь, ты, Лу, подвергаешь себя опасности. Большой опасности. И ты это знаешь.

Я опустила глаза. Я не знала, что сказать.

— Лу. Ты беременна, с этим ничего не поделать. Не знаю, хочешь ли ты этого ребенка. Это не моего ума дело, выбирать придется тебе. Но если ты сама хочешь остаться в живых, тебе надо уходить.

Мне пришлось признать, что Сара права. Это было ужасно несправедливо. Но Сара была права.

Наконец я кивнула:

— Хорошо, Сара.

Она улыбнулась:

— Пойдем скорее, пока у охранников не началась пересменка.

Она протянула мне одежду, которую принесла с собой. Черные джинсы и толстовку.

— Подожди. Я хочу кое-что сделать.

Я понимала, что глупо просить что-то у Сары, которая освобождает меня из лагеря, но это было кое-что очень важное. Для меня и для Рыжей.

Я положила фотографию родителей на стопку одежды. Затем встала и взяла с полочки у входа фломастер. Я нацарапала несколько слов на первой странице «Ловца на хлебном поле».

— Что ты делаешь?

— Я хочу, чтобы эту книгу отдали Рыжей.

Сара закатила глаза.

— Господи, Лу, ты ненормальная.

Я обхватила ее лицо руками.

— Сара, я вынесла все это только благодаря ей. Передать ей книгу не так сложно, но если это ее подбодрит... Ты не знаешь, каково это — жить здесь. Ты не имеешь об этом ни малейшего представления.

В конце концов Сара сдалась.

— Посмотрим, что я могу сделать.

Она встала и открыла стеклянную дверь, ведущую в коридор.

Я слышала, как она пытается договориться с охранниками. Я воспользовалась моментом, чтобы переодеться. Через несколько минут Сара вернулась вместе с охранниками.

— Порядок, отдай им книгу.

Я протянула «Ловца на хлебном поле» охраннику, которого чуть не убила.

— Моя подруга носит на форме номер 86. Отдайте эту книгу ей.

Мужчина сурово посмотрел на меня. На его шее еще виднелись следы моих когтей.

Я ему совсем не доверяла, но у меня не было выбора. Передавая книгу охраннику, я пыталась унять дрожь в руках. Он взял ее, злобно скривив лицо.

— Номер 86, не забудьте.

Мужчина вернулся в коридор.

Второй охранник снял с шеи магнитную карту.

— А теперь вам надо поторопиться!

Мы подошли к тяжелой металлической двери. Охранник вставил карту в считывающее устройство. Дверь приоткрылась со звуком, похожим на вздох. Мы выскользнули на улицу, и охранник закрыл за нами дверь.

Вот я и на свободе. Это оказалось так просто.

Я вдохнула холодный воздух. Казалось, что здесь он пахнет и ощущается по-другому.

Сара зажгла сигарету и направилась к черной машине, в которой нас ждал водитель.

— Дашь мне одну? — спросила я.

— Разве ты куришь?

Я пожала плечами:

— Мне казалось, что люди всегда выкуривают сигарету, когда выходят из тюрьмы.

Сара протянула мне пачку и маленькую зажигалку. Я зажгла сигарету, и к небу потянулась струйка дыма.

Сара открыла дверцу машины.

— Садись назад.

Я не двигалась с места.

— Я с тобой не поеду, Сара.

Она обернулась и с удивлением посмотрела на меня:

— Что?

— Я с тобой не поеду.

— Но... но что ты будешь делать?

— Мне хочется остаться здесь неподалеку.

— Лу, что ты творишь?! Я так рисковала ради тебя, а ты...

Я ее перебила:

— Ты сказала мне выбрать, и я выбрала. Но ты не переживай, у меня есть одна идея. Я хочу только

одного: чтобы ты заехала к моему отцу. И сказала ему, что я в порядке и что я очень люблю их с Сати.

— Луиза, ты знаешь, что они сделают, если...

— Знаю.

— Ты чокнутая.

— Знаю, — повторила я.

Сара помолчала несколько секунд и добавила:

— Чокнутая и упрямая.

Я молча улыбнулась ей. Потом чмокнула ее в щеку:

— Прощай, Сара.

Она смотрела, как я иду прочь в темноте.

— До скорого, Лу!

— Прощай. И спасибо тебе.

Когда машина Сары отъехала в сторону города, я бросила сигарету на землю. Вкус у нее был отвратительный. Пока Сара не уехала, я сдерживалась, чтобы не закашляться.

Я постояла на месте несколько секунд.

Вокруг завода бродили дикие коты. Я чувствовала их запах: пахло землей и кожей.

Я посмотрела на ворота, на решетки, на камеры и колючую проволоку. Потом я перевела взгляд на небо, в котором висел месяц, изогнутый, словно лезвие ножа, и яркие звезды. Я подумала, что среди них, наверное, есть одна звезда, которая приглядывает за мной. И я попросила у нее позаботиться обо всех Кошках из лагеря.

То, что я сделала, было очень рискованно.

Я разыграла весь этот спектакль в комнате для свиданий, чтобы ни Сара, ни охранники ни о чем не догадались.

Я вытащила из кармана магнитную карту.

Я стащила ее у охранника, пока мы с ним дрались. У меня пока не было четкого плана в голове, но понемногу стали появляться кое-какие идеи. Украсть карту. Упросить охранника отнести книгу Рыжей, чтобы отвлечь его внимание. Украсть зажигалку у Сары. Вернуться на завод, когда Сара уедет. А дальше... А что дальше, я не знала. Скорее всего, мне придется импровизировать.

Это была безумная мысль, но я не могла поступить иначе: на заводе держали моих сестер, и я была полна решимости их освободить.

Я вставила карту в электронный считыватель. Дверь со вздохом открылась.

Перед тем как отдать «Ловца на хлебном поле» охраннику, мне удалось нацарапать в книге несколько слов. Предупреждение для Рыжей: «Сегодня мы подожжем ад и рай». Я надеялась, что охранник разбудит Рыжую, чтобы отдать ей книгу, и что она успеет прочесть мое сообщение... А еще я молилась про себя, чтобы охранник сам не прочел эти слова.

Я проскользнула в комнату для свиданий.

В ней царила темнота. Вокруг стояла полная тишина.

У меня в висках пульсировала кровь. Мне не было страшно. Я прекрасно себя чувствовала, мне казалось, что все под контролем. Скорее всего, из-за выброса адреналина.

Я вышла в коридор.

Со стороны туалетов слышался шум. Я почувствовала мужской запах. Запах второго охранника. Он все еще был в этом здании. Я прикусила губу.

Задержав дыхание, я подошла к туалетам. В муж-

ском горел свет. Я толкнула дверь и увидела охранника, стоявшего ко мне спиной. Он, ни о чем не подозревая, справлял нужду.

Я медленно подошла к нему, но тут из его рации донеслось потрескивание.

— Гус? Гус, ты тут?

Я застыла на месте.

Это был голос охранника, который должен был передать книгу Рыжей, того самого, у которого я украла карту.

— Черт, — выругался Гус, пытаясь ответить на вызов так, чтобы не замочить себе ноги. — Да, Карл. Я тут.

— Ну что, она вернулась?

— Нет. Пусто. Она свалила с концами и обратно не вернется. Это невозможно.

— Она украла мою карту, Гус!

— Я в курсе, а ты мог бы догадаться об этом и до того, как она ушла. Мозги у тебя так себе работают!

— Вот только не надо делать из этого трагедию, — проворчал Карл. — Я все уладил с парнями из следующей смены. Я сказал им, что мы слышали подозрительный шум со стороны заброшенной части завода. Так что мы спокойно сможем с ней разобраться, когда она вернется.

— Да не вернется она, Карл! Твоя кошечка уже далеко ушла!

— Нет, у меня дурное предчувствие. Она неспроста устроила весь этот спектакль с книгой. Там внутри была надпись. Что-то про ад и рай.

Гус закончил все свои дела. Он вытер руку о штаны.

— Слушай, ты просто параноик.

— Ну да, карточку-то стащили не у тебя, Гус! А у меня! Если кто-то узнает, что мы пытались вернуть с Лемуаном, нам крышка.

Голос Гуса зазвучал резче:

— Если она и вернется, то через неделю или даже через две. И приведет с собой подкрепление. И вот тогда, дружище, мы точно окажемся в дерьме. Когда начнется заварушка, можешь даже не рассчитывать, что я стану тебя прикрывать.

Гус спустил воду.

— Что это за шум? — спросил охранник по имени Карл.

— А ты как думаешь? Я в толчке.

— Что?!

— Хочешь сказать, я должен был отлить прямо в комнате для свиданий?

— Черт возьми, Гус! Я же тебе сказал стоять все время у двери. Ты совсем конченный придурок?

— Эй, не смей так со мной разговаривать. Если кто и облажался, то это ты! Знаешь что? Отдай мне половину того, что тебе заплатят, а там посмотрим.

— Какой же ты кретин! Может статься, что она сейчас стоит у тебя за спиной!

Гус рассмеялся:

— Ну-ну, я ее приласкаю, если увижу.

— Я сейчас у спальни, скоро приду.

Гус отключил рацию.

— Так бы сразу, придурок.

Затем, будто что-то заподозрив, Гус посмотрел через плечо.

Когда он увидел меня, у него округлились глаза.

Он не успел даже моргнуть. Я обеими руками схватила его за голову. Он икнул и повалился на белый

плиточный пол. Я, стараясь не смотреть на его бледные, вялые причиндалы, торчащие из ширинки, сорвала связку ключей, которая висела у него на поясе.

Теперь нужно было действовать очень быстро.

Я выбежала в коридор. Дверь, ведущая во двор, была незаперта.

Вокруг стояла тишина. Здание, в котором жили охранники, было освещено очень слабо. Я не знала, работают ли сейчас камеры. В глубине двора я заметила охранника: он зашел за ангар, в котором располагался наш цех. В это время суток охранники были не так бодры и не так внимательны, как днем. Притаившись в тени, я настороженно всматривалась вперед. Карл сказал, что скоро придет, но пока что его не было видно. Я не собиралась терять время, дожидаясь его.

Я поспешила дальше. Я пробежала мимо столовой и здания с душами. Сигнализация от моих передвижений не сработала, и я поняла, что камеры до сих пор не включили. Я остановилась на углу здания, в котором находилась спальня.

Неподалеку раздалось дикое рычание кота. Я замерла на месте.

В проходе между двумя ангарами появился кот с темной шерстью. На мгновение он остановился, поднял морду и, должно быть, почувствовал мой запах. При свете луны казалось, что его блестящие глаза сделаны из стекла.

Я его сразу же узнала. Уголек.

— Уголек, что ты здесь делаешь?

Кошка месье Бланше подбежала ко мне и принялась нежно тереться о мои ноги. Мне хотелось усмотреть в этом доброе предзнаменование. Я немного погладила кошку и пошла дальше.

Я добежала до цеха. Нашла в связке нужный ключ. Внутри было тихо. Кучи ткани были похожи на огромных спящих животных. В воздухе еще витала смесь наших запахов. Запахов страха, усталости и отвращения. Это почувствовала и Уголек, которая прибежала вслед за мной. Она вертела головой из стороны в сторону и отчаянно мотала хвостом, словно что-то в цеху ей ужасно не нравилось.

Я собрала кучу ткани и ниток и отнесла ее к машинке, за которой проработала не одну неделю.

Вдруг я услышала, что мимо здания проходят охранники, и задержала дыхание. Мужчины медленно плелись по пыльному двору. Они остановились перед дверью, ведущей в цех. Один из них зевнул. Я почувствовала едкий запах табака.

Охранники обсуждали футбольный матч. Они никак не могли сойтись во мнениях. Время было на исходе. Если тот охранник, которого я оглушила в туалете, придет в себя, все кончено. Прошло несколько минут. Уголек смотрела на меня своими зелеными глазами. Ее терпение тоже было на пределе. Наконец мужчины, еле переставляя ноги, пошли прочь.

Я достала из кармана зажигалку и подпалила сваленную в кучу ткань.

Огонь занялся очень быстро, и к потолку повалил черный дым.

Уголек ошетижилась, увидев пламя.

Туники, сшитые из синтетической ткани ужасного качества, горели, словно солома. Огонь чуть потрескивал, отбрасывая отсветы на стены цеха. Пламя очень быстро — быстрее, чем я могла предвидеть, — распространялось между швейными машинками.

Нельзя было терять ни минуты.

Мы с Угольком выбежали из цеха.

Я увидела, что охранники входят на пост, расположенный у ворот.

Теперь мне нужно было собрать девушек. Я побежала в сторону спальни. Я надеялась, что пожар застанет охранников врасплох и отвлечет их внимание.

У меня не было никакого плана, я просто пыталась соображать прямо на ходу. В небе до сих пор светила моя счастливая звезда.

Я надеялась, что дальше все пойдет в том же духе, иначе меня ждет смерть.

Вдруг я услышала шаги со стороны столовой.

Из темноты вынырнул охранник с оружием в руках.

Это был Карл. На лбу у него выступили капельки пота. Его темные волосы слиплись в неопрятные прядки.

Когда он заметил меня, у него отвисла челюсть.

— Ах ты сволочь, мне пришлось за тобой побегать. Я знал. Я знал, что ты вернешься!

Уголек зарычала.

Я, усмехнувшись, пожала плечами:

— Я вернулась, чтобы предупредить вас.

— Что? Ты о чем вообще?

— Мне нужно вас предупредить. Вон там начался пожар.

Я показала ему на цех, охваченный пламенем. До нас доносились хруст и потрескивание горящих швейных машинок.

Но вместо того чтобы броситься к цеху, мужчина наставил на меня пистолет.

— Становись на колени! Сейчас же!

— На вашем месте я бы поторопилась: нужно потушить огонь.

Охранник помахал передо мной пистолетом и ледяным тоном повторил:

— Я сказал, сейчас же.

Я попыталась его напугать:

— Вы не станете стрелять. Потому что иначе все узнают о том, что вы сделали. О том, что вы провернули с вашим приятелем Гусом и с Лемуаном.

— Мне по барабану, милочка. Я скажу, что ты попыталась стащить у меня карту и что мне пришлось с тобой разделаться.

Я выругалась сквозь зубы. Я больше ничего не могла поделать. Кажется, моя счастливая звезда внезапно погасла.

Мужчина с ухмылкой на лице сделал два шага в мою сторону. Ему было плевать на пожар. Он хотел только одного: чтобы я ему подчинилась.

— Хочешь поиграть? Вот увидишь, я тебя выдрессирую. Ты упустила свой шанс, надо было уходить, пока была возможность.

Уголек у моих ног зарычала еще громче.

Карл рассмеялся и пнул ее.

Я услышала хруст кошачьих ребер. Уголек свернулась в клубок на пыльной земле и застонала от боли и злости.

Я была готова напрыгнуть на Карла, но он направил дуло пистолета прямо мне в грудь.

— Тебе сказано встать на колени. И ты должна меня слушаться.

Я видела, как за спиной охранника догорает цех. Скоро от него останется одно пепелище, и тогда мы не сможем сбежать.

Вдруг я услышала какое-то странное шипение. И мяуканье. В темноте замелькали светлячки. Жел-

тые, зеленые, оранжевые. Это были кошачьи глаза. Несколько десятков пар. Коты, словно кометы, носились вокруг нас. Среди них была и Уголек. Я очень явно чувствовала их злость. Их холодную ярость.

Карл вертел головой во все стороны.

— Что происходит?

На секунду повисла полная тишина.

На одно мгновение — не больше.

Казалось, что время остановилось. А тонкий полу-месяц в небе напоминал острый коготь.

Я воспользовалась этой секундой.

Я кинулась на охранника и с наскока ударила его коленом между ног. Он беззвучно закричал, широко раскрыв рот, и, согнувшись пополам, повалился на землю.

Больше Карл не двигался.

Я решила, что он потерял сознание. Я наклонилась к нему и увидела, что его распахнутые глаза полны ненависти.

Он попытался встать, но я поставила ногу ему на грудь. Я чувствовала себя сильной, непобедимой.

— Помнишь, что я тебе сказала? «Никогда больше не пытайся угрожать ни одной из нас». Надо было меня слушаться...

— Да... да пошла ты к черту, — с трудом проговорил охранник.

Тут он левой рукой снова наставил на меня пистолет.

Я не задумываясь наотмашь ударила его когтями. И разрежала его лицо на две части. До кости.

Он, истекая кровью, повалился на спину.

Я плюнула на пыльную землю.

— Вот что я думаю насчет ада и рая.

Я побежала к спальне.

Я слышала, как позади меня рычат коты.

Карл, скорее всего, не смог издать ни звука, когда они разрывали ему горло.

Когда я уже почти добралась до двери спальни, я увидела, что в окнах здания, в котором жили охранники, загорается свет. На улицу вышло около десяти мужчин. Они с криками показывали на пламя, которым теперь была охвачена и крыша цеха.

На всей территории завода завывала сирена, а двор и все здания вдруг осветили яркие прожекторы.

Я нашла ключ от спальни. Открыв дверь, я увидела в этом тесном помещении сотню девушек. Некоторые из них еще спали, кто-то только начал просыпаться.

Мне на шею бросилась Рыжая:

— Лу! Что ты здесь делаешь?! Ты же должна была сбежать!

— У нас мало времени. Нужно уходить. — Я повернулась к Кошкам и крикнула: — Дверь открыта! Бежим!

Мы ринулись на улицу. При виде горящего цеха некоторые девушки испускали победные крики. Охранники, бежавшие к цеху, не понимали, что им делать: вернуться и попытаться остановить нас или тушить пожар. Часть из них с оружием в руках повернула обратно, и в темноте раздались первые выстрелы.

Вокруг меня несколько Кошек повалились на землю. Одна из девушек с простреленной грудью упала прямо к моим ногам. Наклонившись к ней, я увидела, что кровь растекается по белоснежной шерсти. Белянка. Я прижала ладони к ее шее. Она была мертва.

Я завопила, и Кошки, словно эхо, тоже закричали от злости. Они побежали навстречу мужчинам, и началась схватка рукопашную.

Я тоже не осталась в стороне. Я отвешивала удары без усталости и сожаления. Чтобы выжить. Я была вся в крови; я не знала, моя это кровь или охранников.

От мужчин, которые попадали девушкам в когти, оставались только мелкие кусочки. Кругом раздавались крики, выстрелы, жалобные стоны и рычание. Казалось, что темнота ночи отливает красным. В воздухе пахло огнем и кровью.

Это был самый настоящий хаос.

Мы взяли верх над охранниками, которые в конце концов отступили в глубь двора. Крыша цеха начала обваливаться, и от этого покачивалась дымовая труба. Теперь огонь перекинулся на столовую. В этот же момент до меня издалека донесся вой полицейской сирены. К охранникам спешило подкрепление. Я оглянулась, пытаюсь найти Рыжую.

Я увидела ее посреди двора: она дралась с охранником. Он только что ударил Рыжую электрошокером, и она корчилась от боли.

Я пробралась через толпу и стукнула мужчину по запястью. Он выронил оружие. Я одним ударом оглушила его.

Я помогла Рыжей встать.

— Пойдем!

Я повела Рыжую и остальных Кошек к административным зданиям.

При виде нас охранники, которые стояли у двери, ведущей в комнату для свиданий, наставили на нас пистолеты. Нас было около пятидесяти. Большинство

девушек были без одежды. Они были раздеты и готовы на все. Охранники выронили оружие и подняли руки.

— Девушки, что происходит? Куда вы идете?! — раздался визгливый голос за нашими спинами.

Мы обернулись.

Позади нас стояла Кэти в ночной рубашке, со взъерошенными волосами и со следом от подушки на щеке.

— Девушки, возвращайтесь в спальню! Немедленно, это приказ!

Кто-то из нас начал смеяться. Не знаю, кто именно. Может быть, Рыжая. А может, я. Смеяться в такой момент, когда вокруг бушует пожар, — сумасшествие. Но заспанная Кэти со всклокоченными волосами, которая пыталась нам приказывать, выглядела еще более нелепо.

Мы смеялись так, как могут смеяться только подростки.

Это был смех, избавляющий от страха. Смех, от которого взрывались звезды. Смех, от которого раздувалась луна.

Отсмеявшись, мы посмотрели на неумытую Кэти в старенькой сорочке. Потом мы посмотрели друг на друга. Наконец-то мы были свободны и непобедимы. Мы так ненавидели Кэти, что, конечно, готовы были ее убить. Но за дверью в конце коридора нас ждала свобода. И мы выбрали свободу, а не ненависть.

— Девушки, возвращайтесь в спальню, это приказ! — настаивала Кэти.

Она не успела сделать и двух шагов, как между нею и нами возникла стая котов.

Кэти попыталась разогнать животных, но они рычали на нее. Один из котов ударом лапы разодрал подол ее сорочки. Кэти подпрыгнула.

Она поняла, что не сможет до нас добраться, и стала медленно отходить назад, пытаясь дрожащим голосом уговорить котов:

— Вот так, мои хорошенькие. Тише, тише.

Но котам ее ласка была ни к чему. Они, выгнув спины, стояли вокруг Кэти и устрашающе мяукали.

— Ради бога, уберите их от меня, пожалуйста.

Коты невозмутимо облизывались, глядя на Кэти, словно сфинксы, которые с наслаждением наблюдают конец света.

Мы не сделали ничего, чтобы ей помочь.

Мы вошли в здание, оставив Кэти наедине с кошачьей стаей. Прежде чем уйти, я обернулась и в последний раз посмотрела на завод. Теперь он был похож на гигантский костер. Языки пламени на вершине трубы взвивались до самого неба. Раздавался отчаянный вой сирены. Тут и там на фоне огня танцевали кричащие Кошки, в темноте бродили выжившие охранники с сажей на испуганных лицах.

Мы ворвались в коридор и вбежали в комнату для свиданий. Я вставила магнитную карту в считыватель. Дверь со вздохом открылась. Мы не оглядываясь вышли за заводские стены.

Мы свернули прямо к заброшенным полям и шахтам. Дикая трава ласкала нам ноги, а запахи животных, которые проходили здесь незадолго до нас, кружили нам голову. Теперь за нами приглядывала луна; мы знали, что обрели свободу. Через какое-то время некоторые девушки свернули в город. Другие просто исчезли в темноте. Каждая из нас выбрала свой путь.

Я знаю, что людям не понравится история, которую вы пишете. Большинство читателей хотят, чтобы в книгах все кончалось хорошо: им нужны красивые персонажи, которые спасают мир, и хеппи-энд на фоне заката. Для них прочитать книгу — все равно что съесть дольку шоколада. Никаких последствий. Просто немного удовольствия. Закрывая книгу, они хотят быть уверены, что мир, несмотря ни на что, устроен правильно. Я постоянно вспоминаю сказки, которые читала Сати. Про людоедов и драконов. Да, эти истории учат нас тому, что зло можно победить. Да, они могут придать нам мужества, вдохновить нас, помочь нам по-другому взглянуть на ситуацию. Да, для главной героини все всегда заканчивается хорошо. И все-таки в этих историях чего-то не хватает: в них нет ни слова о тех, кто погиб во имя победы. О Морган, Алексии, Белянке, вашей дочери Камий и тысяче других Кошек, чьи имена мне неизвестны.

В тот вечер погибло много девушек. Возможно, мы никогда не узнаем, как их звали, какими они были и о чем мечтали, но я часто думаю о них.

Эти девушки не второстепенные персонажи. Вовсе нет. Если бы не они, у нас ничего бы не вышло. Ради них я и рассказываю вам эту историю: я не хочу, чтобы их забыли. И если однажды общество примет нас, если Кошки и люди станут равны, то это произойдет благодаря погибшим девушкам. Прежде всего благодаря им.

Вы пишете не мою историю.

Нет, вы пишете нашу историю.

Нашу.

На рассвете я добралась до озера. Мы шли всю ночь, но я была так счастлива наконец-то оказаться на свободе, что не чувствовала усталости. Озеро было покрыто тонкой ледяной корочкой. Я видела, как под ней плавают черные рыбы. На ветке бука щебетала малиновка; ее грудка казалась еще ярче в лучах рассветного солнца. Я глубоко вдохнула запах леса и морозного утра. Мне было хорошо, очень хорошо.

Охотничий домик стоял на прежнем месте в зарослях жимолости. Из трубы валил белый густой дым.

Меня это почти не удивило. Я догадывалась, что Кошки придут сюда.

По дороге к домику я заметила натянутые между деревьями нитки, на которых были подвешены консервные банки, — этакая незамысловатая сигнализация. Рыжая и еще несколько девушек дожидались меня чуть ниже по дороге. Я хотела убедиться, что в домике безопасно.

Обитательницам домика понадобилось всего несколько минут, чтобы почувствовать мой запах.

Дверь открылась, и Кошки вышли на улицу.

Втроем.

Две девушки, которых я встречала в лагере за стадионом, и Фатия.

Я думала, что девушки совсем исхудают, но они, казалось, были в прекрасной форме.

У Фатии был перевязан правый глаз. Она хлопнула руками по бедрам.

— Ну что, вернулась?

Я кивнула.

Фатия покосилась на мой живот:

— Вижу, ты не одна.

Конечно же, я не могла скрыть свой запах. Девушки сразу все поняли.

— Я тоже очень рада тебя видеть, Фатия.

Я подошла к ней, и она похлопала меня по плечу.

— Заходи в дом, а то простудишься.

— Со мной пришли мои подруги. Они ждут в лесу. Я хотела сперва убедиться, что здесь безопасно.

— Подруги?

— Сестры с завода.

Фатия покачала головой:

— С завода? Постой, ты хочешь сказать, что...

— Мы все сбежали, лагерь пуст!

Две Кошки радостно рассмеялись. Фатия улыбнулась. Она не могла в это поверить.

Я громко крикнула, чтобы девушки знали, что путь свободен, и, пока они шли к домику, я рассказала Фатии и ее подругам о побеге из лагеря.

— Я бы никогда не подумала, что...

— Что я могу так поступить, да?

Я прекрасно знала, что Фатия считает меня слишком миролюбивой, недостаточно воинственной.

Фатия пожала плечами:

— Нет, я не это...

— Да ладно тебе, брось.

На поляну вышли девушки; Рыжая обняла Фатию. Она была так взволнована, что в какой-то момент мне показалось, что она расплачется.

Мы все пошли к домику.

Пока я еще не успела войти, Фатия прошептала мне на ухо:

— Я рада, что ты выжила, Луиза.

Войдя в домик, я сразу же увидела свою черную накидку, висевшую на гвозде. Я зарылась в нее носом. Все, что случилось со мной до лагеря, казалось мне далеким прошлым.

В домике было тепло и уютно. Девушки прекрасно его обустроили. У них была еда, посуда, одеяла, книги и радио. Все, что нужно для выживания.

— Неплохо у вас тут!

— Нам помог твой отец, — сказала Фатия.

О существовании этого домика папа узнал от мамы Тома. Однажды, когда она пришла навестить Тома в тюрьму, он сказал ей, что мы часто проводили здесь время и что домик будет нашим местом встречи, когда мы вновь обретем свободу. Мама Тома рассказала об этом папе, и он из любопытства сам пришел сюда. Фатия и две другие девушки, думая, что папа — охотник, чуть не убили его, когда он угодил в одну из их ловушек. Папа им все объяснил. С тех пор он приходил сюда каждую неделю и приносил девушкам продукты.

— Твой отец — хороший человек, — прошептала Фатия.

Я не могла не согласиться. Я так мечтала вновь увидеть папу и Сати.

Я села на скамейку. Оказавшись в тепле, я начала расслабляться, и на меня внезапно навалилась усталость.

Фатия и другие девушки сели вокруг меня. Глаза у них блестели. Они вдыхали запах моего тела, запах жизни, которая росла внутри меня. Этот запах, казалось, не трогал только Рыжую.

— Как это возможно? — спросила Фатия, показав на мой живот. — Они же говорили, что из-за хромосомы Т мы не можем...

— Не знаю, — призналась я. — Видимо, все меняется.

Я рассказала девушкам о лагере, о Морган, о нашей подрывной операции, о Лемуане с Ревером, о том, как Рыжая помогла мне сбежать, согласившись носить мой номер, о том, какую роль во всей этой истории сыграла Сара, и обо всем, что она сказала мне в комнате для свиданий.

— Сара считает, что Савини не сможет долго удерживать власть. Что скоро все Кошки будут свободны.

— Да, Сара права, — проворчала Фатия. — А пока этого не произошло, она спокойно живет себе с Лемуаном.

— Если бы не Сара, мы бы так и сидели в лагере, — сказала Рыжая.

Я согласилась с ней. Да, Сара очень рисковала, а я, вернувшись на завод, предала ее. Узнает ли кто-то когда-нибудь правду? Большинство охранников мертвы. Пострадает ли из-за этого Сара? Я не знала. Все случилось очень быстро.

Фатия не хотела признать нашу правоту.

— Сара ничего не сделала. Карту у охранника стащила Луиза. Она же и спасла девушек. И завод сгорел только благодаря ей!

Кошки, сидевшие вокруг, злобно заворчали:

— А мы, сестра, тоже ничего не сделали, поэтому?

— Вот именно, ночью погибло просто море девушек. Они все достойны уважения!

Я кивнула:

— Да, нам удалось сбежать только потому, что мы действовали сообща.

Фатия недовольно скривилась. В глубине души она была очень зла. И ужасно измучена. Я знала, что ей тоже пришлось нелегко. Она даже лишилась глаза.

Я попыталась успокоить девушек:

— Фатия тоже через многое прошла.

Фатия рассказала нам, что полиция нашла их на заброшенном складе на окраине города. Перевес был на стороне копов. У них была очень четкая задача: ни одна Кошка не должна уйти со склада живой.

— Это было настоящее побоище, — выдохнула Фатия. — Я всего лишь получила пулю в глаз. Но вот другие девушки... — У нее сорвался голос. — Им повезло не так сильно, как мне.

Я погладила ее по колену.

— Скоро война закончится, Фатия. Просто потому, что все устанут сражаться.

Она усмехнулась и поправила повязку.

— Надеюсь, ты права. Но вернуть тех, кого я потеряла, невозможно.

Жюли, низенькая Кошка с темной шерстью, спросила меня:

— А можно... можно потрогать?

Я позволила ей положить руку мне на живот и закрыла глаза.

— Это ребенок Тома? — спросила Фатия.

Я кивнула.

— Что ты будешь с ним делать?

— Думаю, что сохраню.

— Ты уверена?

Я открыла глаза и посмотрела на Рыжую. Она улыбнулась мне, словно пытаясь помочь мне сказать то, что я не решалась произнести.

— Я сохраню ребенка. Я так решила.

Мы стали жить в домике.

Конечно, он был слишком маленьким для всей нашей компании, но нас это не смущало. Над дверью я повесила семейную фотографию. Мы были счастливы снова оказаться вместе; мы, словно животные, спали вповалку, прижавшись друг к другу.

Дни проходили спокойно. Мы читали, готовили и слушали передачи на маленьком радиоприемнике, который принес папа. Время от времени мы совершали длинные прогулки. Оказавшись на природе, девушки стали расцветать. К нам очень быстро вернулись силы. Мы до сих пор боялись, что на нас могут наткнуться охотники. Нам приходилось быть настороже, несмотря на наше развитое обоняние и расставленные ловушки.

После побега мы ждали, что полиция снова устроит облавы. К домику уже приходили несколько мужчин: они искали меня и могли вернуться в любой момент. Но пока что мы никого не видели.

По радио передавали сообщения о пожаре на заводе. «В этом пожаре, возникшем по неустановленной причине, погибло немало Темных», — сказал журналист. «Погибло немало девушек», — резким тоном уточнила его коллега. Журналист замялся: «М-м-м, да... немало девушек... Но не стоит забывать, что среди жертв есть и сотрудники, которые обеспечивали безопасность лагеря. Несмотря на это, правительство заявило о том, что ситуация взята под контроль...»

Из другой передачи мы узнали, что из лагеря на севере страны сбежали шесть Кошек, но их обнаружили члены Лиги. Они побрили девушек и учинили над

ними расправу без суда и следствия. Эта новость нас очень огорчила, а Фатия снова начала проклинать людей. Мне хотелось усмотреть в этом событии последние минуты торжества Савини и Лиги. Виновных в убийстве Кошек уже задержали, и скоро они должны были предстать перед судом. Еще несколько недель назад никто не обратил бы на это преступление ни малейшего внимания. В мире что-то менялось. Медленно. Но непреклонно.

Уже в нескольких передачах политики и журналисты без всякого стеснения критиковали действия правительства. Мутация продолжала распространяться по миру, и все видели, что Лига постепенно сдает позиции, несмотря на ожесточенную борьбу. Мы понимали, что победим просто потому, что Кошек станет слишком много, чтобы их можно было контролировать.

С появлением Мутации пали правительства многих стран. Властью завладели Кошки. Люди ничего не могли с этим поделать. Благодаря Мутации девушки обрели такие способности, такую силу и такую решимость, что ничто их не останавливало.

Конечно, Савини все еще был опасен, будто раненый зверь. Я знала, что, если нас найдут, мы отправимся вслед за теми шестью девушками. Нам нужно было сидеть тихо.

Во время одной из прогулок нам навстречу из чащи вышел черный кот. Я его сразу же узнала:

— Уголек!

Кошка подошла ко мне и стала нежно тереться о мои ноги. Я очень долго ее гладила. Она заметно похудела и была совсем без сил. Она, должно быть, шла несколько дней подряд, прежде чем найти нас.

Я отвела ее в домик, и девушки встретили ее с большой радостью. Ночью все хотели спать рядом с Угольком, а днем мы спорили о том, чем ее лучше кормить. Уголек в каком-то смысле стала королевой нашей маленькой общины: она относилась ко всем одинаково холодно, но радовала каждую девушку своим манящим мелодичным мурлыканьем.

Через несколько дней в домик пришел папа. Он, конечно, не знал, что встретит там меня.

Мы долго стояли обнявшись, а когда он наконец разжал руки и увидел мой круглый живот, у него отвисла челюсть. Думаю, он был так рад узнать, что я на свободе и в полном порядке, что все его сомнения и вопросы по поводу моей беременности отпали сами собой. Да и я все равно не смогла бы ему ничего ответить.

Папа рассказал мне, как жил все то время, что я провела в лагере. Он признался мне, что расстался с Патрисией и что не смог найти новую работу.

— Но я много времени провожу с группой родителей Кошек и сочувствующих, которые борются за ваши права. Мама Тома тоже принимает в этом активное участие.

Том все еще был за решеткой; его приговорили к пяти годам тюрьмы, но группа родителей запросила обжалование этого решения.

— Пока что мы немного добились. Но мы верим. Мы боремся. Пожар на заводе наделал много шума. Правительство попыталось замять это дело. Выставить все произошедшее как несчастный случай. Якобы они держат все под контролем. И из лагеря никто не сбежал.

— Очередная ложь.

— Да, этого следовало ожидать. Когда ко мне приехала Сара и сказала, что у тебя все в порядке, я сразу понял, что что-то случилось. Полиция пару раз устраивала облаву в городе, но никто даже не попытался вас выследить. Потому что они боятся признать поражение. Но все в курсе. В других городах люди выходили на митинги. Правительство лишилось поддержки у населения. В СМИ открыто критикуют политику Савини и идею создания лагерей. В Сети появились видео о том, как там устроена жизнь на самом деле. Обществом негодует. — Папа немного помолчал, потер лысину и сказал: — Я думал, что девушки с Мутацией...

— Не могут иметь детей. Я знаю. — Я положила руки на живот. — Но, видимо, это не мой случай.

— Это ребенок Тома?

Я покачала головой:

— Нет. Это наш ребенок.

Папа наконец-то посмотрел мне прямо в глаза:

— Ты изменилась, Луиза.

Это прозвучало не как упрек. Просто как очевидный факт. Думаю, в тот момент папа мной гордился. Но вовсе не потому, что я беременна, нет. Теперь папа считал меня взрослой. Я и сама чувствовала, что стала сильнее. Я полностью избавилась от давнего чувства, что я в этом мире посторонняя. Я уже была не странной девочкой, не монстром, как мне казалось после аварии. Хотя я и пряталась в охотничьем домике посреди леса, я чувствовала себя на своем месте и твердо знала, чего хочу. Я рожу ребенка и, как только правительство и Савини будут повержены, стану журналистом. Это была не мечта. Это был план, который я собиралась осуществить, потому что дала слово Рыжей и потому что сама так решила.

На следующий день папа вернулся в домик вместе с Сати. Мой брат заметно подрос. Он со счастливой улыбкой на лице прижался ко мне.

— Луиза, я так рад тебя видеть!

Я уткнулась носом в его шею. От него так вкусно пахло, что я чуть не расплакалась.

— Я тоже, Сати. Я очень по тебе скучала.

Теперь он правильно выговаривал все звуки. Он был похож на маленького мужчину.

Мы все вместе пообедали на берегу озера.

Над нами было чистое небо. Фатия была счастлива. Казалось, ей очень нравится папа, «несмотря на то что он человек, несмотря на то что он мужчина». Думаю, она хотела снова наладить связь со своей семьей, но пока не могла на это решиться.

Сати с тремя Кошками играл в салочки на поле. Было забавно наблюдать за тем, как они бегают друг за другом. Моего брата совершенно не смущало, что девушки покрыты шерстью. Он понимал, что они не такие, как он, но считал это абсолютно нормальным.

Когда мы прощались, я отдала папе письмо для Тома. Письмо, в котором я сообщала ему, что беременна и собираюсь сохранить ребенка.

Я не знала, как он это воспримет.

Как-то утром мы все дошли до избушки пастуха, возле которой несколько месяцев назад я сражалась с собаками. Хибарка была в полуразрушенном состоянии, но мы подумали, что было бы неплохо ее восстановить. Она была чуть просторнее, чем охотничий домик, и у нее были каменные стены, которые могли бы лучше защищать нас от холода и дождя. К тому же мы могли бы завалить все тропинки, ведущие к избушке, стволами упавших деревьев. Это позволит нам

выиграть время, если к нам пожалуют незваные гости: мы почувствуем, что они рядом, и успеем убежать еще выше в горы. Это было более безопасное место, чем охотничий домик.

Мы целыми днями приводили в порядок домик пастуха и переехали в него в середине января. Уголек не слишком охотно пошла за нами, но, увидев свою новую подстилку прямо у печки, сразу же решила сменить место жительства. Рыжая расписала одну из стен. Она нарисовала Кошек в окружении лозунгов, которые мы сочинили для плакатов, когда готовились к нашему Маршу: «Мы в ярости!», «Мы искры!», «Мы огонь!», «Мы влюблены!», «Мы живы!», «Мы пугающие!», «Мы необыкновенные!», «Мы окончательно чокнулись!».

Мы устроили праздник в честь новоселья.

Зажгли свечи и развесили гирлянды из остролиста и сосновых веток. На огне кипел суп из крапивы, грибов и лесного ореха. После обеда мы испекли хлеб, и в воздухе витал такой восхитительный аромат, что нам хотелось впиться зубами в горячую корочку.

В честь такого события несколько девушек пригласили родителей и друзей, которым можно было доверять. Мы долго спорили по этому поводу: конечно, это было небезопасно, но очень важно для Кошек. Фатия не стала возражать. Мы попросили папу связаться с семьями девушек, соблюдая все предосторожности. Когда девушки и их родные снова встретились после долгой разлуки, они то смеялись, то плакали. Получилось очень трогательно.

Папа с Сати приехали ближе к вечеру и привезли с собой маму Тома. На ней были те же бесформенные розовые спортивки, как и в тот вечер, когда

я встретила ее в больнице. Она от всей души обняла меня и чуть не задушила.

— Мы вытащим Тома из этой проклятой тюрьмы, — сказала она мне на ухо. — Снесем там все к чертям собачьим, если понадобится. Но, клянусь тебе, мой сыночек выйдет на свободу. — Потом она перевела взгляд на мой круглый живот. — Ну, кажется, я скоро стану бабушкой, так ведь?

Я кивнула.

— Мой сыночек так быстро вырос, — сказала она, утирая слезы. — Мне придется с этим смириться. Но он навсегда останется моим маленьким мальчиком.

Папа принес персики в сиропе. Я открыла банку, и их аромат сразу же напомнил мне рождественский ужин в лагере. Как мы, несмотря на все лишения, устроили настоящий праздник. Мы с девушками предались воспоминаниям. О том, как Рыжая пародировала Кэти, о том, как мы пели и танцевали, о том, какими вкусными нам казались сладости, которыми мы угощали друг друга. Мы от души смеялись, хоть у каждой из нас в душе еще были свежие шрамы. Не было и дня, чтобы я не вспомнила о Белянке и обо всех Кошках, которые погибли во время нашего побега. О Саре, которая представлялась мне сказочной принцессой, запертой в маленькой квартире посреди большого города. О Морган, которая пыталась выжить, любила и ненавидела нас одновременно, а потом стала одной из нас и пожертвовала собой ради всех Кошек. Где она теперь?

Я поняла, что мы все изменились и уже никогда не будем прежними. И не только благодаря Мутации и шерсти, покрывшей наши тела, но и благодаря

всему, через что нам пришлось пройти. Мы стали взрослыми. Израненными взрослыми, которым предстояло принимать решения. И которым принадлежало будущее.

Мама Тома принесла мне письмо. Я открыла его трясущимися руками. Том писал, что очень рад, что я жива и передала ему письмо. Он почти ничего не рассказывал о своей жизни в тюрьме, не считая того, что он был ответственным за библиотеку и создал клуб любителей чтения. Я прекрасно понимала, что он о многом умалчивает, чтобы меня не тревожить. В конце письма было несколько строк о моей беременности:

К счастью, я лежал, когда прочел, что ты беременна. Иначе я подпрыгнул бы до потолка или упал бы на бетонный пол. Или сделал бы и то и другое. Думаю, тараканы, мои соседи по камере, оценили бы это зрелище. Этим милым маленьким животным здесь ужасно скучно. Я пишу всю эту ерунду, потому что мне очень радостно и страшно одновременно. (Думаю, ты ощущаешь примерно то же самое?) Я не чувствую, что готов к этому. (Думаю, ты тоже?) Я даже не знаю, хочу ли я этого. (Но ты, наверное, уже твердо решила?) Я даже не могу представить, как будет выглядеть ребенок, у которого такая мать, как ты (невероятно красивая, сильная и умная), и такой отец, как я (хоть я и потерял в тюрьме несколько граммов, я все такой же «поленький» и странный). Но ты знаешь, как я люблю приключения, и если ты хочешь ввязаться в эту авантюру вместе со мной, то я во всем тебя подержу. Со всей моей любовью. Том.

Подняв глаза, я заметила, что все вокруг украдкой поглядывают на меня, наблюдая за моей реакцией.

— Что вы на меня так смотрите? — спросила я и не смогла сдержать улыбку.

Этого было достаточно, чтобы их успокоить.

Была весна, и я сеяла горох в огороде, который мы разбили на месте старого загона для скота. В углу сада, пригревшись на солнце, дремала Уголек. Папа привез нам семена из города, и мы уже вырастили салат, морковку и капусту. Жить стало намного проще, когда у нас появились свои овощи.

Зима прошла очень спокойно.

Иногда на плато, где мы жили, забредали туристы или охотники, но они сворачивали в сторону, не доходя до нашего домика. Нашими союзниками были собаки. Не знаю почему, но они всякий раз брали мнимый след и уводили своих хозяев подальше от нас. Вполне вероятно, что пара охотников пропала с концами из-за Фатии. Она хранила в себе ужасный, но чуть притупившийся гнев, подобный старому ножу, который давно не точили.

В то утро я вставила в землю зернышко и тут же почувствовала первые схватки.

Я поднесла к животу испачканную в земле руку.

Уголек подняла на меня зеленые глаза.

Рыжая и еще две Кошки, которые пропалывали кусочек огорода, сразу же все поняли. Они подбежали ко мне, помогли мне встать, и я прислонилась к дощатой стене старого загона. Мне было то очень жарко, то буквально через секунду начинало знобить.

Из пастушьего домика выбежала Фатия, которая почувствовала, что со мной происходит.

Она положила руку мне на плечо:

— Мы с тобой, Лу.

Я попыталась улыбнуться, но получилась только мученическая гримаса.

Конечно, мне было страшно, но оттого, что девушки были рядом, мне становилось спокойнее.

Вдруг я почувствовала, что внутри меня будто вращается планета, что сама я стала небом с тяжелыми тучами, из которых вот-вот польется дождь. Ребенок был на подходе. Я закричала: мой голос звучал, словно гром, который в грозу обрушивается на землю. Небеса разверзлись. Так я и родила первого ребенка: прямо в огороде, на черной земле. Младенец и сам был похож на зернышко — в нем чувствовалось живое трепещущее начало. Я вдохнула запах ребенка, а затем аромат гор, леса, людей и животных, которые когда-то жили здесь, и тут у меня в животе завертелась еще одна планета.

Я выпалила:

— Еще один, еще один ребенок.

Небеса и мое тело разверзлись во второй раз, и на темную землю упало еще одно зернышко.

Их было двое. Две планеты-близнеца.

В этот день три месяца назад я родила двоих детей. Мальчика и девочку.

Вы пришли ко мне сегодня утром по нехоженной тропинке. Дорогу вам показал папа.

На мое тогдашнее письмо вы ответили, что готовы со мной встретиться. Но моя почта уже давно была заблокирована, и ваш ответ я так и не получила.

Я знаю, что вы провели целое расследование, чтобы меня найти. Папа рассказывал, что однажды вы пришли к нам домой и спросили у папы, точно ли я его дочь. Из осторожности папа не сразу открыл вам всю правду. Он рассказал мне о вашем визите, и я поняла, кто вы такой.

Фатия была против того, чтобы вы приходили сюда.

— Он мужчина, Лу. Он ничего не поймет.

Конечно, она права: вы мужчина и к тому же немолды. Я не знала, сможете ли вы понять семнадцатилетнюю девушку. Да и может ли вообще мужчина понять женщину?

Наконец я смогла убедить Фатию, что победить Савини и Лигу мы сможем только тогда, когда перестанем молчать.

За зиму я успела набросать план, чтобы понимать, о чем и как я буду вам рассказывать. Вы выслушали весь мой рассказ, ни разу меня не прервав, даже когда я говорила о вашей дочери. И я благодарна вам за это. Я бы и сама могла написать эту книгу, но я знаю, что никто не станет издавать произведение, созданное Кошкой. А вы человек. Вы знаете немало издателей. Быть может, среди них найдется смельчак, который решится напечатать ваш текст. Быть может, однажды этот рассказ окажется на полках книжных магазинов, а потом и в руках читателей и читательниц, которые поймут, что мы не так уж сильно отличаемся от них. Для этого и нужны книги. Чтобы открывать людям глаза, а если повезет — и сердца.

Мы скрываемся здесь, в горах. Это наша территория. Конечно, это почти ничего не значит. Мы прекрасно понимаем, что Савини до сих пор у власти,

что лагеря все еще не закрыты и что приспешники Лиги не упустят возможности с нами расправиться, если найдут нас.

Вас тоже могут посадить в тюрьму или казнить без суда и следствия, если обнаружат здесь, с нами. Вечереет. Вам пора уходить.

Но сначала я хочу познакомить с детьми. Ведь даже если, как я уже говорила, мой рассказ ничего не изменит в мире, это совершенно точно сделают мои дети.

Да, теперь вы понимаете, что я согласилась с вами встретиться ради них.

Они здесь недалеко, за ними присматривают девушки.

Я часто рассказываю им сказки про чудовищ и драконов. Я знаю, что они уже понимают: мир суров и жесток, но чудовищ можно победить. Всех без исключения. Даже тех, что прячется за очарованием и изысканными манерами людей.

Вам, наверное, интересно, как выглядят мои дети, правда?

Как люди или как Кошки?

Есть ли у них хромосома Т?

Для меня это просто мои дети.

Но когда вы их увидите, вы поймете, что мир уже никогда не будет прежним.

Завтрашний день принадлежит моим детям.

Пойдемте.

Пойдемте, я покажу вам, как выглядит будущее.

Об авторе

Так заканчивается стенограмма рассказа Луизы Р.

Думаю, группа Кошек, с которыми она живет, перебралась в другое, более надежное место, ведь девушки знали, что в этом тексте мне придется разгласить некоторую важную информацию.

Прямо сейчас множество девушек, как и Луиза, Фатия, Сара, Морган и Рыжая, живут, выживают, сражаются, мечтают, любят. Неважно, называют ли их Кошками или Темными. Некоторые из них прячутся в подвалах, на чердаках, на заброшенных складах, в маленьких квартирах, расположенных в больших городах, и в домиках высоко в горах. Другие же девушки, коих большинство, заперты в лагерях, которые якобы созданы для обеспечения карантина и защиты здоровья населения. На самом же деле это обыкновенные трудовые лагеря, которые существовали и в прошлом веке.

Но я уверен, что однажды все эти девушки обретут свободу, полную свободу, потому что ничто не сможет сдержать силу, которая бурлит внутри Кошек.

Конечно, многие из них погибнут, как моя дочь Камий. Они падут жертвами невежества, суеверий и страха.

До сих пор неизвестно, что стало причиной Мутации. Кто-то утверждает, что это проклятие, другие твердят, что это болезнь, хотя ученые уже несколько раз опровергли эту гипотезу. Луиза видела в Мутации эволюцию, которая приблизит человека к его естественной среде обитания. Фатия думала,

что «мужчины, как динозавры, исчезающий вид». Для нее Мутация — это месть мужчинам за то, что они тысячелетиями угнетали женщин. На сегодня тайна хромосомы Т не раскрыта. Возможно, в ближайшем будущем мы узнаем о ней чуть больше. И все-таки я думаю, что «старый мир», который так не нравился и Луизе, и Фатии, отжил свое.

Почему?

Да хотя бы потому, что они молоды, а мы остались в далеком прошлом, как и наши дряхлеющие правительства, наша экономика, наш образ мыслей.

И это не только мое мнение.

Вот неоспоримый факт: Мутация поразила всех девушек-подростков на планете. Следовательно, она коснется и всех нас, ведь эти девушки скоро превратятся в женщин.

Предлагаю вам перечитать самое начало рассказа Луизы. Она сказала мне: «Признайте, если я смертна, значит, и любить могу».

Да, хотите верить, хотите нет, эти девушки ничем не отличаются от самых обычных подростков. У них есть мечты, страхи, вера, собственное мнение; они протестуют, борются, порой сходят с ума. И умеют любить.

Они могут любить Кошек, женщин и мужчин.

Кто-то из них захочет иметь детей, кто-то — нет. Каждая сделает свой выбор.

Но дети, которые родятся в результате их любви, будут совсем другими.

Я своими глазами видел детей Луизы и Тома.

Конечно, я не стану распространяться здесь о встрече с ними.

Могу только сказать вам, что мир очень скоро изменится.

И, как сказала Луиза, завтрашний день принадлежит ее детям.

Благодарности

Тем, чьи слова, мелодии и картины натолкнули меня на размышления и подпитывали мое воображение.

Колдуньям, Кошкам всех мастей, подросткам из Мант-ла-Жоли⁵, и не только, — всем, кто борется.

Моему редактору Оливье и всей команде издательства «Руэрг».

Мадлин за записочки, которые она бросала в мой почтовый ящик.

Клое, которая очень внимательно прочла мой текст и была ко мне очень снисходительна.

Лоре за ее советы, исправления, терпение и поддержку.

Луизе, Фанлу и Рафаэлле.

Всей женской половине моей семьи.

⁵ Город в центральной части Франции.

МИО Проза

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

**НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО
МАСШТАБА**

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

mifbooks

Литературно-художественное издание
Young Adult Novel. Дикие тайны

Серван Стефан

Против шерсти

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*

Ответственный редактор *Анна Золотухина*

Литературный редактор *Катерина Куземкина*

Арт-директор *Вера Голосова*

Иллюстрация обложки *Елена Новоженина*

Верстка *Юлия Рахманина*

Корректоры *Светлана Липовицкая, Елена Гурьева*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

123104, Россия, г. Москва,

Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2

www.mann-ivanov-ferber.ru

www.vk.com/mifbooks

ОТ АВТОРА КНИГИ «СИРИУС»

Никто точно не знает, как это началось. Семнадцатилетняя Луиза — одна из первых девушек, подвергшихся мутации. Ее чувства обострились, в теле и движениях все отчетливее стали проглядывать кошачьи черты. Но она не единственная, с кем это случилось. Списки в социальных сетях пополняются с каждым днем, вспыхивают беспорядки, и власти начинают преследовать девушек-кошек. Вскоре Луиза оказывается перед выбором: пытаться замаскировать новые способности, чтобы жить как прежде, или отстаивать свои права и присоединиться к мятежу?

Иллюстрация на обложке — Елена Новоженина

МИО mann-ivanov-ferber.ru @mifbooks